

УДК 902.01

АНТЕННЫ СКИФСКИХ АКИНАКОВ. ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

© 2017 г. Д. А. Топал

Необычное оформление навершия акинаков в виде антенн или волют довольно рано обратило на себя внимание исследователей скифского клинкового оружия. Кроме того, именно форма навершия является основой практически всех известных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. Исследователи давно обратили внимание на удивительную схожесть этого типа украшения акинаков с теми, что изготавливались в эпоху поздней бронзы и гальштата в Средней Европе. Однако для самих центральноевропейских кинжалов антенное навершие – явление довольно позднее и фиксируется не ранее HaV. А у черногоровско-новочеркасских мечей и кинжалов антенные навершия все еще неизвестны. Время появления антенного навершия – вторая половина VII в. до н.э. С этого момента простые антенные навершия появляются независимо в трех регионах – на Северном Кавказе, Приднепровской лесостепи и Карпато-Подунавье. Для раннескифского времени антенное навершие является скорее экспериментальным исключением, а не оформленной традицией. Амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские и гудермесские акинаки с антеннами или волютами. В среднескифский период антенны нам известны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечах типа Ноград. Время широкого распространения антенных наверший – финал среднескифской эпохи (вторая половина VI – V в. до н.э.). С середины VI в. на территории Европейской Скифии появляются акинаки с орнитоморфным навершием, не связанные с раннескифскими центрами производства акинаков. По всей видимости, появление орнитоморфных и зооморфных наверший укладывается в рамки общей евразийской традиции – грифовые кинжалы в это время распространяются в Волго-Уралье, Семиречье, Саяно-Алтае и Северном Китае. Реалистичное орнитоморфное навершие типа Гэйчана появляется на широкой серии мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем. Начиная с V в. до н.э. начинается упрощение орнитоморфного навершия, отход от реалистичности. И уже в конце V в. до н.э. орнитоморфное оформление окончательно схематизируется, превращаясь в орнаментальный прием. Со временем типологическая серия антенных наверший в виде головок хищных птиц, начиная с крупных реалистичных форм, постепенно эволюционирует в сторону минимизации и схематизма, возможно, связанного с утерей изначального представления об образе.

Ключевые слова: акинак, антенное навершие, волюты, грифовый кинжал, меч, Евразия, Причерноморье, Сибирь, скифское время

Необычное оформление навершия акинаков в виде антенн или волют довольно рано обратило на себя внимание исследователей скифского клинкового оружия. Кроме того, именно форма навершия является основой практически всех известных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. М.И. Ростовцев очертил типохронологические различия южнорусских мечей и «оренбургских» и выделил три разновидности антенновидных наверший – «волютообразное», «орнитоморфное» и «серповидное» (Ростовцев, 1918, с. 57). Отделив, исходя из формы перекрестья, «скифские» мечи и кинжалы (с сердцевидным перекрестьем) от «сарматских» (с прямым), В. Гинтерс выделил несколько групп скифских мечей по форме навершия – мечи «с овальным и стержневидным навершием» (mit ovalem und querstabartigem Knauf), «плоским овальным» (mit flachovalem Knauf) и «антенновидным» (mit Antennenknauf) (Ginters,

1928, s. 40). Скифские мечи и кинжалы, по А.И. Мелюковой, составляют два отдела по форме навершия – с «прямым» (брусковидным или овальным) и «антенным» (простым или зооморфным). Клинковое оружие с антенным навершием, в свою очередь, делится на два подотдела – «мечи и кинжалы с простым антенным навершием» и «мечи и кинжалы с антенными навершиями, трактованными в зверином стиле». Первый подотдел разделен на три типа по форме перекрестья – с «почковидным», «бабочковидным» и «сегментовидным», второй – на два, с «бабочковидным» и «ложнотреугольным» (Мелюкова, 1964, с. 53–56). Таким образом, отделы выделены А.И. Мелюковой на основании формы навершия, тогда как типы внутри отделов определяются формой перекрестья. Типологическая схема А. Вулпе основана на эпонимическом принципе (т.е. название типа определяется наиболее характерным экземпляром). При

этом он разделил весь массив акинаков на пять «морфологических групп» (Formengruppe): I – «с прямым навершием, ребристой рукоятью и полусердцевидным перекрестьем» (типы Посмуш, Фериджиле-Лэчень и Делений); II – «с прямоугольным навершием, сердцевидным перекрестьем и утолщенным по краям стержнем рукояти» (типы Орбяска, Сусень-Мэчишень, Пилинь); III – «с овальным навершием, плоской рукоятью и профилированным¹ перекрестьем» (тип Козия и отдельная находка из Тигвень); IV – «с простым антенновидным навершием» (типы Фрата, Бырсесть, Нэнешть) и V – «с зооморфным навершием» (тип Гэйчана и отдельная находка из Доболлий де Жос) (Vulpe, 1990, s. 22–62). На основе корреляции выделенных 54 «черт»-признаков, А.Ю. Алексеев выявил пять устойчивых групп, которые, по его мнению, отражают культурные типы. Правда, основным признаком, который отражает эволюцию акинака и, соответственно, представлений, связанных с этим видом вооружения, исследователь считал оформление перекрестья. Тем не менее, «мечи с антенным навершием и узким бабочковидным перекрестьем» он выделяет в отдельный 4 тип (Алексеев, 1991а, с. 276). Одна из самых свежих классификационных схем основана на анализе изделий с территории причерноморской Лесостепи и разработана А.В. Шелеханом (Шелехань, 2016, с. 361). Киевский исследователь, как и большинство его предшественников, выстраивает типологическое деление также на основе изменчивости оформления рукояти. Так, среди выделенных им подразделений как минимум три так или иначе связаны с антенным навершием – «с простым волотовидным, прошивным или накладным» (II.4), «грацильным накладным зооморфным волотовидным» (II.5) и «ажурным волотовидным» (II.6).

«Антенные традиции»: в поисках прототипа

Что касается происхождения антенного навершия в скифской среде, еще Э. Ленц, Э. Миннс, а позднее М.И. Ростовцев и В. Гинтерс обратили внимание на удивительную схожесть этого типа украшения акинаков с теми, что изготавливались в эпоху поздней бронзы и гальштата в Средней Европе (Ленц, 1905, с. 62; Minns, 1913, p. 70; Ростовцев, 1918,

¹ Очевидно, под «профилированным перекрестьем» (profilierter abschließender Heft) имеется ввиду устоявшийся в русскоязычной литературе термин «бабочковидное перекрестье».

с. 58; Ginters, 1928, s. 40). М. И. Ростовцев, к примеру, возникновение антенного навершия («волотного набалдашника») представлял как возможный результат сочетания «западных» (гальштатских?) и «восточных звериных» форм (Ростовцев, 1918, с. 60). В. Гинтерс рассматривал антенное навершие скифских мечей как явление, в целом, более позднее, по сравнению с остальными типами наверший. Он заметил, что акинаки с антенным навершием на поздних этапах сосуществуют с брусковидным и овальным, при этом оформление стержня рукоятей и перекрестья у этих разновидностей часто бывает идентичным (Ginters, 1928, s. 44, 45). Однако в отличие от М.И. Ростовцева, В. Гинтерс со всей осторожностью отнесся к идее о гальштатском происхождении скифских антенн, ссылаясь на тот факт, что состояние источника на время написания его работы не позволяет доказать степень влияния гальштатских и латенских мечей на скифский акинак² (Ibid, s. 90). А.И. Мелюкова (1964, с. 60), а вслед за ней и Б.А. Шрамко (1984, с. 33) настаивали на местном появлении антенновидной формы навершия, независимом от гальштатских традиций.

А. Вулпе в 1967 г. предположил, что антенные навершия являются инновацией местного населения Карпато-Подунавья, сложившейся под влиянием «центральноевропейских антенных кинжалов» (mitteleuropäische Antennendolche), которая затем распространилась на восток, в скифский мир (Vulpe, 1967, s. 61). Позднее он подтвердил свои выводы, мотивируя отсутствием надежных сведений о более ранних акинаках с антенным навершием в Северном Причерноморье (Vulpe, 1990, s. 52, 53). Действительно, восточные влияния на центральноевропейские образцы практически исключены (Sievers, 1982, s. 10), более того, начиная со ступени НаА₁ в Карпатском бассейне среди определяющих традиций в металлообработке на первый план выходят именно западные – среднедунайские (Дергачев, 1997, с. 57). Для самих центральноевропейских кинжалов антенное навершие – явление довольно позднее и фиксируется не ранее НаВ (Sprockhoff, 1934, s. 34, 71; Müller-Karpe,

² Кроме того, В. Гинтерс полагал, что самые ранние мечи с антенными навершиями относятся ко времени не ранее V в. до н.э. (Ginters, 1928, s. 40). И хотя уже А.И. Мелюкова подвергла сомнению данное утверждение, понизив дату до VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 60), для нее культурный и хронологический разрыв в традициях гальштатских и скифских мечей по-прежнему оставался слишком значительным.

1961, s. 53–55, 57, 65, 88), при этом даже к NaV_1 достоверно можно отнести лишь семь экземпляров (Stockhammer, 2004, s. 68). Основная масса датированных изделий относится к NaV_3 и распространена главным образом на территории Восточной Германии и Польши, для NaC – это уже Восточно-альпийский регион и Центральная Италия (Ibid, s. 69). Мечи с антенным навершием не слишком распространены в раннегальштатских кладах Югославии, Венгрии, Закарпатья и Румынии, однако, начиная с NaV_2 , немногочисленные экземпляры появляются в Трансильвании (Petrescu-Dîmbovița, 1977, pl. 343, 14; 350, 13; 354, 1, 2; 379, 8). Единственная близкая по времени находка в Причерноморье – центральноевропейский импорт в составе клада из с. Валя Русулуй (Дергачев, 1975, рис. 3, 1). Синхронные экземпляры с антенновидными навершиями из Прикарпатья считаются местными по происхождению (Клочко, 2006, с. 203) – мечи из Яблоньки-Язловца (Там же, рис. 95, 10) и Вороны (Малеев, 1992, рис. 2). Меч из Валя Русулуй относится скорее к NaV_2 и, несмотря на то, что этот клад рассматривался в рамках культур каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтенъ (Левицкий, 1993, с. 65), вероятно его отнесение к следующему по времени горизонту древностей – Козия-Сахарна IX в. до н.э. (Бруяко, 2005, с. 104).

Среди кобанских древностей Центрального Кавказа известен один кинжал с антенным навершием, оформленным в виде противопоставленных голов хищников (Curtis, Kruszyński, 2002, p. 10, 11, fig. 6, pl. 2a, 1), изготовленный, судя по аналогиям, не позднее VIII в. до н.э. (Дударев, 2011, с. 223–225) или даже X в. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 97). Тем не менее, несмотря на все попытки представить этот кавказско-переднеазиатский кинжал в качестве предшественника скифских акинаков (Curtis, Kruszyński, 2002, p. 11; Дударев, 2011, с. 225), уникальный характер данного изделия и его хронологическая отдаленность не позволят связать его со скифскими древностями. Кроме того, иконографические традиции грифона-птицезверя отсутствуют в предскифском горизонте степной Евразии конца II – начала I тыс. до н.э. (Канторович, 2010, с. 195), хотя Г.Н. Вольная обнаруживает киммерийское влияние в изображении глаза хищной птицы в виде ромба в круге, как, например, на привеске из Комаровского могильника (Вольная, 2002, с. 92, рис. 12: 1). Тем не менее, у черноморско-новочеркасских мечей и кинжалов антенные навершия все еще неизвестны.

В европейской части скифского мира обладают навершием, оформленным в виде антенн или трактованном в зверином стиле около трети акинаков (31%). Распространены акинаки с антенновидным навершием от Урала до Карпат сравнительно однородно, кроме, пожалуй, самых отдаленных регионов – южного (Закавказье) и северо-западного³ (Альфелд, Моравия, Силезия) (рис. 1, II). В ареале культуры Векерзуг мечей и кинжалов с антенными навершиями почти нет. Своеобразное исключение составляет однолезвийный меч из погребения второй половины VI в. до н.э. у Батмоноштора на юге Венгрии (несколько в стороне от основного ареала культуры Векерзуг), навершие которого состоит из волют (Guyscha et al., 2015, p. 118, fig. 4, 3). Столь же необычно оформление однолезвийных экземпляров из Пенца (Patay, 1955, XVII) и погребения 120 Сентеш-Векерзуга (Parducz, 1955, fig. 3) – в виде загнутого клюва птицы. В Закавказье известно всего несколько экземпляров – из п. 139 Тлийского могильника (Техов, 1972, с. 310), Степанакертского музея (Есаян, Погребова 1985, с. 49, табл. 1, 26). В Западном Закавказье акинаки с антенным навершиями известны по материалам могильника Джантух (Шамба, Шамба, 1990, с. 19) и Сухумской горы (Воронов, 1975, рис. 5, 7).

Что касается хронологии, оформление наверший в виде антенн появляется, судя по всему, ненамного позже возникновения самого акинака, при этом широкое распространение этого способа оформления начинается со второй половины – конца VI в. до н.э. (рис. 1, I). Весьма показательны, что изображения акинаков с антенным навершием (как и любым другим, отличным от прямого брусковидного) в монументальной скульптуре скифов относятся главным образом к V в. до н.э. и появляются не ранее второй половины VI в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 73, табл. 18). При этом основная часть изображений акинаков с антеннами происходит с территории Северного Причерноморья, с правого берега Днепра (рис. 5). Они есть на стелах из Первомайска, Терновки, Медерова, Кировограда⁴ и,

³ Совсем недавно стало известно о среднескифском кинжале с антенным навершием, обнаруженном в результате грабительских раскопок неподалеку от Брно (Topal, Golec, 2017, fig. 1).

⁴ На изваянии из Кировограда изображено два меча, при этом акинак на левом боку обладает выраженным кольцевым навершием (Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 43). Учитывая безусловную редкость кольцевого навершия у мечей и кинжалов скифского времени

возможно, Любомировки (Там же, кат. 9, 11, 62, 76, 77) (рис. 6, 2–6). И лишь одно из таких изваяний было найдено на территории Предкавказья – возможно, в окрестностях станицы Преградной (экземпляр из Краснодарского музея)⁵ (Там же, кат. 119) (рис. 6, 1).

Антенные навершия в раннескифское время

Неудивительно, что самые ранние комплексы, в которых присутствуют скифские акинаки с антенным навершием связаны с тремя основными регионами – Северным Кавказом, Приднепровской Лесостепью и Карпато-Подунавьем (рис. 2). Именно эти культурные анклавы по сути стали генераторами новых форм клинкового вооружения в раннескифское время, в частности, гудермесского и келермесского типов (Топал, Бруяко, 2012, с. 141; Топал, 2015, с. 74). В Трансильвании кинжалы с антенным навершием были найдены в погребении 2 1969 г. могильника Теюш (Buzdugan, 1976, fig. 2, 6) (рис. 4, А) и 9 могильника Кристешть (Vasiliev, 1980, pl. 10, 5) (рис. 4, С) – древнейших в группе Чумбруд. Железные длинновтульчатые наконечники стрел, напоминающие новочеркасские бронзовые прототипы позволяют отнести погребение у Теюш чуть ли не к предскифскому времени (Chochorowski, 1998, s. 480). Тем не менее, по келермесским наконечникам стрел, погребение 2 у с. Теюш, вероятнее всего, датируется серединой VII в. до н.э. (Бруяко, 2005, с. 248). Тем же временем датируется и погребение 9 у Кристешть – по железным трехдырчатым псалям, аналогичным экземплярам из клада Фюгед (Kemenczei, 1994, s. 81; Бруяко, 2005, с. 249). А. Вулпе выделил кинжалы из Теюш и Кристешть в отдельный тип, присовокупив находки из погребений у с. Фрата 1944 г. (рис. 4, F), Батош 1964 г., Чипэу-«Гара» 1913 г. и, возможно, кинжал из погребения у Аркиты 1871 г. (данный экземпляр лишен навершия) (Мелюкова, 1964, с. 59), возможно предположить, что таким образом мастер попытался передать навершие в виде антенн – на другой известной прорисовке это более заметно (Бокий, Могилов, 2014, с. 51, рис. 16, 1). Похоже, трудности изображения антенн на каменных рельефах, подтолкнули также и резчика медеровской стелы к изображению кольца (Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 44).

⁵ Антенны у меча, изображенного на стеле из Краснодарского музея весьма специфичны и указывают, скорее, на классический период. Представляется возможным интерпретировать эту деталь как изображение акинака типа Солоха, который проник на территорию Кавказа из Северного Причерноморья.

шия) (рис. 4, H). Этот тип – *тип Фрата* (рис. 4, 1–5), по его мнению, относится ко второй половине VII в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 50–52). К раннескифскому времени относится меч с антенным навершием из кургана 44 могильника Фериджиле (Vulpe, 1967, pl. XV, 4) (рис. 4, B). Для четвертой фазы этого могильника конца VII – VI вв. до н.э. характерна местная вариация типа Келермес – *тип Фериджиле-Лэчень* (по А. Вулпе) с выраженной трехчастной рукоятью, брусковидным навершием и массивным бабочковидным перекрестьем (Vulpe, 1990, s. 33). Хотя экземпляр из кургана 44 кроме антенн снабжен также плоской рукоятью с поперечными насечками, сам факт обнаружения антенного навершия в могильнике раннескифского времени Южного Прикарпатья весьма показателен. Раннескифским временем датируется всего один комплекс с акинаком (и он тоже украшен антеннами) из Нижнего Подунавья – погребение 2 сектора II могильника Челик-дере (Simion, 1992, fig. 1) (рис. 4, L), которое А.И. Мелюкова считает одновременным погребению из Сабанджии и относит ко второй половине – концу VII в. до н.э. (Мелюкова, 2001, с. 22).

В свою очередь, северокавказские экземпляры считаются связанными с предскифскими из кобанских могильников горного Кавказа и представляют самостоятельную традицию, отличную от центральноевропейской (Махортих, 1995, с. 115). Одним из наиболее ранних северокавказских экземпляров считается однолезвийный кинжал из кургана в местности Карабашево (Любин, 1964, с. 254, рис. 2) (рис. 4, K), отнесенный по бронзовым двухлопастным стрелам, удилам и железным трехпетельчатым псалям ко времени не позднее VII в. до н.э.⁶ (Махортих, 1995, с. 112) или по катушковидной подвеске – к концу VII – первой половине VI вв. до н.э.⁷ (Козенкова, 1998, с. 47). Особый интерес представляет кинжал из погребения 4 могильника Сержень-юрт II (Kozenkova, 1992, Taf. 82, 9) – его пропорции и форма навершия сближают его с акинаками типа Фрата, выделенными на материалах Румынии А. Вулпе. Кроме того, наличие у него лезвия односторонней заточки и небольшие размеры делает аналогию с трансильванской серией еще более убедительной. Близок кара-

⁶ В свою очередь, В.И. Козенкова датировала двухлопастные стрелы из этого комплекса серединой – второй половиной VI в. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 63).

⁷ При этом, А.Ю. Скаков считает, что дата этих подвесок может быть ограничена только VI в. до н.э. (Скаков, 2009, с. 163).

башевскому акинаку кинжал из Нестеровского могильника (Крупнов, 1960, с. 482, табл. LXII, 2), который В.И. Козенкова датировала временем не позднее VI в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 89). При этом, на территории Центрального Кавказа погребение 139 могильника Тли (рис. 4, D), в котором был обнаружен кинжал с антенным навершием, было отнесено автором раскопок к группе погребений второй половины VII – VI вв. до н.э. (Техов, 1972, с. 310). Это вызвало возражения Ю.Н. Воронова, который, в своем стремлении омолодить хронологические выкладки Б.В. Техова, повысил нижнюю хронологическую границу данной группы (и особенно погребения 139) до конца VII в. до н.э. (Воронов, 2006, с. 35).

В Левобережной Днепровской лесостепи к раннескифскому времени относится погребение в кургане 3 у с. Поповка (рис. 4, E), в котором был обнаружен меч с архаичным келермесским перекрестьем (Бобринский, 1894, табл. XXV, 11). К сожалению, из-за коррозии сложно судить о точной форме навершия, но, вероятнее всего, оно было волнитообразным. Кроме него, в погребении были обнаружены остатки защитного вооружения, железный трехпетельчатый псалий, бронзовые навершия. Железные трехпетельчатые псалии хорошо известны в раннескифских комплексах Северного Кавказа, а основное время их бытования в украинской лесостепи «вторая половина VII – первые десятилетия VI в. до н.э.» (Махортых, 2014, с. 184). Навершия из Поповки также находят аналогии в Келермесском кургане 1 (Ильинская, 1968, с. 158). К эпохе скифской архаики также следует отнести меч из кургана 5 могильника Скоробор из раскопок 1906 г. В.А. Городцова (Шрамко, 1987, рис. 70, 10).

Кроме того, нельзя не обратить внимания на оформление антеннами или волнотами наверший акинаков, относящихся к келермесскому типу (рис. 4, 16–22). Так, известно, по меньшей мере, четыре акинака келермесского типа с антенным навершием – из Борисоглебского музея (Мулкиджанян, 1983, с. 137–139), из собрания А.А. Бобринского (Мелюкова, 1964, рис. 20, 1), южной Башкирии – из окрестностей с. Берлячево (Смирнов, 1961, с. 20, рис. 3, 7) и с. Иванча Оргеевского района Республики Молдова (не опубликован). Исходя из наличия трехчастной в сечении рукояти, к келермесскому типу можно отнести акинак с антеннами из с. Губари Борисоглебского района Воронежской области (Журавлев, 2002, с. 96, 98, кат.

437). Также известны два акинака марычевского типа с антенным навершием – из Петровского района Тамбовской области и с. Тынково (Клоков, Моисеев, 1999, рис. 11, 1–2). Для данного типа характерны массивные бабочковидные перекрестья, украшенные головами грифонов со спирально загнутыми клювами геометрический орнамент на рукояти. При этом, марычевский тип, несмотря на отсутствие достоверных комплексов, был отнесен Р.Б. Исмагиловым ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (Исмагилов, 1989, с. 91).

В дальнейшем, простое антенное навершие сопровождает изделия начала среднескифского периода. Основные изменения в морфологии акинаков Средней Скифии отчетливо прослеживаются на церемониальных экземплярах из кургана Шумейко (Древности Приднепровья, 1900, с. 17, табл. XLV, 461) и комплекса из Феттерсфельде (Furtwaengler, 1883, Taf. III). Если для основной массы раннескифских акинаков преобладает форма клинка с параллельными лезвиями, то уже к концу периода появляются треугольные и узкие вытянутые клинки. Перекрестья становятся еще более массивными, округлыми, а навершия напротив – тонкими, вытянутыми (Ginters, 1928, s. 11–12; Мелюкова, 1964, с. 60). При этом рукоять по-прежнему сохраняет «рамочность», хотя стержень рукояти теряет ромбовидный валик, характерный для келермесской традиции. По меньшей мере два экземпляра, близких шумейковскому типу, но оснащенных антеннами, происходят из комплексов – из погребения 5 1931 г. Таманского некрополя (Гайдукевич, 1959, с. 158–159) и погребение в кургане 21 у с. Купьеваха (Бойко, 2008, с. 209, рис. 1, 1). Оба погребения относятся к самому началу среднескифского периода (или переходного периода по Д.С. Гречко) около середины VI в. до н.э. (Гречко, 2016, с. 160). Килик из таманского погребения принадлежит типу В2 по Вилляр-Вале и датируется второй четвертью – серединой VI в. до н.э. (Гречко, 2012, с. 83). Погребение в кургане 21 у с. Купьеваха первоначально было продатировано авторами раскопок последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. (Берестнев, Бойко, 2005, с. 5–6). Д.С. Гречко такую датировку считает слишком завышенной и предварительно предлагает интервал «540–520 гг. до н.э.» (Гречко, 2012, с. 82). Случайных находок акинаков типа Шумейко с антенным навершием гораздо больше и связаны они главным образом с Приднепровской

лесостепью (Мелюкова, 1964, табл. 20, 4, 5, 7) и Прикубаньем (Новичихин, 2006, рис. 54, 2, 3; 55, 3, 4; 56, 7), хотя отдельные находки встречаются в румынской Молдове (Vulpe, 1990, Taf. 14, 68, 70), Крыму (Скорый, Зимовец, 2014, с. 37, кат. 28), Приволжской лесостепи (Полесских, 1961, рис.1) и Приуралье (Исмагилов, 2001, табл. 1, 1, 2).

По всей видимости, именно на основе формы, представленной мечом из кургана Шумейко, возникает следующая вариация скифских акинаков. От мечей и кинжалов типа Шумейко, кинжалы типа Феттерсфельде отличает более широкий, но менее вытянутый клинок, расширенное почковидное перекрестье, удлиненное узкое навершие. Также исключительной особенностью кинжалов типа Феттерсфельде можно считать украшение клинка продольными насечками-желобками (Топал, 2016, с. 279). Исходя из такого набора признаков, к данному типу можно отнести несколько экземпляров с антенным навершием – из г. Харькова (Бабенко, 2009, с. 19, рис. 1, 2), Красного Лимана Донецкой области (Кравец, Швецов, 1987, рис. 1) и разрушенного кургана у с. Нэвырнец (Dopici, 1928, p. 323, fig. 1). Таким образом, амбивалентность в оформлении наверший была свойственна скифским акинакам начиная с раннескифского периода – эксперименты с антенным навершием отчетливо прослеживаются на примере келермесских мечей и кинжалов. При этом, среди биметаллических акинаков типа Гудермес, появившихся в первой половине VII в. экземпляры с антенным навершием пока не известны⁸. Антенны сопровождают мечи и кинжалы начала среднескифского периода,

⁸ Весьма своеобразное исключение составляет меч из кургана 13 могильника «Славянка» у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области (Волкобой, Лихачев, Шалобудов, 1979, с. 50, рис. 8, 3). Однако стержень бронзовой рукояти этого экземпляра украшен группами поперечных насечек, поэтому, несмотря на архаичную биметаллическую технологию изготовления, этот акинак все же ближе к типу Шумейко. Другой биметаллический экземпляр с антенным (серповидным) навершием и вовсе уникален. Бронзовая рукоять однолезвийного меча орнаментирована гравировкой: навершие – шахматным орнаментом, рукоять – параллельными зигзагами и поперечными линиями (Vulpe, 1967, pl. XVI, 2, fig. 19). Комплекс с мечом из Куртя-де-Арджеш относится ко второй половине VI в. до н.э. (Popescu, Vulpe, 1982, p. 88, 107; Vulpe, 1984, p. 54) а сам меч – к такому локальному явлению финала среднескифской культуры Карпато-Подунавья как однолезвийные акинаки типа Тисадоб-Чепарь (по А. Вулпе) (Vulpe, 1990, s. 92–95).

однако резкий взлет популярности акинаков с антенными навершиями приходится уже на вторую половину VI в. до н.э. Кроме того, именно в это время антенны начинают оформляться в соответствии с канонами скифского звериного стиля, в реалистичной манере, свойственной для этой эпохи.

Зооморфизация навершия. Тип Гэйчана

Мечи и кинжалы с антенными навершиями, трактованными в зверином стиле, А.И. Мелюкова отделила от мечей с простым антенным навершием, отметив также, что первые более характерны для Скифии (Мелюкова, 1964, с. 55). При этом, мечи с навершиями в виде птичьих голов рассматривались отдельно от экземпляров с когтевидными навершиями, вынесенных в 1-й (с бабочковидным перекрестьем) и 2-й типы (с ложнотреугольным) II-го подотдела. Среди акинаков, выпавших из классификации (возможно, из-за специфической реалистичности) А.И. Мелюкова, а вслед за ней и В.Г. Петренко называют мечи из кургана 401 у с. Журовка, случайную находку у с. Гамарня и беспаспортный экземпляр из Киевского Государственного музея (Петренко, 1967, с. 43). Также отдельно рассматривал мечи и кинжалы с зооморфным навершием и А. Вулпе (Vulpe, 1990, s. 57–64). Румынский археолог поместил в последнюю типологическую группу (Formengruppe V) мечи «типа Гэйчана» и датировал второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э. (Ibid., s. 60). Помимо характерного навершия в зверином стиле, *тип Гэйчана* за некоторыми исключениями отличает оригинальное перекрестье, полукруглое (в форме «фракийского щита» – по А. Вулпе) (Ibid., s. 58) (рис. 8). Относительная редкость акинаков с сегментовидным перекрестьем в 1950-е гг. не позволила А.И. Мелюковой аргументированно их датировать (Мелюкова, 1964, с. 55). Однако со временем время существования этого типа перекрестий была определено в рамках VI–V (Фодор, 1969, с. 253) или V в. до н.э. (Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 78). Внушительную серию мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем (55 экземпляров) недавно детально рассмотрели украинские авторы, уточнив ее датировку до «второй половины VI – первой половины V в. до н.э.» (Бабенко, Шелехань, 2015, с. 83, 88). При этом характерно, что акинаки с сегментовидным перекрестьем из погребенный характерны для степного Причерноморья и Крыма, в то время как случайные находки подобных изделий происходят главным обра-

зом из лесостепи Донецко-Бугского междуречья и Восточных Карпат (Бабенко, Шелехань, 2015, с. 79–86).

Погребение кургана 401 у Журовки с мечом, навершие которого трактовано в виде птичьих голов (Ленц, 1905, с. 61–63, рис. 10), по мнению В.Г. Петренко, убедительно датируется началом V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 43). А.Ю. Алексеев отнес данный комплекс к I-й группе памятников конца VI–V вв. до н.э. и на основании хиосской амфоры сужает датировку до 480–470 гг. до н.э. (Алексеев, 1991, с. 47) или даже до времени «около 475 г. до н.э.» (Алексеев, 2003, с. 296). Из разрушенного погребения кургана у с. Кирово Полтавской области происходит кинжал с сегментовидным перекрестьем и антенным навершием (Супруненко, 2002, с. 248, рис. 1). Концы волют этого кинжала оформлены в виде головок грифонов с массивными клювами. Стержень рукояти украшен зооморфным изображением (возможно, лошади) в фас. Подобные чеканные изображения известны и на рукоятях других мечей – двух экземплярах из Волковцев, Таганчи (Махортых, Иевлев, 2001, рис. 1, 2; 4, 1, 2), Девене (Николов, 1965, обр. 11) и Канищево (Воронина, 1962, рис. 1, 11). Изображения животных в фас не слишком распространены в скифском мире. При этом, они появляются еще в раннескифское время, хотя, по мнению Ю.Б. Полидовича, основное время их бытования определяется в рамках V–IV вв. до н.э. (Полидович, 2008, с. 44). Несмотря на наличие в погребении лепной полусферической миски, хронологические выводы были сделаны на основе морфологических особенностей акинака, который был датирован по сумме аналогий второй половиной VI – началом V в. до н.э. (Супруненко, 2002, с. 249). Схожий по конструкции перекрестья и зооморфному орнаменту на стержне рукояти кинжал (антенное навершие которого оформлено, правда, в виде простых волют) хранится в Национальном музее истории Украины. Данный экземпляр поступил в фонды в 1906 г. из курганных из раскопок С.А. Мазараки у с. Волковцы Роменского района Сумской области (Махортых, Иевлев, 2001, с. 102, рис. 4, 2).

Еще один комплекс с мечом типа Гэйчана происходит из Румынии – из трупосожжения в каменном ящике из кургана 5 у с. Чепарь (Vulpe, 1977, Abb. 1, 1). На основе инвентаря, характерного для 4 типа фазы Ferigile-Nord (детали узды, керамика, изогнутый топор), А. Вулпе датировал данный комплекс концом VI или самым началом V в. до н.э. (Vulpe,

1984, p. 54). Вероятно, к типу Гэйчана можно отнести и кинжал с большим антенновидным навершием и узким клинком из погребения 37 могильника Равна в болгарской Добрудже (Мирчев, 1962, с. 118, табл. XXX, 1). Это погребение, подобно чепарьскому, было совершено по обряду трупосожжения в каменном ящике и сопровождалось богатым инвентарем (семь сосудов, два ножа и перстень из железа). Могильник периода Равна-II, по всей видимости, существовал недолго (Там же, с. 125), скорее всего в рамках конца VI – V в. до н.э. (Vulpe, 1970, p. 142). Погребение 37, судя по кратеровидному сероглиняному сосуду, можно датировать первой половиной V в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 60). Еще один комплекс с мечом, навершие которого оформлено в зверином стиле, происходит с территории Болгарии – из кургана 1 у с. Правенцы (Атанасов, 1988, с. 21–22, табл. III, 3). Найденный вместе с мечом, опорновтульчатый наконечник стрелы позволяет отнести данный комплекс к V в. до н.э.

Внушительная серия мечей и кинжалов типа Гэйчана (свыше 10⁹, по информации А.М. Новичихина, представленная, в основном, случайными находками, происходит с территории Закубанья. Автор обобщающей публикации отнес их по морфологическим признакам к V в. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 47). Лишь один из этих предметов (из погребения 29 из могильника у хутора Рассвет) уверенно датируется по поддону чернолакового килика (вторично использованному в качестве солонки) концом V в. до н.э. (Там же, с. 41). Еще два акинака с орнитоморфным навершием были обнаружены в комплексах могильника Уляп II – погребении 27 кургана 12 и погребении 43 кургана 15 (Лесков и др., 2006, рис. 89, 1; 198, 1). Оба погребения относятся к первой хронологической группе второй половины VI – конца V вв. до н.э., при этом, комплексы кургана 15 авторы раскопок сочли наиболее древними (середины VI в. до н.э.), другие – не ранее конца VI в. до н.э. (Там же, с. 76). Кроме того, меч типа Гэйчана был также найден в одном из погребений Краснодарского могильника, датированных V в. до н.э. (Анфимов, 1949, с. 257, рис. 9). Кроме

⁹ Однако на основе изображений в монографии А.М. Новичихина, к типу Гэйчана достоверно можно отнести лишь четыре экземпляра – упоминавшийся меч из погребения 29 у с. Рассвет, из погребения 1 кургана 4 Воскресенского могильника и случайные находки из Анапской и Саук-дере (Новичихин, 2006, рис. 56, 1, 2, 4–5).

того, в Центральном Предкавказье известна серия железных кинжалов с ажурными бронзовыми рукоятями, навершия которых украшены противопоставленными симметричными головами хищников. Речь идет о крайне специфических экземплярах из погребений могильника Гастон-Уота, отнесенных к концу V – IV в. до н.э. и рукояти из Ани-Ирзо начала – первой половины V в. до н.э. (Прокопенко, 2014, с. 191).

Другие экземпляры представлены случайными находками. Эпонимный меч из Гэйчаны (Румыния, жудец Бакэу) был обнаружен случайно на склоне у деревенской церкви (Mihăilescu-Bîrliba, 1976, с. 109–110, fig. 1). К западу от гэйчанского акинака, схожий предмет был найден у с. Девене (Болгария, Врачанская область), в разрушенном погребении под небольшой курганной насыпью (Николов, 1965, с. 171, обр. 11). Часть находок акинаков типа Гэйчана связана с Поднепровьем. Меч из с. Гамарня (Корсунь-Шевченковский район, Черкасская область) отличается навершие с выразительными орлиными головками с проработанной восковицей и большим глазом (Мелюкова, 1964, табл. 20, 13). К рассматриваемому типу, по мнению А. Вулпе, относится и меч, найденный в «Староселецкой Экономии» (с. Староселье Смелянского района Черкасской области) (Бобринский, 1887, с. 147, табл. VII, 5). К сожалению, по рисунку в публикации не совсем ясно, чем являются утолщения на кончиках антенн – результатом коррозии или изображениями птичьих голов. Тем не менее, с типом Гэйчана данный экземпляр сближает сегментовидное перекрестье. Антенны у меча из Киевского музея упрощены, однако на одной из волют заметны следы округлости, вероятно, служившей для изображения глаза (Петренко, 1967, табл. 33, 15). У кинжала из с. Яблоновка Киевской области навершие также оформлено в виде высоко загнутых волют, концы которых выполнены в виде головок хищных птиц (Шрамко, Фомін, Солнцев, 1970, с. 46, рис. 7, 3). К типу Гэйчана, скорее всего, следует отнести фрагмент навершия, найденный на левобережье Днепра, у с. Лихачевка Полтавской области (Там же, с. 50, рис. 7, 8).

Схожие фрагментированные навершия (правда, отлитые из бронзы), оформленные в виде ушастых грифонов, происходят из Волго-Камья – в частности, случайные находки из Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983, табл. LIII, 17). С. В. Кузьминых считает эти экземпляры местными изделия-

ми ананьинских мастеров, переработавших образцы восточноевропейского оружия в V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 132). В Волго-Камье известен еще один необычный кинжал, обнаруженный в разрушенном погребении Мурзихинского могильника (Беговатов, 1989, с. 247). У данного железного кинжала литая бронзовая рукоять, навершие которой состоит из антенн, заканчивающихся головками ушастых грифонов, уши которых переданы округлыми ямками (Там же, с. 248, рис. 1: 2). Для большей прочности навершие разделено вертикальной перемышкой, что нехарактерно для цельножелезных кинжалов типа Гэйчана. С кинжалами типа Гэйчана данный экземпляр сближает также сегментовидное перекрестье (правда, перевернутое). На основе сопутствующего инвентаря, автор находки датировал этот предмет концом VI – началом V в. до н.э., склоняясь к V в. до н.э. исходя из особенностей стилистики (уши грифона переданы округлостями) (Там же, с. 249).

Кроме мечей, антенны которых образуют почти правильную округлость и украшены головками птиц, следует упомянуть уникальные орнитоморфные навершия мечей, оформленные в исключительно реалистичной манере. К числу таких принадлежит случайная находка из окрестностей с. Большой Толкай Похвистневского района Самарской области (Исмагилов, 1980, рис. 1, 4). Р.Б. Исмагилов отнес его по типологическим особенностям, главным образом, по форме перекрестья, ко времени не позднее VI в. до н.э. (Там же, с. 223). Среди близких по оформлению (но не тождественных) акинаков, К.Ф. Смирнов называет случайные находки из Озерков близ Аткарска (Максимов, 1959, рис. 1, 1) и Соловки под Бузулуком (Смирнов, 1961, рис. 4, 1, 2). Однако эти изделия отличает принципиальная деталь – «глаза» птиц показаны не в верхней части навершия, а в нижней, примыкающей к стержню рукояти. К реалистичным зооморфным относится навершие однолезвийного меча из Пенца (Patay, 1955, XVII). Навершие этого экземпляра оформлено в виде загнутого в полтора оборота клюва хищной птицы, в верхней части которого показан ребристым орнаментом «гребешок» или восковица и длинное овальной формы ухо (грифон?). Оригинально также и перекрестье, повторяющее изображение головы «грифона» на навершии с загнутым клювом и длинным ухом. Примечательно, что навершие и перекрестье симметрично противопоставляются друг другу (т.е. в любом положении меча, одно из

изображений оказывается перевернутым). Такое противопоставление аналогично способу оформления зооморфных антенн на вершиях скифских мечей.

Если суммировать хронологические наблюдения по кинжалам типа Гэйчана, окажется, что подтверждается предварительная датировка А. Вулпе в рамках «второй половины VI – первой половины V в. до н.э.» (Vulpe, 1990, s. 60). Повышая эту датировку до конца V в. до н.э., следует отметить, что большая часть комплексов тяготеет, все-таки, к началу – первой половине V в. до н.э. Географически, находки кинжалов типа Гэйчана практически не выходят за пределы лесостепной зоны, концентрируясь в трех регионах – Карпато-Подунавье, Днепровской лесостепи (главным образом, правобережной) и Предкавказье (Закубанье) (рис. 7). В связи с реалистичными навершиями акинаков типа Гэйчана следует упомянуть чрезвычайно распространенные на территории Евразии «грифовые кинжалы» (реже – «грифовые»). Навершия этих кинжалов, подобно гэйчанским представляют собой противопоставленные изображения ушастых грифонов, выполненных в реалистичной манере. Особо выделяется несколько регионов, где подобные кинжалы были наиболее популярны: Волго-Уралье, Семиречье, Западная Сибирь и Северный Китай (рис. 10).

Восточные параллели – «грифовые» кинжалы Евразии

В степях Южного Урала (рис. 11) известно несколько погребальных комплексов с кинжалами, навершие которых в виде противопоставленных грифонов¹⁰, среди них: курган 1 могильника Сынтас (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 142, рис. 4, 2), курган 5 и 9 могильника Бесоба (Васильев, 2001, рис. 5, 7–9), разрушенный курган у с. Котлик (Таиров, 2000, рис. 53: 1) и курган у Филипповки с парадным мечом (Золотые олени, 2003, кат. 7). Все они, кроме последнего экземпляра,

¹⁰ Возможно, к «грифовым» акинакам следует отнести экземпляры (испорченные коррозией) из кургана 7 у с. Сара рубежа VI–V вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 17, рис. 2, 5) и кургана 2 у ст. Павловская Оренбургской области (Нефедов, 1899, с. 30, рис. 6), на что указывалось ранее (Дэвлет, 1968, с. 33; Исмагилов, 1980, с. 221). Кроме того, близка к описываемым экземплярам бронзовая рукоять железного кинжала из погребения 98 Аозинского могильника VI в. до н.э. (Халиков, 1977, с. 170, рис. 60, 9), навершие которого также состоит из протом обращенных друг к другу голов животных (по А.Х. Халикову – собачьих).

датируются в пределах конца VI–V вв. до н.э. (Денисов, 2010, с. 229), Филипповский курган относится уже к IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2001, с. 37)¹¹. Комплекс предметов из разрушенного кургана у с. Котлик (нож и крючок в зверином стиле, наконечники стрел) позволяют отнести его к V в. до н.э. (Таиров, 1995, с. 115; 2007, с. 26). Большая серия случайных находок происходит с территории Башкортостана – пещеры Алиант-тау у с. Абзаново Зианчуринского района, д. Нарбутово и Мукачехо Кугарчинского района (Исмагилов, 1980, рис. 1, 1–3), д. Малое Ибраево Аургазинского района, Новоданиловка Миякинского района, г. Стерлитамак (Исмагилов, 2001, табл. I, 5–7) и с. Верхний Авзян Белорецкого района (Otchir-Goriaeva, 2000, fig. 8, 3). В Зауралье случайная находка кинжала с зооморфным навершием¹² была обнаружена у с. Долгодеревенское Сосновского района Челябинской области (Таиров, 2007, рис. 2, 2). Из Костанайской области Казахстана происходит еще один экземпляр (L'Uomo d'oro, 1998, p. 202, cat. 388). В Поволжье, на территории Самарской области такие кинжалы известны по случайным находкам из с. Большой Толкай (Денисов, 2010, с. 229, рис. 2, 4) и г. Самары (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 4, 11). В Волго-Камье, на территории ананьинской культуры рукояти с навершием в виде грифонов были обнаружены на городище Грахань (Нефедов, 1899а, с. 53, рис. 7) и в бывшем Ядринском уезде Казанской губернии (Tackenberg, Sidorov, Tallgren, 1931, s. 178). Обращает на себя внимание необычное перекрестье ядринского акинака, также трактованное в зверином стиле. Подобные перекрестья сопровождают акинаки т.н. марычевского типа, которые относят к раннескифскому времени. Для данного типа характерны массивные бабочковидные перекрестья, украшенные головами грифонов со спирально загнутыми клювами геометрический орнамент на рукояти. Еще К.Ф. Смирновым был отмечен ряд «кавказских» черт в оформлении самого марычевского акинака – кольчатый орнамент,

¹¹ В настоящее время курган 1, как и весь Филипповский могильник, датируется (по переднеазиатскому импорту и западным аналогиям) концом V — серединой IV в. до н.э. (Трейстер. Яблонский, 2012: 268, 284).

¹² Автор первой публикации не без оснований считает, что на навершии размещены изображения кошачьих хищников (Таиров, 2007, с. 36), однако остальные признаки (форма перекрестья, оформление навершия) не оставляют сомнений в том, что данный экземпляр был выполнен в соответствии с канонами «грифовых» кинжалов.

форма навершия с опущенными концами и т. д. (Смирнов, 1961, с. 13). Р.Б. Исмагилов развил эти положения и также пришел к выводу о кавказском происхождении акинаков типа Марычевка и отнес их ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (Исмагилов, 1989, с. 91). Тем не менее, достоверно датированных комплексов с марычевскими акинаками пока неизвестно. Однако, сравнительно недавно меч марычевского типа был обнаружен на Кавказе – в грабительских отвалах, связанных с погребением у северо-западного подножья горы Верблюды в Пятигорье, на Кавказских Минеральных Водах (Прокопенко, 2014, с. 188, рис. 90а, 9; 91б, 55). Ю.А. Прокопенко датировал меч «IV–III вв. до н.э.» по найденным рядом «одноколычатый железный удилам с крестообразной насадкой и двумя короткими двудырчатым псалиям» (Там же, с. 189). Принимая во внимание все сложности, связанные с обнаружением данного экземпляра, для меча эта датировка все же кажется слишком завышенной. Хотя, не скрою, это создает некоторые предпосылки для «омоложения» марычевских акинаков, к примеру, в рамках «второй половины VI – начала V вв. до н.э.», тем более, что у северо-западного подножья горы Верблюды функционировало святилище этого времени.

Несмотря на очевидную связь грифовых кинжалов Приуралья с восточными, сибирскими образцами, Р.Б. Исмагилов настаивал на их местном производстве (Исмагилов, 1980, с. 221). На это указывает, по мнению автора, тот факт, что они изготовлены исключительно из железа, тогда как тагарские кинжалы сделаны из бронзы. Экземпляры из Волго-Камья, по всей видимости, были также изготовлены местными ананьинскими ремесленниками – этому не противоречат данные спектрального анализа (Кузьминых, 1983, с. 130) и оформление перекрестья ядринского кинжала, аналогичное акинакам марычевского типа. По мнению А.К. Акишева «навершия в виде двух голов грифонов широко распространены только в Южной Сибири, на Алтае, Семиречье, а по мере удаления от этих районов заменяются антенными и когтевидными» (Акишев, 1978, с. 35). При этом сам курган Иссык, предметы из которого анализировал исследователь (включая грифовый меч с золотой инкрустацией), датируется им V в. до н.э. (Там же, с. 39). Тем не менее, мечи и кинжалы с простым антенным навершием в Азиатской Скифии в предскифское и раннескифское время не получают широкого распространения. Кроме

того, кинжалы с навершием в виде противопоставленных голов ушастых грифонов или кошачьих хищников являются доказательством связей южноуральских племен с населением Казахстана и более восточных областей Евразии и Приаралья, Семиречья и Алтая (Таиров, 2000, с. 163, рис. 49, 2). В Юго-Восточном Казахстане, подобный кинжал был найден в окрестностях Алма-аты (Акишев, 1973, табл. II, 2). Также с территории Семиречья (Жетысу) происходит еще одна случайная находка (Чотбаев, 2013, с. 52, кат. 31). В Центральном Казахстане железный кинжал с грифовым навершием был недавно обнаружен у горы Темирши в Каркаралинском районе Карагандинской области (Бейсенов 2014, с. 103, рис. 1). Из Восточного Казахстана происходит еще два экземпляра, один из которых найден у с. Славянка (совр. с. Кайынды Куршимского района Восточно-Казахстанской области) (Stöllner, Samašev, 2013, Kat. 351), точное местонахождение другого неизвестно (Самашев, 2013, с. 132, рис. 276) (рис. 12).

С территории казахского Алтая (рис. 12), в малом кургане 2 Берельского могильника¹³, раскопанном в 1865 г. В.В. Радловым среди прочего был найден фрагмент рукояти меча, обложенной золотой фольгой и увенчанной противопоставленными головками грифонов (Сорокин, 1969, рис. 21, 1, 3). Это пока самая восточная находка церемониального грифового акинака после Иссыка и Филипповки. На востоке скифского мира (например, в савроматской, пазырыкской культуре) образ «мифического орла» появляется не ранее середины VI в. до н.э., в это же время вырабатывается и дуговидная форма перекрестья. Подавляющее большинство кинжалов с противопоставленными головками грифонов или мифических орлов относится ко второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 21). Грифовые кинжалы пазырыкской культуры, в частности, обнаруженный в комплексе в местности Кумуртук (Киселев, 1951, табл. XXX, 11). С.В. Киселев связывал с Минусинской котловиной (Там же, с. 334). В.Д. Кубарев, напротив, не исключает обратного процесса – из

¹³ Не совсем ясно, как именно следует датировать Малый курган 2, однако Большой Берельский курган усилиями Л.С. Марсадолова был помещен между 1-2 Туэктинским и 2-1 Пазырыкским или в рамках «конца VI – первой четверти V в. до н.э.» (Марсадолов, 2015, с. 59). Ранее для Берельской группы предлагалась радиоуглеродная дата «IV–III вв. до н.э.» (Самашев, 2011, с. 198).

Западного Казахстана на Алтай, Туву и затем, в Минусинскую котловину, т.к. обилие находок, по его мнению, свидетельствует о популярности грифовых кинжалов в Центрально-азиатском регионе (Кубарев 1987, с. 57–58). При этом, курган 1 могильника Уландрык-III, в котором был обнаружен оригинальный кинжал (с грифонами как на навершии, так и на перекрестье) (Там же, рис. 20, 1, табл. LVIII, 8) В.Д. Кубарев датировал IV в. до н.э. Хотя сам кинжал, по мнению исследователя, относится скорее к V–IV вв. до н.э. (Там же, 1987, с. 58, 132). Другие экземпляры с противопоставленными головками грифонов были найдены в кургане 4 могильника Тыткескень VI и кургане 2 могильника Кайнду (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 36, 1, 2) конца VI – начала V вв. до н.э. В ареале каменной культуры, среди комплексов Новотроицкого могильника был обнаружен кинжал, сочетающий черты рожкового и грифового навершия (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 108, 7). В ареале каменной культуры известна случайная находка неподалеку от могильника Рогозиха-I, возможно, из разрушенного могильника или культового места (Уманский, Шамшин, Шульга 2005, с. 21, рис. 56, 8). Погребение 26 могильника Староалейка-2, в котором был найден бронзовый кинжал с грифовым навершием датируется VI или, возможно, началом V в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 72). Грифовые акинаки также известны по находкам из могильника Клепиково-I (Фролов, 1996, с. 135) и Белоярского (Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 4). В кургане 19 могильника Новый Шарап-1 (Шульга, 2015, с. 175, рис. 69, 13) был также обнаружен железный кинжал со схематичным грифовым навершием, который относится к раннему этапу каменной культуры – V в. до н.э. (Там же, с. 41). Кроме того, у кинжалов из Горного Алтая – из могильников Майма, Майма-4, Боротал и Чендек-ба (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 63, 10; 65, 1, 2, 4, 6), навершия в зверином стиле также отличаются определенным схематизмом.

Обилие подобных изделий известно в ареале тагарской культуры в Хакасско-Минусинской котловине и на Среднем Енисее (рис. 13), возможно, оттого, что с VI–V вв. до н.э. в декоре наверший тагарских кинжалов геральдические головки грифонов вытесняют все остальные изображения (Бобров, Моор, 2011, с. 150). Большая коллекция из сборов Д.А. Клеменца, В.В. Радлова и И.А. Лопатина состоит из случайных нахо-

док у с. Луговское, с. Табат, с. Новокопенское, с. Аскызское (Клеменц, 1886, табл. IV, 3, 8; XIV, 2, 7), д. Таскино, с. Седельниково, с. Батени, оз. Ишимского, с. Знаменка, с. Бородино, р. Абакана, с. Биря, Тесинской волости, с. Батой, с. Кордачина (Радлов, 1891, табл. XII, 1, 3, 4, 6, 8–10; XIII, 4, 7–9), с. Казанцево, с. Каптырево (Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 1, 2). С территории тагарской культуры аналогичные кинжалы известны по многим другим экземплярам из Минусинской котловины и Красноярского края без точного адреса (Радлов, 1891, табл. XII, 2, 12; Tallgren, 1919, Pl. II, 3; Boroffka, 1928, s. 121, 3; Членова, 1967, табл. 4, 9; 11, 12; Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 1, 2, 5, 7; Бобров, Моор, 2011, рис. II, 9, 11; Макаров, 2012, рис. 1, 4–7). Их главное отличие от остальных грифовых кинжалов заключается в перекрестье, украшенном симметричными фигурами припавших хищников (Богданов, 2006, с. 90). При этом, перекрестья в виде развернутых в разные стороны голов хищных млекопитающих встречаются только восточнее – на севере Центрального Китая (Янва, Хоучжуан), а перекрестья в виде хищных птиц или грифонов – и на востоке (Лаолунчи, Ордос, Маоцингоу), и на западе (Ядрино, Филипповка). Н.Л. Членова считала, что т.к. эти кинжалы украшены в алтайском зверином стиле и не встречаются в тагарских курганах – они, вероятнее всего, попали в Минусинскую котловину из Западной Сибири, где такие изделия известны, кроме Алтая, в бассейне Оби (Членова, 1981, с. 10). При этом, в самых ранних биметаллических тагарских кинжалах (часть из которых – с изображениями грифонов), железо употреблялось в декоративных целях (Дэвлет, 1968, с. 30). Кроме того, биметаллические кинжалы почти не известны за пределами Хакасско-Минусинской котловины, а на тагарских древностях можно проследить процесс «постепенного превращения бронзовых изделий в железные». Это, по мнению М.А. Дэвлет, указывает на местный характер этих изделий (Дэвлет, 1968, с. 31).

Среди комплексов с грифовыми кинжалами Тувы – курган 18 могильника Темир-Суг-I второй половины VI в. до н.э. (Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151, рис. 3, 3; Шульга, 2015, с. 39, рис. 90, 11). Кроме того, известен экземпляр из могильника саглынской культуры Догээ-Баары-2 второй половины – начала V в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 91, рис. 64, 19). Кроме того, в кургане В-3 у г. Казылган был найден кинжал, выполненный в менее реалистичной манере (вместо головок

грифонов – волноты) (Маннай-Оол, 1970, с. 47, рис. 6, 4), аналогичный кинжалу из Маймы на Алтае (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 65, 4). В центральной Туве грифовые акинаки известны по находке в могильнике Аймырлыг позднего этапа уюкской культуры V–III вв. до н.э. (Мандельштам, 1992, с. 178, 186, табл. 78, 34). На левобережье Енисея бронзовый кинжал с орнитоморфным навершием был обнаружен на древней поверхности кургана поминального характера (№ 6) могильника Аргалькты I (Трифонов, 1968, с. 176, рис. 1). На территории Монголии, миниатюрный кинжал с противопоставленными фигурками грифонов на навершии был обнаружен в погребении 26 могильника Улангом (Цэвээндорж, 1980, 63-р, 3, 66-р, 5), нижняя дата которого – V в. до н.э. (Novgorodova, Volkov, 1980, p. 39). На территории Синцзяна грифовые кинжалы известны по случайной находке в Джунгарии (Шульга, 2010, рис. 79: 4) и железному экземпляру, найденному на поверхности кургана Сяотунгоу в районе Хами (Кан Ин Ук, 1998, рис. 1, 5). П.И. Шульга оба изделия датировал в рамках второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. (Шульга, 2010, с. 77).

В Северном Китае кинжалы с навершиями в зверином стиле встречаются в памятниках культур юйхуанмяо, маоцингоу, таохунбала и янлан (Jin, 2009, p. 137, 152–154) (рис. 14). П.И. Шульга считает, что в эпонимном могильнике Юйхуанмяо кинжалы с навершием в виде двух противопоставленных существ появились намного раньше, чем на Алтае и Туве (Шульга, 2013, с. 385; Шульга, 2015а, с. 123). При этом, они характерны для середины третьего этапа функционирования могильника первой половины VI в. до н.э. (Шульга, 2015а, с. 115, рис. 74). Больше всего комплексов с кинжалами с орнитоморфным навершием Северного Китая происходит из эпонимного могильника Маоцингоу, погребений 45, 58, 59 и 70 (Маоцингоу, 1992, Taf. 23, 1; 27, 1; 29, 4; 36, 4). Все комплексы первоначально были отнесены к ранней фазе могильника: погребения 58 и 45 – к первой половине VI в. до н.э., а погребения 59 и 70 – даже ко второй половине VII в. до н.э. (Rhi, 1992, s. 29; Чжун Сук-Бэ, 1998а, с. 8¹⁴). Однако, по мнению российских исследователей, такая датировка неоправданно занижена, т. к. найденные, к примеру, в

погребении 70 удила с большими кольчатymi окончаниями вряд ли могли появиться ранее конца VI в. до н.э. (Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151). Инвентарь погребения 1 могильника Гунсухао культуры таохунбала (Хангин-Ци, округ Ордос) во Внутренней Монголии содержал оригинальный кинжал с «грифовым» навершием (Schimmelpfennig, Kossack, 1992, s. 26, Abb. 12, 1). Кинжалы с навершием в виде хищных птиц происходят главным образом из Ордоса (Salmony, 1933, pl. XXXIX, 1, 2, 4; Loehr, 1949, p. 72, pl. IV, 13). Южнее, в провинции Нинся, в погребении 3 могильника Самэнь (уезд Гуюань, Нинся) культуры янлан бронзовый кинжал с навершием в виде противопоставленных головок птиц был найден вместе с клевцом «гэ» позднего периода Чуньцю VI – первой половины V в. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, рис. 1, 2). Короткие мечи с антропоморфными навершиями также известны и по случайным находкам в провинции Нинся – Сяньма (Yang, Qi, 1999, p. 33, fig. 4, 14), Нидин (Zhong, 1987, p. 774, fig. 3, 1), Янва (Zhong, Nan, 1983, p. 204, fig. 1, 1), Гуюань (Ibid., p. 206, fig. 4), Мачжуан (NXU et al., 1993, p. 29, fig. 16, 1) и провинции Ганьсу – Хоучжуан (Liu, Xu, 1988, p. 415, fig. 5, 6), Лигоу (Ibid., p. 420, fig. 17, 1), Ванцзя (Xu, Guo, 1986, p. 40, Fig. 1, 1).

Суммируя хронологические наблюдения, можно заключить, что «грифовые» кинжалы появляются на широких пространствах скифского мира не ранее середины VI в. до н.э. и известны еще около столетия. При этом, самые поздние экземпляры, датированные V и даже IV вв. до н.э. оказываются парадными формами, для которых обычно характерно некоторое запаздывание. Парадные формы, что интересно, связаны с тремя регионами: Волго-Уральским, Семиреченским и Южно-сибирским. Поэтому определить источник такой инновации как «грифовое навершие» непросто. Несмотря на многочисленные попытки удревнения северокитайских образцов, решить вопрос с китайской прародиной в рамках данной работы пока не представляется возможным. Крайнюю западную периферию в виде Волго-Уралья можно рассматривать как источник дальнейшей эволюции грифовых кинжалов и их последующего проникновения в Причерноморье и Подунавье. Семиречье, в котором грифовые кинжалы не слишком распространены, похоже, также отпадает. Вероятнее всего, роль исходной территории, где формировались каноны изображения и морфология грифового кинжала, более всего

¹⁴ Погребения 45, 58 и 70 могильника Маоцингоу (а также Самэньцунь и Таохунбала) с кинжалами рассматриваемого типа Чжун Сук-Бэ отнес к позднему периоду Чуньцю, к VI или VI–V вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998а, с. 8).

подходит центральноазиатскому источнику культуругенеза, включающему Алтай, Туву и Хакасско-Минусинскую котловину. На это может указывать обилие и разнообразие видов грифовых кинжалов (железных и биметаллических), среди которых есть разновидности, характерные исключительно для Саяно-Алтая – изделия с перекрестьями в виде фигур припавших хищников. Кроме того, есть основания считать такое оформление перекрестья более ранним по сравнению с украшенными «мордами» хищников или головками птиц или грифонов, т.к. у последних железные экземпляры преобладают над бронзовыми и биметаллическими (Дэвлет, 1966, с. 8).

Стилизация навершия. Тип Грищенцы

Очевидно, что образ хищной птицы¹⁵ сопутствовал скифскому искусству с момента появления, в том числе и в оформлении оружия архаического периода (например, на ножнах, бутеролях (Топал, 2015, с. 63–70). Однако со второй четверти VI в. до н.э. на архаическую иконографию наложилось греческое влияние (мотив волюты), что привело к появлению нового популярного, скифо-греческого мотива (Канторович, 2015, с. 31). При этом, сам скифский звериный стиль эволюционирует с течением времени от четких, но реальных образов к их орнаментальной схематизации (Мелюкова, 1989, с. 101). А.И. Мелюкова считала антенные навершия, трактованные в зверином стиле более характерными для Скифии, нежели простые. При этом, большая часть из них, по мнению исследовательницы, было оформлено в виде когтей хищной птицы и лишь три экземпляра – в виде птичьих или грифоновых голов (Мелюкова, 1964, с. 55). В антенных навершиях поначалу видели лишь стилизованное изображение голов грифонов, хищных птиц или даже тельцов (Бобринский, 1894, с. 164; Миллер, 1910, с. 115; Ростовцев 1925, с. 419). Б.Н. Граков и Н.Я. Мерперт считали, что антенны трактованы как когти хищной птицы («удар меча подобен удару орлиного когтя»), при этом изображения глаз в основании навершия связаны со вторым

мотивом – «зоркости и меткости» (Граков, 1947, с. 70, 71; Мерперт, 1948, с. 78).

В Причерноморье мечи со стилизованным орнитоомфным навершием концентрируются в Днепровской лесостепи, тяготея к Левобережью (рис. 15). Из Перещепинского курганного могильника происходит пара мечей с зооморфным навершием – из погребения 1 кургана 3 2002 г. и погребения 1 кургана 13 (Махортых, 2011, с. 12–13, рис. 1, 1, 2). Навершие первого оформлено в виде загнутых антенн, выступы на поверхности которых позволяют определить его как «клювовидное». А.Б. Супруненко датировал погребение с этим мечом первой половиной – серединой V в. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 2010, с. 135). С.В. Махортых также отнес данное погребение к средней (IIa) хронологической группе первой половины V в. до н.э., при этом, ограничив дату комплекса второй-третьей четвертью V в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 150). Навершие меча из погребения 1 кургана 13 также трактовано в зверином стиле, антенны сильно загнуты, а в основании навершие – окружности в виде пары глаз. Стержень рукояти вертикально пересекают два желобка, на одном из бортиков сохранилось желобчатое рифление, имитирующее проволочную обмотку. Этот комплекс С.В. Махортых отнес к поздней (III) группе погребений и датировал его в пределах последней четверти – конца V в. до н.э. (Там же, с. 152).

Из ограбленного погребения кургана 323 у с. Пилипчичи Переяславского уезда Полтавской области происходит обломок рукояти с клинком меча, украшенной в зверином стиле (Приймак, 1994, с. 126–127). Автор публикации датировал его V в. до н.э. В кургане у Спасо-Преображенского монастыря у с. Мгарь Лубенского района Полтавской области был обнаружен меч со фигурным антенным навершием без перемычки между волютами, и окружностями-«глазками» в основании (Ильинская, 1968, с. 90). Рисунок этого меча в монографии В.А. Ильинской (Там же, табл. XLVII, 12) удивительным образом напоминает рисунок А.И. Мелюковой меча из кургана 2 у с. Волковцы (Мелюкова, 1964, табл. 20, 9). А тот факт, что этот рисунок имеет мало общего с мечом из Волковцов, изображенным на фотографии в «Древностях Приднепровья» (Древности Приднепровья, 1899, табл. VII, 59) дополнительно усложняет и без того непростую задачу идентификации. В.А. Ильинская датировала курган из Мгарского монастыря V в. до н.э., а сам меч отнесла к группе

¹⁵ По мнению А.Р. Канторовича, «тема грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась в скифской среде VII–VI вв. до н.э. недостаточно популярной «в чистом виде», замещаясь синкретическими образами». Тем не менее, образ грифона повлиял на широкое распространение образа ушастой птицы – «скифского грифона» (Канторович, 2015, с. 34).

мечей начала – первой половины V в. (Ильинская, 1968, с. 79, 90). На Полтавщине схожий меч был обнаружен в кургане 13 у с. Мачехи (Мачухи) Полтавского района (Ковпаненко, 1961, с. 76, рис. 5, 10). Курган, судя по колчанному набору, датируется не ранее 400 г. до н.э. (Rau, 1929, s. 20–21).

Из Правобережной лесостепи происходят два массивных акинака с навершием, оформленным в виде когтей птицы (Древности Приднепровья, 1900, табл. LV: а, б). Эти мечи (один из которых, меньшего размера, не сохранился) были обнаружены в кургане 4 у с. Берестняги. Данный комплекс содержал богатый инвентарь – чернолаковый килик, лекиф, и, по мнению В.Г. Петренко, датируется второй половиной – концом V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 43). Согласно новым данным, этот курган можно отнести ко второй четверти V в. до н.э. (Полин, 1987, с. 31). Кроме мечей из Берестняг, по мнению В.Г. Петренко, к этому же типу принадлежит кинжал из кургана 24 у с. Куриловка, навершие которого дополнено изображениями круглых орлиных глаз (Петренко, 1967, табл. 33, 10). По всей видимости, к данному типу можно отнести меч из кургана 393 у с. Ковали бывш. Каневского уезда (Галанина, 1977, с. 17, табл. 5, 1). А.И. Мелюкова включила этот меч в группу мечей с бабочковидным перекрестьем и «навершием в виде когтей хищной птицы» V – начала IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56, табл. XVI, 1).

В степи, в погребении 1 кургана 2 у с. Новофедоровка (Голопристанский район Херсонской области) был найден меч с треугольным клинком, две трети которого покрыты каннелюрами, а антенное навершие украшено волютами, закругленными так, что образуют замкнутые кольца (Куприй, 1991, с. 114, рис. 4, 7). Погребение интересно наличием чешуйчатого панциря и наборного шлема, характерных, в основном, для V в. до н.э., хотя мендеевские амфоры из погребения С.А. Куприй датировал по И.Б. Брашинскому IV в. до н.э. Могильник суммарно датирован автором публикации первой четвертью IV в. до н.э., по всей видимости, на основе клейм Сотера и Архестрата на амфорных фрагментах из насыпи кургана 1 (Там же, с. 117). По данным С.Ю. Монахова, эти клейма относятся к раннефабрикантской группе гераклеяского клеймения конца V – начала IV вв. до н.э. (Монахов, 2003, с. 128–129), причем Архестрат – к 90–80-м гг. IV в. (Там же, с. 141). К данному типу часто

относят и меч из кургана 1G Марицинского могильника у с. Аджиголь в степном Побужье (Ebert, 1913, Abb. 10) конца VI–V вв. до н.э. Сам курган по античному импорту датируется второй четвертью V в. до н.э. (Гречко, 2010, с. 120).

В грунтовом погребении у с. Пыржолтены в Центральной Бессарабии был обнаружен меч с антенновидным навершием, концы которого обломаны. У его основания прослеживаются два выпуклых кружка, на рукояти и клинке – продольные желобки (Лапушнян, 1979, с. 116, рис. 4: 6). Несмотря на первоначальную датировку комплекса из Пыржолтен VI в. до н.э. (Там же, с. 119), большинство исследователей относят его к первой половине V в. до н.э. (Gawlik, 1998, с. 66; Бруяко, 2005, с. 163).

В Восточном Крыму, в погребении кургана 43 Акташского могильника был найден длинный меч с навершием в виде сильно изогнутых волнот. На рукояти под навершием – кружочки, символизирующие глаза. Перекрестье у этого экземпляра бабочковидное, а верхняя часть клинка с двух сторон украшена каннелюрами (Бессонова, Скорый, 1986, с. 161–162, рис. 4, 1). В погребении также был обнаружен детали конской узды характерных для V в. до н.э. В частности, у нащечников есть прямые аналогии в погребении некрополя Нимфея середины – второй половины V в. до н.э. (Силантьева, 1959, с. 83, 84, рис. 47, 7), что позволило авторам публикации датировать данный комплекс второй половиной V в. до н.э. (Бессонова, Скорый, 1986, с. 165). А.Ю. Алексеев отнес курган 48 Акташского могильника к третьей четверти V в. до н.э., к поздним погребениям второй группы комплексов V в. до н.э., для которых характерно появление подвесок в виде «замочков» и длинных ворворок (Алексеев, 1991, с. 51, рис. 2, 22).

Из кургана 7 Елизаветовского могильника (из раскопок 1954 г.) происходит уникальный меч с когтеобразным бронзовым навершием и сердцевидным перекрестьем (Шилов, 1959, с. 14; Граков, 1961, рис. 4). В.П. Шилов на основании формы перекрестья и особенностей навершия предложил датировать данный экземпляр IV в. до н.э.¹⁶, а также – по аналогии с мечом из кургана 5 группы Пятибратних курганов второй-третьей четверти IV в. до н.э. (Шилов, 1959, с. 20). Иного мнения придерживалась А.И. Мелюкова, считая, что меч из кургана 7 – один из немногих доживших до

¹⁶ Хотя, в целом, курган 7 у станицы Елизаветовской датируется концом V – началом IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56).

конца V – начала IV в. до н.э., поскольку широкое бабочковидное перекрестье не характерно для других типов, употреблявшихся позднее V в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56). Технология изготовления железного акинака с бронзовым навершием из кургана 5 Елизаветовского могильника находит аналогии в некрополе Артющенко-2 в южной части Таманского полуострова. В 2010 г. биметаллический акинак¹⁷ схожей конструкции, с массивным бабочковидным перекрестьем и зооморфным бронзовым навершием был обнаружен в погребении 32 (Ворошилов, Кашаев, 2011, с. 29–33, рис. 2). По погребальному инвентарю данный комплекс был датирован второй четвертью – первой третью V в. до н.э. Уникальная форма навершия позволила авторам отнести его к группе антенновидных, хотя и с оговоркой, что по общим очертаниям оно напоминает не столько волюту, сколько бронзовую петлю. Сами волюты представляют собой стилизованное изображение хищной птицы или грифона, с подчеркнутыми глазами и ушными отверстиями. Подобный синкретизм в оформлении рукояти и необычной форме бронзового навершия (обычно повторяющего железные аналоги) авторы связывают с греческим влиянием, и, возможно, с адаптацией данного экземпляра в инокультурной среде (Там же, 2011, с. 32). Также, в кургане 36 Елизаветовского могильника был обнаружен меч с антенным навершием, одна из сохранившихся волют передает форму когтя хищной птицы (Копылов, 1980, с. 26, рис. 1: 5). Кроме того, у основания навершия хорошо различимы контуры двух глаз. На основе амфорного материала (находка фасосской амфоры), погребение было датировано второй половиной или, скорее, третьей четвертью V в. до н.э. К тому же типу автор отнес и меч из кургана 45, также относящегося к третьей четверти V в. до н.э. Несмотря на плохую сохранность данного экземпляра, «троекратная угловатость» волют позволила В.В. Копылову сделать вывод об оформлении навершия в виде когтей хищной птицы.

¹⁷ Другой железный меч с бронзовым навершием был обнаружен в Северо-Западном Крыму, в погребении 2 кургана 4 между селами Славное и Рылеевка (Колтухов, 2012, с. 73, рис. 60, 13). По мнению С.Г. Колтухова, технология изготовления и крепления навершия меча характерна больше для греческих мастеров, нежели для скифских, поскольку таким же образом крепилось навершие у некоторых экземпляров махайр. Погребение датировано по фасосским амфорам серии I-A серединой V в. до н.э. (Там же, с. 73).

Схож по пропорциям меч, найденный при строительстве Большого Терско-Кумского канала в Ставропольском крае (Лукьяшко, 2011, с. 155). Кроме фрагментированного ажурного навершия, которое может быть трактовано в виде двух птичьих голов, его, как и пыржолтенский меч, отличает необычно высокое бабочковидное перекрестье. Автор публикации датировал его V в. на основании сходства с мечом из кургана 3 в урочище «Стайкин верх», однако существуют и другие основания. Так, кроме пропорционального сходства с клинком из Пыржолтен, у необычного перекрестья есть убедительная аналогия – перекрестье меча из погребения 13 1931 г. Таманского некрополя, которое по совокупности чернолакового импорта датируется третьей четвертью – второй половиной V в. до н.э. (Гайдукевич, 1959, с. 162).

На немногочисленную кавказскую серию акинаков с антенным навершием, трактованным в виде пары когтей хищной птицы, в основании которых изображены глаза, обратил внимание В.Б. Виноградов. В эту группу исследователь включил десяток мечей и кинжалов, происходящих из окрестностей Нальчика, погребения 4 Белореченского могильника (Виноградов, 1972, рис. 22, 9). Зооморфизм наверший передан с различной степенью детализации – от «реалистичного» навершия из станицы Николаевской (Там же, рис. 3, 3), более схематичного белореченского к условным формам двух кисловодских, алероевского и лугового, мескер-юртовского, двух закутинских мечей до полностью стилизованных шалушкинского и нальчикского акинаков (Там же, с. 107). Из станицы Николаевской и погребения 1 кургана 1 у Мескер-юрта (отнесенного к V в. до н.э.) происходит два меча, антенные навершия которых украшены изображениями глаз (Там же, рис. 3, 3; 5, 2), причем рукоять николаевского экземпляра также оранментирована в центральной части продольными насечками, а по краям – поперечными. Из Шалушкинских курганов VI–V вв. в Кабардино-Балкарии известно не менее трех экземпляров данного типа, среди которых один (без номера) с кружками в основании навершия, плоской в сечении рукоятью, украшенной продольными и поперечными насечками (Махортых, 1991, с. 58, рис. 23, 7). В погребении 4 Белореченского могильника был обнаружен короткий меч с изображениями глаз в основании (Виноградов, 1972, с. рис. 22, 9). Погребение датировано по аналогии с другим комплексом из этого

памятника началом V в. до н.э. (Виноградов, 1976, с. 106; Прокопенко, 2014, с. 190). Кроме того, мечи с аналогично оформленным навершием были открыты в грунтовых погребениях Лугового могильника¹⁸ позднекобанского времени (Крупнов, 1960, рис. 40, 7), Шалинского могильника (Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963, с. 48–49, рис. 4, 8), разрушенном погребении из Ялхой-Мохка (Махортых, Петренко, 1987, рис. 4, 1) и с. Магас и курганных кочевнических погребениях из Нальчика (Махортых, 1991, рис. 23, 7) и Лечинкая (Вольная, 2002, рис. 1, 6), погребении в г. Пятигорске (Виноградов 1972, рис. 19, 16), могильнике Алерой-1 (Там же, рис. 44, 3). На территории могильника Энергетик-3 (в окрестностях г. Железноводска Ставропольского края), среди разрозненных материалов разрушенных погребений был обнаружен меч прекрасной сохранности (Березин, Маслов, 2012, с. 32, рис. 1, 1). Подобно экземпляру из Лечинкая, меч из Энергетика был богато украшен: рукоять покрыта насечками и валиками, в основании навершия в виде стилизованных когтей нанесено изображение глаз. К местным кавказским подражаниям рассматриваемого типа, вероятно, следует отнести мечи из могильника Гастон-Уота и Урус-Мартана (Мошинский, 2006, с. 16, рис. 7, 4–5).

Одним из первых опубликованных акинаков с орнитоморфным оформлением навершия, бабочковидным перекрестьем и треугольным клинком было случайное приобретение А.А. Бобринского в с. Грищенцы Каневского уезда Киевской губернии (Бобринский, 1914, с. 105, рис. 27). Учитывая этот факт, можно считать данный экземпляр эпонимным, а всю описываемую группу мечей – *типом Грищенцы* (рис. 16–18). Одной из отличительных особенностей данного экземпляра является рукоять, изготовленная из бронзы. В Киевском Государственном историческом музее хранится серия безадресных акинаков, происходящих, вероятно из Среднего Поднепровья (Шрамко, Фомин, Солнцев, 1970, рис. 2, 1, 8; 5). Их отличает наличие бортиков у рукояти и фигурные навершия с изображением пар глаз либо на самих антеннах, либо на основании навершия. Еще один меч неизвестного происхождения находился в античном отделе ГМИИ им. А.С. Пушкина (Мерперт, 1948,

с. 74, рис. 20; 22, 1). С территории Екатеринославской губернии происходит длинный меч с антенным навершием, в основании которого – изображение пары глаз (Мелюкова, 1964, табл. 20, 11). В Днепропетровском музее находится меч, найденный на территории Софиевского парка в г. Умань Черкасской области. Перекрестье уманьского меча бабочковидное, навершие – антенное с волютами, примыкающими к основанию, снабженному орнаментом в виде кружков-глаз (Голубчик, 1986, с. 79, рис. 1, 3).

В 1981 г. в Одесский археологический музей поступил меч, случайно обнаруженный на окраине г. Котовск (*сейчас* – г. Подольск Одесской области) (Охотников, 1984, с. 112). Антенное навершие котовского экземпляра трактовано в виде когтей хищной птицы, а в основании навершия – углубления, связанные с изображением глаз. По сумме аналогий, автором публикации был сделан вывод о датировке данного экземпляра V в. до н.э., вероятнее всего, первой его половиной (Там же, с. 113). На границе степи и лесостепи, в пойме Южного Буга в 1957 г., возможно, неподалеку от г. Вознесенска Николаевской области, был обнаружен меч с антенным навершием в виде птичьих когтей и бабочковидным перекрестьем (Гребенников, Недопако, 1984, с. 126–127, рис. 1). Волюты навершия смыкаются с его основанием, украшенным округлыми выпуклостями, имитирующими глаза. Два экземпляра грищенецкого типа известны по случайным находкам в Западном Закубанье – у станицы Раевской и с. Су-Псех (Новичихин, 2006, с. 46, 47, рис. 53, 5; 54, 1).

В Карпатском бассейне, одна из самых ярких находок была обнаружена случайно в 1869 г. на р. Олт у с. Доболий-де-Жос (Альдобой) в жудеце Ковасна (Orbán, 1869, о. 36). Отличительная особенность данного экземпляра – выдающиеся размеры, общая длина 112,5 см при длине клинка 97,5 см. Навершие выполнено в виде двух пар симметрично расположенных когтей, нижняя пара снабжена окружностями-«глазками». Кроме того, в зверином стиле оформлено не только навершие, но и перекрестье – в виде двух хищников (львов, по А. Вулпе) с открытой пастью. И если интерпретация изображений на перекрестье не вызывала дискуссий, то навершие в разное время трактовалось как пара дельфинов (Pârvan, 1926, p. 387; Ginters, 1928, s. 42), птичьих (Fettich, 1928, p. 144; Nestor, 1933, p. 145) или грифонных голов (Ростовцев, 1925, с. 607). А. Вулпе на основе аналогий из кургана 401 у Журовки предложил датировку экзем-

¹⁸ Погребение 64 Лугового могильника кроме акинака содержало набор уздечных бляшек в скифском зверином стиле, в том числе, крыловидный нашечник, который можно отнести к середине – третьей четверти V в. до н.э. (Алексеев, 1991, с. 51, рис. 2).

пляра из Доболий-де-Жос в рамках первой половины V в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 63; 2000, p. 229). Обломанный меч с навершием в виде волют и «глазками» в основании был обнаружен и к югу от Дуная, у с. Гозница Ловечской области Болгарии (Попов, 1929, с. 280, обр. 138, 6; 143).

В бассейне Верхнего и Среднего Дона известна серия случайных находок мечей данного типа. Так, в Добровском районе Липецкой области, у с. Малый Хомутец был обнаружен кинжал с ложнотреугольным перекрестьем, когтевидным навершием и орнаментом в виде пары глаз на основании навершия (Клоков, 1996, с. 131, рис. 2, 12; 5, 12). Меч из с. Пиликовка Елецкого района, опубликованный Н.Я. Мерпертом, практически идентичен предыдущему, за исключением того, что концы антенн навершия примыкают к основанию, а излом антенн более резкий, трехколенчатый (Мерперт, 1948, с. 77, рис. 22, 2). В Воронежской области кинжал грищенецкого типа был найден у пгт Анна (Медведев 1999, рис. 51, 14), в Курской области – у с. Канищево Тимского района (Воронина, 1962, рис. 1, 11) и с. Афанасьевка Советского района (Апальков, 1995, рис. 2, 11).

Восточные такие мечи и кинжалы известны по находкам в г. Пенза (у Татарского моста) (Гуляев, 1961, рис. 1, 2), с. Озерки (близ г. Актарска) Саратовской области (Максимов, 1959, рис. 1, 1), с. Красные Дубки Сергиевского района Самарской области (Мышкин, Скарбовенко, 2000, рис. 11, 2). На территории Волго-Камья оригинальный меч аналогичной схемы был найден у г. Свяжск¹⁹ Зеленодольского района Татарстана. Фрагмент железного кинжала с навершием в виде схематично изображенных птичьих голов-когтей известен из Ананьинского могильника (Tallgren, 1916, fig. 8). В Предуралье мечи типа Грищенцы были случайно обнаружены в имении Соловка (сейчас – с. Саловка Бугурусланского района Оренбургской области) (Смирнов, 1961, с. 20, рис. 4, 1) и г. Стерлитамак, в Башкортостане (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 239, 240, рис. 1, 8).

Интересно, что «глазки» в основании навершия появляются и на акинаках совершенно другого типа, возникшего, вероятно, также на базе грифовых кинжалов. К этому типу относится яркая, но пока немногочисленная серия изделий с навершием в виде противопоставленных фигур или голов хищников,

формирующих прямое навершия. Она локализована на территории Волго-Уральского региона и представлена случайными находками из Истамгула, Висимской дачи, Ильинского, Белебея, Измайлово, Янгискаина, Дёмы, Верхнего Алыштана, Уршака и Варны. На навершии последних двух экземпляров – из Уршака в Башкортостане (Там же, рис. 1, 11; Otchir-Gogiaeva, 2000, fig. 8, 14) и Варны Челябинской области головы птиц повернуты затылками друг к другу, и одна пара глаз расположена в верхней части рукояти (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 241, рис. 1, 11).

Схожие по оформлению мечи встречаются и намного восточнее. Длинный парадный меч с «глазками» под навершием был найден в 2008 г. на Алтае, у с. Ключи Тюменцевского района (Фролов, 2016, с. 57, 58, рис. 1, 1, 2) Из окрестностей Красноярска происходит экземпляр, который в данный момент хранится в Красноярском музее (Макаров, 2012, с. 69, рис. 1, 4). Его рукоять также увенчана двумя птичьими головами, клювы которых задраны почти вертикально, а глаза помещены в основании навершия. По такой же схеме выстроено навершие бронзового кинжала из Малой Ини Минусинского района Красноярского края (Бобров, Моор, 2011, рис. II, 10). При этом данный экземпляр снабжен двумя парами «глазков» в основании. Биметаллический меч (с железным клинком и бронзовой рукоятью) грищенецкого типа был случайно обнаружен в Якутии, на берегу р. Лены, в окрестностях г. Киренска (Окладников, 1955, с. 190). В основании навершия, правда, отсутствуют изображения глаз, однако общая форма позволяет поместить этот экземпляр между относительно реалистичными грищенецкими и сильно стилизованными солошскими. Интересен факт обнаружения кинжала с антенновидным навершием с «глазками» у основания в северном Китае. Бронзовый кинжал «скифского облика» из погребения M1 могильника Бэйсиньбао (уезд Хуайлай, провинция Хэбэй), был найден вместе с бронзовыми сосудами Чуньцю и клевцом «гэ» раннего Чжаньго, т.е. V – начала IV в. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, рис. 1, 5). Хотя А.А. Ковалев предлагает более высокую дату: IV–III вв. до н.э. (Ковалев, 2002, с. 120, 183), П.И. Шульга считает этот кинжал характерным для позднего этапа культуры юйхуанмяо VI–V вв. до н.э. (Шульга, 2015а, с. 110–111, 117). Другие кинжалы с «глазками» в основании навершия из Северного Китая были обнаружены в районе Ордо-са и также отличаются значительной степе-

¹⁹ Опубликовано С.А. Васильевым в кандидатской диссертации на основе информации и рисунка С.В. Кузьминых (Васильев, 2002, с. 396, Кат. II-244).

нюю схематичности (Kossack, 1992, s. 99, Abb. 57, 1, 7).

Итак, комплексы с акинаками типа Грищенцы концентрируются главным образом в двух основных регионах: в лесостепной части Среднего Днепра (тяготея к Левобережью) и Северном Кавказе. Судя по хронологии рассмотренных комплексов, тип Грищенцы не выходит за пределы V в. до н.э., при этом, тяготея, скорее, к середине – третьей четверти столетия. Отмечается и другая тенденция – степные комплексы, как правило, позднее лесостепных (за исключением Кавказа). Случайные находки также характерны для лесостепи, и, образуя традиционное скопление в междуречье Десны и Волги, следуют восточнее – в Прикамье и Волго-Уральский регион. Западное направление менее представительно, самые западные находки обнаруживают себя в Северной Болгарии и южной Трансильвании (уникальный меч из Альдобоя). Нельзя не отметить, что отдельные случайные находки попадают в степное пространство, впрочем, эта тенденция полностью себя раскроет уже в классический период.

Тип Солоха и эволюция антенного навершия в классический скифский период

Очевидно, что в классический скифский период ажурное навершие в виде стилизованных птичьих голов или когтей хищной птицы с глазом в основании (Мерперт, 1948, с. 78) является стилистическим развитием более ранних типов наверший, оформленных в реалистичной манере (Мелюкова, 1964, с. 56; Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 80–81). Не вдаваясь в дискуссии о семантической нагрузке такого способа оформления наверший, уместнее перейти к вопросу о функциональных особенностях этого типа акинаков, имеющих и хронологическое значение. Так, к примеру, Р.Б. Исмагилов отмечает исключительно утилитарный характер перекладки между волютами, и считает это поздним признаком наверший, сформировавшихся как тип, по его мнению, к концу V в. до н.э. (Исмагилов, 1978, с. 232–233). Р.Б. Исмагилов объясняет появление перекладки между волютами необходимостью в жесткой конструкции навершия для последующей обкладки его золотой фольгой. По мнению исследователя, данное новшество появилось в греческих мастерских для изготовления парадных «царских» форм, а затем спустя время было воспринято собственно скифами (Там же, с. 232). Следует, правда, учесть, что речь идет не о парадных формах

в общепринятом смысле, а скорее, об элементах похоронной обрядности, т.к. на золотых обкладках «парадных мечей» как правило, отсутствуют царапины, вмятины, потертости, и, следовательно, золотые пластины накладывали на рукояти непосредственно перед похоронами (Черников, 1965, с. 124; Гуляев, 2009, с. 151). Что интересно, такие навершия характерны не только для мечей – нижняя часть железной рукояти зеркала из северо-восточной камеры кургана Чертомлык также оформлено и трактовано в виде «стилизованных когтей хищной птицы» (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 197–198, кат. 118). Оно, по всей видимости, было изготовлено в первой половине IV в. до н.э. (Там же, 1991, с. 126). В солошском стиле оформлена рукоять зеркала из погребения 2 кургана 2 у с. Вишнополь (Григорьев, Скорый, 2011, с. 195, рис. 23). Кроме когтевидного навершия, рукоять орнаментирована рифлеными бортиками по краю и вертикальными углублениями по центру (т.е. имитацией проволоочной обмотки). Чернолаковая мисочка из погребения относится к третьей четверти IV в. до н.э., а могильник в целом датируется последней четвертью – концом IV в. до н.э. (Там же, с. 210). Возможно, так же была оформлена железная рукоять бронзового зеркала из погребения 1 кургана 18 Песочинского могильника на Харьковщине (Бабенко, Чижова, 2005, с. 132, рис. 1, 4). Погребение датируется на основании чернолакового канфара и херсонесского варианта амфоры типа Солоха I третьей четвертью IV в. до н.э. (Бабенко, 2005, с. 165).

А.И. Мелюкова акинаки с навершием, трактованном в зверином стиле объединила в отдельный таксон (II-й подраздел II-го отдела), выделив мечи и кинжалы с когтевидным навершием во второй тип (Мелюкова, 1964, с. 55–59). Однако, представляется, что этому типу акинаков (с сильно стилизованным навершием, оформленным в виде голов птиц/грифонов, волютами с изломами и перекладной) гораздо лучше подойдет эпонимическая номенклатура. А именно, название по одному из первых обнаруженных и одному из самых известных памятников – *тип Солоха*²⁰

²⁰ В общих чертах наблюдения по данному типу были сформулированы автором в процессе сбора аналогий к мечу из погребения 3 кургана 7 у с. Пуркарь (Агульников и др., 2013) и развиты в ряде других статей (Топал, 2014, с. 198–207; Topal, Terna, Popovici, 2014, p. 33–57). Термин «солохский тип» употреблялся, правда и ранее – например в статье В.И. Гуляева (Гуляев, 2004, с. 14). На эту серию мечей ранее обращала внимание

(рис. 20–24). Кроме характерного навершия, данный тип отличают желобки по краям рукояти – имитация проволочной или веревочной обмотки²¹ и относительно частое украшение перекрестья изображениями животных или геометрическим орнаментом.

Собственно, сам меч из Солохи А.П. Манцевич датировала концом V в. до н.э., а боковое погребение, где он был найден, по «чернолаковому килику из Олинфа» и амфорам – рубежом V–IV вв. до н.э.²² (Манцевич, 1987, с. 69, 121). Датировка бокового погребения кургана Солоха, совершенного после возведения кургана и основного погребения менялась от «первой половины – середины IV вв. до н.э.» (Брашинский, 1965, с. 97–98) до «первой четверти IV вв. до н.э.» (Алексеев, 1991, с. 52; 2003, с. 228). Однако А.Ю. Алексеевым отмечается, что большинство вещей из погребения (включая известный меч в ножнах с золотой обкладкой) много старше этой даты, и они могли накапливаться на протяжении долгой жизни их владельцев (Алексеев, 2003, с. 228, 231). Килик же из бокового погребения С.Ю. Монахов датирует ранним IV в. до н.э., а амфорный комплекс – 380-ми гг. до н.э. (Монахов, 1999, с. 240–243).

Курган 2 у с. Гладковщина, в котором был обнаружен аналогичный меч, автор раскопок датирует серединой – второй половиной V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 77). Погребение 1 кургана 6 у с. Тимофеевка с мечом, навершие которого оформлено виде «загнутых внутрь когтей с “глазками”» датируется концом V – самым началом IV в. до н.э. по клейменной хиосской амфоре (Гребенников, 2008, с. 85). Погребение с мечом из кургана 2 у с. Аксютинцы (Бобринский, 1894, табл. XXII, 4) на основании чернолакового килика (Онайко, и И.Б. Шрамко, предположившая, что центром их производства было Бельское городище (ввиду значительной концентрации в бассейнах Ворсклы и Сулы) (Шрамко, 1992, с. 222).

²¹ Еще В. Гинтерс обратил внимание на наличие такой орнаментации меча, по его мнению, для препятствия скольжению рукояти меча в руке (Ginters, 1928, s. 39).

²² Редакция издания «Кургана Солоха» 1987 г. (в лице А.Ю. Алексеева), правда, поспешила не согласиться с этими хронологическими наблюдениями, сетуя на то, что А.П. Манцевич не учла аналогии с Афинской агоры, неправильно определила центр изготовления чернолаковой посуды, а раздел, посвященный амфорной таре вообще был написан в 50-е гг. без учета работ И.Б. Брашинского. В примечаниях предлагается дата для античного импорта «начало – первая половина IV в. до н.э.» (Манцевич, 1987, с. 121, от редакции).

1966, с. 61), наиболее распространенного во второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970, p. 268, no. 469–472), датируется не позднее середины V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 75). Курган 3 Перещепинского могильника, во 2-ом погребении которого был обнаружен меч со схематичным антенным навершием, рукоятью обтянутой золотым листом (Шрамко, 1994, с. 124, рис. 7, 1; 8). С.В. Махортых отнес к поздней (III) группе комплексов могильника, которая датируется «последней четвертью – концом V и/или началом – первой половиной IV в. до н.э.» (Махортых, 2011, с. 14). Наконечники стрел из колчанного набора из этого погребения, при этом, надежно датируются концом V – первой третью IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). В правобережном Поднепровье, на Жаботинском поселении, в погребении конца V – начала IV в. до н.э. был также обнаружен меч с «когтевидным навершием и ложнотреугольным перекрестьем» (Петренко, 1967, с. 43, табл. 33, 18). Погребение в кургане 3 в урочище Стайки Верх у с. Аксютинцы – вероятно, одно из самых ранних, и датируется по зеркалу античной работы второй половиной VI – началом V в. до н.э. Однако, исходя из сильной потертости зеркала, свидетельствующей о сравнительно долгом употреблении, напрашивается вывод о более поздней датировке, вероятно, укладывающейся в первую половину или в самое начало V в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 75). Меч из кургана у с. Софиевка Бориспольского района Киевской области А.И. Мелюкова отнесла к I-му отделу (3-й тип), т.е. с прямым навершием, указав в описании, правда, что навершие не сохранилось (Мелюкова, 1964, с. 51, рис. 18, 10). Однако В.А. Ильинская, опубликовавшая этот меч позже, отметила «волотовидное навершие» и привела более точный рисунок, исходя из которого можно отнести этот меч к *типу Солоха* (Іллінська, 1968, с. 160, рис. 10, 1). Сам комплекс по фигурным бронзовым удилам и бляшкам с изображением хищников В.А. Ильинская датировала V в. до н.э. (Там же, с. 160), однако бляха типа Тузла-Бобрица может датироваться не позднее рубежа V–IV вв. (Канторович, 2012, с. 24). Исходя из стрелкового набора меч в золотой обкладке типа Солоха из кургана 4 могильника Осняги (Городцов, 1911, табл. III: 4) был отнесен к IV в. до н.э. (Ковпаненко, 1967, с. 148; Шрамко, 1976, с. 197) или, по последним данным – к концу V – первой трети IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). На основе сходства ножен парадного меча из

тайника кургана 30 у с. Большая Белозерка с ножнами из Куль-Обы, В.В. Отрощенко датирует данный экземпляр последней третью IV в. до н.э. (Отрощенко, 1984, с. 126).

К типу мечей с когтевидным навершием и ложнотреугольным перекрестьем А.И. Мелюкова отнесла меч из кургана 2 у с. Волковцы. Она же выразила сомнения по поводу принадлежности данного экземпляра этому курганному погребению, т.к. остальной инвентарь (костяные псалии, крестовидная бляха, керамика) указывает на время не позднее VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 58). По мнению В.А. Ильинской, керамика также была бесосновательно отнесена к этому комплексу – раннескифский кубок с резным орнаментом и сосуд эпохи бронзы (Ильинская 1968, с. 49). Вероятно, и крестовидная бляха²³ также была ошибочно приписана к этому погребению, уздечные принадлежности которого находят аналогии в комплексах второй-третьей четверти V в. до н.э. (Гречко, 2012, с. 86–88). Если вернуться к морфологическим особенностям меча, окажется, что рисунок А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, табл. 20, 9) далек от изображения на фотографии в «Древностях Приднепровья» (Древности Приднепровья, 1899, табл. VII, 59), скорее, он напоминает меч из кургана у Мгарского монастыря у г. Лубны (Ильинская, 1968, табл. XLVII, 12). А экземпляр на фотографии из коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко близок по оформлению к мечам *типа Солоха*.

Кроме знаменитых ножен меча, в склепе кургана Куль-Оба были обнаружены фрагменты рукояти (Antiquités, 1892, tabl. XXVII). Несмотря на то, что навершие меча не сохранилось, по другим признакам – широкое бабочковидное перекрестье, имитация обмотки на стержне рукояти, насечки на клинке можно предположить о принадлежности этого меча к *типу Солоха*. Ядро вещевого комплекса кургана Куль-Оба, по мнению А.Ю. Алексеева, относится ко второй половине IV в. (Алексеев, 2003, с. 229). Погребение из склепа, из которого происходит меч, синхронизируют по времени с Чертомлыком, в отличие от погребения под склепом, которое по времени близко впускному погребению из Солохи (Там же, с. 262). По

²³ Хотя исключение крестовидной бляхи из данного комплекса, возможно, и преждевременно. Дело в том, что в данном погребении она обнаружена среди уздечных принадлежностей, что может указывать на вторичное использование этого изделия и, соответственно, на более позднюю дату, чем та, что принята для большинства таких изделий.

клейму и форме фасосской амфоры из насыпи И.Б. Брашинский датировал куль-обинский курган концом третьей – последней четвертью IV в. до н.э. (Брашинский, 1965, с. 104; 1975, с. 37). А.Ю. Алексеев в качестве опорной даты предлагает 330-е гг. до н.э., отмечая, впрочем, тенденцию к понижению хронологии некоторых находок в первую половину IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 262). При этом С.Ю. Монахов датирует одну из позднебиконических амфор с клеймом Аретона 330-ми гг. (Монахов, 2003, с. 70, табл. 46, 1). По всей видимости, это один из самых поздних комплексов с мечом типа Солоха (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 125). Поразительно, что бронзовая пластина с изображением, идентичным тому, что присутствует на ножнах из Куль-Обы была относительно недавно обнаружена в частной коллекции на западе Германии в г. Карлсруэ (Мец, 2006, с. 43, рис. 1; Трейстер 2017, с. 205).

Из центрального погребения (могила 1) кургана 5 у с. Нагорное происходит фрагмент «рифленной» рукояти меча с навершием, на котором отчетливо прослеживается кружок с точкой посередине (Мозолевский, 1973, с. 192, рис. 6, 9). Автор реконструировал навершие как овальное, однако теперь очевидно, что оно было антенновидным орнитоморфным. Курганная группа у с. Нагорное в целом были продатированы концом IV – началом III вв. до н.э. (Там же, с. 234). Уточнить эту дату для кургана 5 практически не представляется возможным ввиду его сильного ограбления, хотя котел²⁴, происходящий из того же кургана и, возможно, рукоять меча могут датироваться более ранним временем. Центральное погребение 3 кургана 11 у пгт Акимовка Запорожской области, содержащее меч с ажурной рукояткой типа Солоха (Болтрик, Фиалко, 2010, с. 117, рис. 6, 2), было отнесено авторами раскопок ко второй половине V в. до н.э. (Там же, с. 120). Основой для датировки стали уздечные наборы с псалиями Г-образной и S-видной формы, ременными обоями с ромбовидным щитком (Там же, с. 118–120). Курган 2 у с. Петровка Новоайдарского района Луганской области, в тайнике которого был обнаружен меч с антенной рукоятью в зверином стиле, по совокупности инвентаря был датирован IV в. до н.э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 176). Однако наносники и ряд блях из погребения обнаруживают аналогии в памятниках конца V – начала IV в. до н.э. и, вероятно,

²⁴ С.В. Полин отнес бронзовый котел из могилы 4 к группе миниатюрных, первой половины IV в. до н.э. (Полин, 2014, с. 119–121).

позволяют сдвинуть дату погребения если не к концу V в. до н.э., то к началу – первой половине IV в. до н.э. В 2011 г. меч *типа Солоха* был обнаружен в хорошо датированном комплексе конца V в. до н.э. (Агульников и др., 2013, с. 274, рис. 6, 7) – погребении 3 кургана 7 у с. Пуркарь. Погребение датировано этим временем на основании клейма фабриканта Эвридама (РФГ) на гераклеийской амфоре и аттической чернолаковой солонки (Там же, с. 279). Среди нижнеднестровских курганов известен комплекс с фрагментом меча с ажурной рукоятью – погребение 1 кургана 9 у с. Талмаза (Синика, 2007, с. 171, рис. 1, 6; Топал 2014а, рис. 1, 2). Это погребения по наконечникам стрел датировано автором публикации концом V – началом IV в. до н.э. (Синика, 2007, с. 178). Возможно, к *типу Солоха* относится экземпляр из аристократического кургана Блинец-2, от которого практически полностью сохранился сохранился клинок с продольными желобками-каннелюрами (Ромашко, Скорый, 2009, с. 33–34, рис. 10, 20). По внешнему виду клинка, авторы раскопок реконструируют его как меч с навершием, «стилизированным в виде когтей хищной птицы» (Там же, с. 33). Курган датируется по совокупности сопровождающего инвентаря (определяющим, в данном случае, стал колчаный набор) последними двумя десятилетиями V в. до н.э. (Там же, с. 87).

Серия из четырех мечей типа Солоха происходит с Нижнего Дона. В 1901 г. у станицы Елизаветовской (Азовского района Ростовской области) учителем церковноприходского училища И.И. Ушаковым был раскопан курган, впоследствии получивший его имя. В Ушаковском кургане, кроме меча, рукоять и ножны которого были покрыты золотой аппликацией, был обнаружен античный импорт, в частности – арибалический лекиф конца V – начала IV в. до н.э. и позднехиосские амфоры IV в. до н.э. Несмотря на серьезную разницу в предлагаемых исследователями датировках от VI–V вв. до н.э. (Kieseritzky, 1902, p. 44–45; Minns, 1913, p. 270; Borovka, 1928, p. 97; Сокольский, 1954, с. 138) и даже VII вв. до н.э. (Tallgren, 1917, s. 77), наиболее вероятной представляется следующая: первая половина IV в. до н.э. (Ростовцев, 1925, с. 531, 532; Шилов 1966, с. 174). И.Б. Брашинский датировал данный комплекс началом IV в. до н.э. на основании фрагментов чернолаковой керамики (Брашинский, 1980, с. 124). С такой датировкой, правда, не согласилась Е.В. Власова, датирующая основное погребение Ушаковского кургана последней четвертью V в., кроме того, она

отмечает, что обкладка ножен была изготовлена раньше этого времени, т.к. ее дважды набивали на ножны (Власова, 1997, с. 37). В погребении кургана 10 1909 г. у ст. Елизаветовской был обнаружен меч, рукоять которого также была обтянута золотой фольгой. Навершие меча украшено «известной стилизацией голов грифонов» (Миллер, 1910, с. 115, табл. V). Н.И. Сокольский, датирует его (по аналогии с мечами из Солохи и Куль-Обы) IV в. до н.э., отмечая, что это «не противоречит остальному инвентарю» (Сокольский, 1954, с. 141). Клейменные гераклеийские амфоры из этого кургана относятся к типу I-4 по и датируются концом V – началом IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 129), хотя сам комплекс С.Ю. Монаховым ранее был датирован 90-ми гг. IV в. (Монахов, 1999, с. 171). Два других меча, из кургана 4 1910 г. (Сокольский, 1954, с. 139, табл. III, 5) и 34 1911 г. (Миллер, 1914, с. 244, рис. 57) Н.И. Сокольский также датирует IV в. до н.э. «по аналогии с находками из соседних могил» (Сокольский, 1954, с. 181). Возможно, к типу Солоха относится еще один меч из Елизаветовского могильника – кургана 6 1911 г. (Миллер, 1914, с. 229–230, рис. 22) с треугольным клинком и необычно массивным сердцевидным перекрестьем. Навершие состоит из двух волнот, однако из-за сильной ржавчины сложно судить, было ли оно простым или оформленным в виде птичьих (грифоньих) голов (Сокольский 1954, с. 139, табл. III, 2). Погребение датируется аттической чернофигурной котилой второй половиной IV в. до н.э. (Там же, с. 139).

Также к *типу Солоха* можно отнести меч из аристократического комплекса Прикубанья Семибратних курганов. Речь идет о фрагменте клинка из 2-го Семибратнего кургана (Черненко, 1973, с. 68, рис. 2, 12), являющегося полностью идентичным и по пропорциям, и по оформлению (продольные бороздки, формирующие треугольник в верхней трети клинка) мечу *типа Солоха* из поселения Ораное на Киевщине. Этот курган относится к группе «старших» и датируется третьей четвертью V в. до н.э.²⁵ или 460–425 гг. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 296; Горончаровский, 2011, с. 122).

Мечи подобного типа известны также и в савроматских комплексах. Например, из кургана 11 могильника Кара-Оба у с. Джангала (Синицын, 1952, с. 67, рис. 27, 1).

²⁵ Правда, по мнению А.Н. Новичихина, колчаный набор из 2-го Семибратнего кургана позволяют датировать его первой половиной V в. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 54; Власова, 2001, с. 130).

К.Ф. Смирнов предположил, что подобным образом оформленные мечи появляются в савроматской среде с Нижнего Дона, где происходил контакт савроматов со скифами и меотами (Смирнов, 1961, с. 21). Что касается датировки, савроматские комплексы с мечами этого типа исходя из сопровождающего инвентаря, по мнению В.Н. Васильева, убедительно датируются IV в. до н.э. (Васильев, 2001, с. 39), Н.Е. Берлизов отнес погребение к фазе B_2 общесарматской хронологии (последняя четверть V – первая четверть IV вв. до н.э.), а сам комплекс по аналогии с мечом из Солохи (sic!) датирует в пределах первой четверти IV в. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 186–187). «Убедительно» в пределах IV в. до н.э. В.Н. Васильевым датируются и остальные погребения содержащие «мечи и кинжалы типа III подтипа А отдела I» (мечи и кинжалы с узким бабочковидным (крыловидным) перекрестьем и когтевидным навершием) – погребение 1 кургана 18 из Нового Кумака; погребение 3 кургана 5 из Муракаево; погребение из кургана у с. Ибрагимово (Васильев, 2001, с. 39); погребение 7 кургана 16 могильника Лебедевка VII (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, рис. 73, 4); курган 7 (Васильев, 2001, рис. 6, б), погребение 3 кургана 15 (Яблонский, 2008, рис. 2) и курган 13 (Яблонский, 2012, рис. 1) Филипповского могильника; погребение 2 кургана 7 Новоорского могильника (Васильев, 2001, рис. 6, 9). Позже В.Н. Васильев отнес серию мечей с когтевидным навершием из этих погребений (по трем кинжалам этого типа из коллективного погребения кургана 1 могильника Сибайский I²⁶) ко второй половине или концу IV в. до н.э. (Васильев, 2001а, с. 171). Однако А.С. Скрипкин настаивает на датировке этой группы мечей второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 41). Возможно, исходя из этих соображений, погребение 20 кургана 9 Кировского I-го могильника было продатировано концом V – началом IV в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65; Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93). Следует также упомянуть меч из Сарапулского музея, найденный на могильнике Малые Чеганды (Тальгрэн, 1917, с. 20, рис. 2), отнесенный Б.Н. Граковым к числу скиф-

ских мечей IV–III вв. до н.э. (Граков, 1961, с. 144–146, рис. 3). Кинжал из кургана 7 могильника Сарытау в Западном Казахстане – вероятно, самый восточный комплекс с мечом типа Солоха, датируется С.Ю. Гуцаловым концом V – рубежом V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2006, с. 248).

Симптоматично, что комплексы, содержащие мечи с когтевидным навершием и перекладиной типа Солоха, датированные IV в. до н.э., либо сами содержат парадные формы мечей, украшенные золотом, либо датируются по аналогии с богатыми погребениями. Для парадных форм особенно справедливо действие механизма хронологического «запаздывания» вещи, т.к. ценные экземпляры вооружения могли храниться долгое время, передаваться из поколения в поколение. Т.е. теоретически погребения могли совершаться и в то время, когда тип уже вышел из употребления. Яркий пример – рукоять ахеменидского меча V в. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 92–102, 130–131, рис. 67, кат. 192) в кургане Чертомлык конца третьей четверти IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 268–269). Тем не менее, тип Солоха, по всей видимости, появляется на рубеже VI–V и существует до конца IV в. до н.э. Хронологически комплексы с акинаками типа Солоха можно разделить на три группы, которые датируются: второй-третьей четвертью V в. до н.э.; концом V – первой третью IV вв. до н.э. и второй половиной IV в. до н.э. Ранние комплексы концентрируются в Левобережной лесостепной Украине, единственный комплекс известен в Прикубанье. Кроме того, в это время изображение акинака типа Солоха появляется на монументальной скульптуре – стеле из Краснодарского музея (возможно, из станицы Преградной) (Миллер, 1925, с. 109, рис. 7) и с. Терновка Николаевской области (Елагина, 1959, рис. 3–6). На краснодарской стеле навершие акинака изображено в типично солошском стиле, детально переданы волюты. Дата краснодарского изваяния уточняется по изображениям грифона и оленя на панцире (Попова, 1976, с. 111) и не выходит за пределы первой половины V в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 34). Перекрестье у акинака на терновской стеле подтреугольное, на рукояти выделена продольная полоса (и, по всей видимости, горизонтальное рифление), а навершие трактовано в виде когтей обращенных. Наиболее предпочтительной датировкой данного изваяния, исходя из особенностей изображения навершия лука (в виде орлиной головы), считается вторая половина или

²⁶ Определяющими эту датировку стали обнаруженные в этом погребении зеркала с умбоном в центре диска (тип 5.3 по А.С. Скрипкину), характерные для раннепрохоровского инвентаря. Верхняя дата – рубеж IV–III вв. до н.э. определяется также по этим зеркалам, в III в. до н.э. неизвестным (Васильев, 2001а, с. 171).

даже конец V в. до н.э. (Елагина, 1959, с. 193; Шульц, 1976, с. 220; Петренко, 1986, с. 170; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 18).

Временем самого широкого распространения мечей этого типа стало последнее десятилетие V в. – первая треть IV в. до н.э., с этим хронологическим интервалом связано подавляющее число датированных комплексов. Это также период наибольшего количества парадных форм, рукоять которых, а зачастую и ножны плакированы золотом, правда встречаются они только на левом берегу Днепра и низовьях Дона. Акинаки *типа Солоха* проникают на правый берег Днепра, на юг, в степную часть, на западе доходят до нижнего Днестра, на востоке попадают в Волго-Уральском междуречье. По-видимому, с этим периодом связаны и многочисленные случайные находки в Волго-Донской лесостепи. На завершающей стадии развития во второй половине IV в. до н.э., акинаки *типа Солоха* появляются в Крыму, а также в погребениях Южного Приуралья и Зауралья. Интересно, что именно в этот период появляются зеркала, рукоять которых оформлена в солошском стиле.

На территории украинской Лесостепи случайных находок акинаков типа Солоха немного по сравнению с другими регионами, расположенными восточнее. Один из таких мечей паспортизован как случайная находка из Роменского уезда и, вероятно, происходит из собрания А. А. Бобринского (в ГКИМ) (Мелюкова, 1964, с. 58, табл. XVIII, 10, рис. 20, 8). Два акинака типа Солоха происходят из Черкасской области, с. Вязовок, в обвале берега р. Ольшанка. Несмотря на разную сохранность, орнаментация у них в целом схожая, однако у первого (от него сохранилась рукоять) ручка украшена широким S-видным оранментом (Мурзін, Шлайфер, 2011, с. 30, рис. 2). Еще один акинач солошского типа из Черкасской области происходит из окрестностей сел Самовицы и Дубинка Чернобаевского района (Сиволап, Шелехань, 2014, рис. 1, 4, 4a). В фондах Львовского музея хранится акинач, предположительно, происходящий с территории Подолья или Побужья (Косиков, Павлик, 1992, с. 113, рис. 1, 2). Как и у меча из Вязовок, рукоять украшена меандрическим орнаментом, что позволило авторам публикации произвести довольно смелый вывод о северо-кавказском происхождении этого экземпляра и его возможной связи с киммерийскими традициями (Там же, с. 115). Меч с когтевидным антенновидным навершием был обнаружен в разрушенном кургане у

с. Волосская Балаклея на Левобережье Северского Донца (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 77, рис. 58, 8). И, наконец, самая западная находка акинака *типа Солоха* была обнаружена у с. Агатово в северной Болгарии (Милчев, Ковачев, 1962, с. 40, рис. 2). На основе этой находки, и некоторых других аргументов А.П. Манцевич даже попыталась обосновать фракийское происхождение²⁷ меча из Солохи (Манцевич, 1969, с. 117–118), хотя эта точка зрения впоследствии была подвергнута развернутой критике (Златковская, Мелюкова, 1969, с. 5).

Значительная серия случайных находок происходит из Волго-Донской лесостепи. Короткий акинач длиной с навершием *типа Солоха* происходит из с. Садовка Терновского района Воронежской области (Максимов, Полесских, 1971, рис. 2, 4), по аналогиям авторы датируют его концом V – IV в. до н.э. (Там же, с. 241). К *типу Солоха* можно также отнести и другие случайные находки из Воронежской области – у хут. Вязники Острогожского района и с. Хлебное Новоусманского района (Медведев, 1999, рис. 51, с. 18, 19), из поселения у с. Мастюгино (Ворошилов, Золотарев, 2006, рис. 2, 3). Из Саратовской области происходят мечи, найденные у с. Шняево Базарнокарабулакского района (Скрипкин, 2007, рис. 4, 3, 6), с. Пилюгино Балтайского района (Моржерин, 2004, с. 183), пос. Яблочный Лысогорского района (Ворошилов, 2008, с. 91). В связи с распространением акинаков типа Солоха в данном регионе особый интерес представляет уникальная рукоять биметаллического меча, найденного на территории городецкой культуры, в окрестностях Муром (Aspelin, 1877, р. 191). По наблюдениям Б.Н. Гракова, данный экземпляр восходит к савроматским длинным мечам (Граков, 1961, с. 147), хотя широкое перекрестье и узкий длинный клинок с параллельными лезвиями, скорее напоминают меч из Альдобоя (Vulpe, 1990, s. 63, Taf. 16, 78). Сюжет ажурного навершия, характерного для акинаков типа Солоха в виде когтистой лапы или птичьих голов, вероятнее всего, не был близок создателю меча, и потому не совсем правильно понят. А потеря зооморфности данного навершия красноречиво указывает на факт изготовления не в ананьинской среде, привычной к звериному стилю, а непо-

²⁷ В контексте отождествления бокового погребения кургана Солоха с погребением Октамасада (Алексеев, 1994, с. 14), известного тесными родственными связями с фракийскими династиями, эта точка зрения может предстать в интересном свете.

средственно в городецкой (Граков, 1961, с. 147). Аналогичный меч, техника изготовления в деталях совпадает с муромским, был обнаружен в разрушенном погребении в Пьяноборской волости Елабужского уезда (Розенфельд, 1965, рис. 1).

В Нижнем Поволжье, в развеенном погребении в ур. Исикай Красноярского района Астраханской области был найден акинак, фактически аналогичный мечу из могильника Кара-Оба, который можно отнести к *типу Солоха* (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, 4). Из Среднего Поволжья, с территории Самарской области, происходит серия случайных находок акинаков типа Солоха. Кинжал из с. Ахрат Похвистневского района сильно корродирован, потому неясно, были ли изображения глаз в основании навершия, а его перекрестье изготовлено из раскованной части клинка (Денисов, 2010, с. 228, рис. 2, б). Известен кинжал с территории г. Самара, найденный в Студенном овраге (Мышкин, Скарбовенко, 2000, рис. 11, 3) и меч из с. Безречье Кинель-Черкасского района (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 8). Из Южного Приуралья известно еще несколько экземпляров мечей и кинжалов, которые можно отнести к типу Солоха, в частности, из с. Новая Богдановка (Ростовцев, 1918, табл. VII, 14). На полное совпадение оформления навершия с мечом из Солохи и Аксютинец обратил внимание еще М.И. Ростовцев (Там же, с. 58). Следует упомянуть и относительно свежую находку из с. Ивановка Оренбургской области (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 10). Вероятно, самой северной находкой в лесной зоне может считаться акинак из Пермского Прикамья, найденный в окрестностях поселка Усть-Качка Пермского района (Коренюк, Денисов, 2000, с. 40, рис. 1, 2). Навершие этого экземпляра трактовано в виде пары когтистых лап в три изгиба, соединенных между собой перемычкой, а в основании каждой лапы изображены глаза в виде едва заметных кружочков.

Необходимо отметить, что акинаки типа Солоха встречаются и в Зауралье. Так, в Чебаркульском краеведческом музее хранится фрагмент кинжала, найденный на юге Чебаркульского района Челябинской области (Таиров, 2007а, с. 27, рис. 4). Кроме того, есть информация об аналогичном кинжале такого типа из этого района – из пос. Мисяш²⁸. Из Аргаяшского района Челябинской области

²⁸ Сообщение об этом сделал В.В. Велитченко на Научной конференции аспирантов и докторантов в апреле 2011 г. в Челябинске.

происходит акинак с когтевидным навершием и несохранившимся перекрестьем, вероятно, бабочковидной или ложнотреугольной формы (Таиров, Ульянов, 1996, с. 141, рис. 2). Серия случайных находок коротких кинжалов типа Солоха были обнаружены в Башкирии – у с. Дадановка недалеко от Стерлитамака, на пашне у с. Тляумбетово Кугарчинского района, с. Акназарово (Байзигиткино) и кинжал, который хранится в Уфе, местонахождение которого неизвестно (Исмагилов, 1978, с. 229–234, рис. 1, 1–4). Еще один беспаспортный кинжал такого типа также хранится в Уфе в Музее археологии и этнографии (Исмагилов, 2001, с. 121, табл. I, 8). Из Стерлитамакского района происходят два схожих акинака с навершием «в виде когтистых лап», отличающихся лишь размерами – из д. Талачево и д. Вязовки (Горбунов, Исмагилов, 1979, рис. 1, 9–10). Вероятно, одной из самых восточных находок мечей типа Солоха, может считаться акинак, найденный у с. Воскресенское²⁹ (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, б). Примечательно, что у этого экземпляра навершие стилизовано до неузнаваемости и «когтевидное» оформление сведено к трем отверстиям в навершии. Это свидетельствует о том, что оформление мечей типа Солоха «не законсервировалось, а продолжало эволюционировать в сторону примитизации декора» (Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 80). Кроме того, в Зауралье, среди материалов могильника Воробьево I (Шадринский район Курганской области) гороховской культуры известны два акинака с навершием типа Солоха из погребений 1 и 4 кургана V (Могильников, 1992, с. 289, табл. 119, 60, 61). На основе наконечников стрел, с учетом аналогий акинакам, эти погребения были датированы V–IV вв. до н.э. (Стоянов, Фролов, 1962, с. 66).

Довольно красноречиво выглядит распространение находок мечей и кинжалов типа Солоха. Показательно полное отсутствие в Трансильвании, Алфёльде, румынской Молдове, Крыму и почти полное отсутствие солошских акинаков на Кавказе. Исключение составляет случайная находка (подъемный материал) из 3-го Ялхой-мохкского могильника из Юго-Восточной Чечни (Махортых, 1987, с. 58, рис. 2, 7). Погребения с мечами и кинжалами типа Солоха тяготеют к двум основным регионам – междуречью Днестра и Северского Донца и Приуралья. Концентрация мечей в ворсклин-

²⁹ Акинаки типа Солоха встречаются и восточнее – к примеру, в окрестностях Тюмени (Матвеева, Матвеев, Зах, 1994) и Петропавловского Приишимья (Хабдулина, Плешаков, 2003, с. 216–218, рис. 1, 2).

ско-посульском регионе навела И.Б. Шрамко на идею о локализации центра их производства. Им, по ее мнению было Бельское городище, кузнецы которого в совершенстве владели обработкой черных металлов и золота (Шрамко, 1992, с. 222). Интересно, что савроматские комплексы с мечами типа Солоха охватывают, в основном, Южное Приуралье. Между Доном и Уралом – огромная масса случайных (реже – плохо документированных) находок. Поэтому карту распространения мечей и кинжалов типа Солоха можно считать прекрасной иллюстрацией к этно-культурной ситуации рубежа V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии (рис. 19).

Уже в позднейшее классическое время, когда с середины IV в. до н.э. центры производства клинкового оружия смещаются в южном направлении, антенное навершие практически исчезает из набора орнаментальных приемов скифских оружейников. Так, тип Солоха формируется, по всей видимости, еще на Лесостепном Левобережье Днепра – для раннего периода его развития (первой половины V в. до н.э.) характерны лишь лесостепные комплексы, к тому же подавляющее большинство «парадных» форм происходит с левого берега Днепра (Топал, 2014, с. 389, рис. 1). Распространение позднейших акинаков типа Чертомлык и, тесно с ними связанных мечей типа Шульговка³⁰, проходило в противоположном (по сравнению с солошским типом) направлении, вероятно с юга на север, из Правобережья Среднего Днепра. Показательно, что лесостепные комплексы с однолезвийными мечами типа Шульговка появляются гораздо позже степных, и располагаются они уже исключительно на правом берегу Днепра. Продолжая сравнение с типом Солоха, можно отметить значительное сужение ареала чертомлыкских мечей и кинжалов, к тому же, восточная граница погребальных комплексов с акинаками типа Чертомлык проходит по Дону. А вторая по значимости концентрация погребений с клинковым оружием занимает уже не Нижнее, а Среднее Подонцовье. Траектория этой финальной линии развития скифских акинаков безусловно является отражением определенных тенденций в скифской культуре конца IV в. до н.э., приведших, в частности, и к исчезновению самого акинака как некой культурной традиции, несмотря

³⁰ Хронология комплексов с мечами типа Чертомлык охватывает весь IV в. до н.э., при этом время наибольшего распространения – третья четверть IV в. до н.э., тип Шульговка не выходит за пределы второй половины IV в. до н.э. (Топал, 2014б, с. 136, 150, рис. 7).

на расхожее утверждение, что к IV–III вв. до н.э. число скифских погребений с клинковым оружием заметно увеличивается (Мелюкова, 1964, с. 46). Поэтому особый интерес представляет недавно опубликованный меч типа Чертомлык из Чигиринского музея (Сиволап, Шелехань, 2014, рис. 1, 5, 5а), обнаруженный у с. Куриловка Каневского района Черкасской области. Стержень рукояти и ложно-треугольное перекрестье украшены рельефными изображениями кошачьих хищников и грифона (?), характерных для чертомлыцкого типа. Этот предмет отличает волutoобразное навершие, что для данного типа необычно. Несмотря на убежденность авторов публикации в принадлежности меча «солошской серии» первой половины IV в. до н.э. (Там же, с. 214), аналогии рельефу и форма перекрестья уверенно позволяют отнести меч из Куриловки к типу Чертомлык.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Итак, время появления антенного навершия – вторая половина VII в. до н.э. С этого момента простые такие навершия появляются независимо в трех регионах – на Северном Кавказе, Приднепровской лесостепи и Карпато-Подунавье. При этом, не покидает чувство, что для раннескифского времени, антенное навершие является скорее экспериментальным исключением, а не оформленной традицией.

Кроме того, на мой взгляд, подход, при котором выделение таксонов в типологии акинака происходит лишь на основе типа навершия, безнадежно устарел. Амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские и гудермесские акинаки с антеннами или волутонами. В среднескифский период нам известны антенны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечах типа Ноград.

Время широкого распространения антенных наверший – финал среднескифской эпохи (вторая половина VI – V в. до н.э.). Во второй половине VI в. на территории Европейской Скифии появляются акинаки с орнитоморфным навершием, не связанные с раннескифскими центрами производства акинаков с простыми антенными навершиями. По всей видимости, появление орнитоморфных и зооморфных наверший укладывается в рамки общей евразийской традиции – грифовые кинжалы в это время распространены в Волго-

Уралье, Семиречье, Саяно-Алтае, Северном Китае. Тем не менее, орнитоморфное навершие типа Гэйчана появляется на широкой серии мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем.

Начиная с V в. до н.э. начинается упрощение орнитоморфного навершия, отход от реалистичности. И уже в конце V в. до н.э. орнитоморфное оформление окончательно схематизируется, превращаясь в орнаментальный прием. Со временем, типологическая серия антенных наверший в виде головок хищных птиц, начиная с крупных реалистич-

ных форм, постепенно эволюционирует в сторону минимизации и схематизма, возможно, связанного с утерей изначального представления об образе. Несмотря на широкое распространения схематических орнитоморфных наверший типа Солоха, в рамках данной серии присутствует ряд изделий, исполненных явно в этом же стиле, но снабженные при этом вытянутым овальным навершием. Такие исключения сопровождают и выделенный для финала классической эпохи типа Чертомлык.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников и др. 2013: Агульников С.М., Попович С.С., Церна С. В., Топал Д.А.* Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 257–284.
- Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // *Археологические исследования в Казахстане* / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // *АСГЭ*. 1991. Вып. 31. С. 43–56.
- Алексеев А.Ю.* Этюд об акинаках. // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦНТД, ЛНИАО, 1991а. С. 271–280.
- Алексеев А.Ю.* Большие «царские» курганы V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии: хронология и толкования // *Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. в Санкт-Петербурге* / АИ; Вып. 18 / Отв. ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: ИИМК, ГЭ, 1994. С. 12–17.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 417 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Анфимов Н.В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // *СА*. 1949. Т. XI. С. 241–260.
- Апальков А.Н.* Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны // *РА*. 1995. № 2. С. 149–152.
- Атанасов Г.* Късен халцатски некропол при село Правенци, Шуменско // *Годишник на музеите от Северна България*. Вып. XIV. Варна, 1988. С. 21–35.
- Бабенко Л.И., Шелехань О.В.* Кинджали з сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею // *Археологія*. 2015. № 4. С. 77–91.
- Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.
- Бабенко Л.И.* Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого* / Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев, Полтава: ИА НАНУ, 2009. С. 19–29.
- Бабенко Л.И., Чижова Ю.А.* Зеркала из погребений Песочинского курганного могильника. // *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею. Луганськ, 2005*. С. 131–134.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ, 2000. 284 с.
- Беговатов Е.А.* Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника // *СА*. 1989. № 2. С. 247–249.
- Бейсенов А.З.* Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // *Вестник ТГУ. История: Проблемы археологии*. 2014. № 5 (31). С. 103–107.
- Березин Я.Б., Маслов В.Е.* Скифский меч из могильника «Энергетик-3» // *Историко-археологический альманах*. 2012. Вып. 11 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир: АКМ, Краснодар, М.: ИА РАН, 2012 Армавир-Краснодар-Москва. С. 32–36.
- Берестнев С.И., Бойко Ю.Н.* Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха (препринт). Харьков, 2005. 22 с.
- Берлизов Н. Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. 1. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Бессонова С.С., Скорый С.А.* Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // *СА*. 1986. № 4. С. 158–169.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 170 с.

- Бобринский А.А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1894. 232 с.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопке в Киевской губернии в 1912 году // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 99–108.
- Бобров В.В., Моор Н.Н.* Звериный стиль в декоре тагарских кинжалов // Археология Южной Сибири. Вып. 25. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л.Н. Ермоленко. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 146–151.
- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
- Бойко Ю.Н.* Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008. Вып. 7. С. 204–225.
- Бокий Н.М., Могилев А.Д.* Новое о Мельгуновском кургане // Наукові записки КДПУ. Серія: Історичні науки, Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. Кіровоград: КДПУ ім. В. Винниченка: КДПУ, 2014. С. 26–51.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Приазовья // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь–Керчь, 2010. С. 104–132.
- Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р.* Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. 1989. № 1. С. 170–177.
- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene: studia Graeca et Latina. Vol. IV. Praha, 1965. С. 89–109.
- Брашинский И.Б.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. XL. С. 36–38.
- Брумяк И.Б.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р. Х. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.
- Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001а. С. 169–179.
- Васильев С.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.
- Виноградов В.Б.* К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова М.: Наука, 1976. С. 147–163.
- Власова Е.В.* Об Ушаковском кургане. // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 1997. С. 29–38.
- Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н.* Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности Среднего Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). 1979. Вып. 3. Днепрпетровск: ДГУ, 1979. С. 45–60.
- Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 186 с.
- Воронина Р.Ф.* О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // Лесостепные культуры скифского времени / МИА № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 130–133.
- Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир / Отв. ред. Тереножкин А.И. Киев: Наукова думка, 1975. С. 218–234.
- Воронов Ю.Н.* Научные труды. Т. I. Колхида в железном веке. Сухум: АН Абхазии, 2006. 456 с.
- Ворошилов А.Н.* Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции 16–19 декабря 2008 г. / Ред. Савинов Д.Г. и др. СПб., 2008. С. 91–96.
- Ворошилов А.Н., Золотарев П.М.* Новые находки оружия скифского времени на территории лесостепного Дона // Новик. Вып. 11. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ / Ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Истоки, 2006. С. 27–33.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 54–62.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.* Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 73–88.
- Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 154–238.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / САИ; Вып. Д1-33. М.: Наука, 1977. 68 с.
- Голубчик Л.М.* Скифські мечі та кинджали у збірниках Дніпропетровського історичного музею // Археологія. 1986. № 56. С. 78–81.

- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.
- Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. III / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1911. С. 93–161.
- Горончаровский В.А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10 / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 116–140.
- Граков Б. М. Скифы. Київ: АН УРСР, 1947. 96 с.
- Граков Б.Н. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома // СА. 1961. № 4. С. 139–147.
- Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: Илион 2008. 192 с.
- Гребенников Ю.С., Недопако Д.П. Скифский меч из Нижнего Побужья // Вооружение скифов и сарматов / Ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 126–128.
- Гречко Д.С. Курганы конца VI – середины V вв. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. Харьков, 2010. С. 116–135.
- Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории // Stratum plus. 2012. № 3. С. 75–106.
- Гречко Д.С. Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.) // РА. 2016. Вып. XII (1–2). С. 145–168.
- Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов / Ред. Л.П. Ващенко. Киев: Наукова думка, 1994. 63–79.
- Григорьев В.П., Скорый С.А. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи // Stratum plus. 2011. № 3. С. 175–214.
- Гуляев В.И. Мечи скифского типа с территории городищ культуры // СА. 1961. № 4. С. 262–265.
- Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–24.
- Гуляев В.И. «Парадные» мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. В.В. Килейников. Вып. 13. 2009. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 147–151.
- Гуцалов С.Ю. Могильник Сарытау-1. Курган 7 (скифская эпоха) // Археология Южного Урала. Степь: проблемы культурогенеза / Ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 246–250.
- Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья. // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010. С. 222–229.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // НАВ. 2008. № 9. С. 62–75.
- Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975. 95 с.
- Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтитского региона. Кишинев: ИА АН Молдовы, 1997. 104 с.
- Древности Приднестровья. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко / Вып. II. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. Киев, 1899. 85 с.
- Древности Приднестровья. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Вып. III. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. / Ч. 2. Киев, 1900. 62 с.
- Дударев С.Л. Новые данные о кавказском генезисе скифских акинаков. // Сборник научных работ С.Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 223–227.
- Дэвлет М.А. Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: АН СССР, 1966. 23 с.
- Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1. С. 28–38.
- Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов / Ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 75–82.
- Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 1959. № 2. С. 187–196.
- Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 152 с.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006. 159 с.
- Журавлев 2002: Журавлев Д.В. (ред.). На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ, 2002. 144 с.
- Златковская Т.Д., Мелюкова А.И. От редакции. // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / МИА / Ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. 1969. № 150. М.: Наука, 1969. С. 3–6.
- Золотые олени 2003: Золотые олени Евразии / Ред. М.Б. Пиотровский, Кузеев Р.Г. СПб.: Славия, 2003. 62 с.
- Лліньська В.А. Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу // Археологія. 1968. Вип. XXI. С. 147–153.

- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Исмагилов Р.Б.* Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–228.
- Исмагилов Р.Б.* Меч скифского типа: истоки происхождения. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Материалы I Всесоюзной археологической конференции. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1989. С. 85–95.
- Исмагилов Р.Б.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. № 3. С. 117–147.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.
- Кан Ин Ук.* Кинжалы скифского времени из Восточного Туркестана // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Вып. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 240–244.
- Канторович А.Р.* Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Археологический альманах. Вып. 12. Симферополь, 2010. С. 189–224.
- Канторович А.Р.* Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция // Stratum plus. 2012. № 3. С. 17–71.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы. Классификация, типология, хронология, эволюция. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2015. 69 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 643 с.
- Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. Томск: Тип. Сибирской газет», 1886. 22 с.
- Клоков А.Ю., Моисеев Н.Б.* Находки скифских мечей и кинжалов в лесостепи. // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 2. Липецк, 1999. С. 26–42.
- Клоков А.Ю.* Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона. // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 122–132.
- Клочко В.І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: Артек, 2006. 337 с.
- Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга / Отв. ред. Г.С. Лебедев. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 150–194.
- Ковпаненко Г.Т.* Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворсклі // Археологія. 1961. Вип. XIII. С. 62–79.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант / САИ. Вып. В2–5. М.: ИА РАН, 1995. 166 с.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант / САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1998. 200 с.
- Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы – раннего железа у аула Серженьюрт, Чечня / МИИКНСК. Вып. 3. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следа разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) / Археологический альманах. Вып. 27. Донецк: Донбасс, 2012. 268 с.
- Копылов В.В.* Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 24–27.
- Кореньюк С.Н., Денисов В.П.* Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье. // Пермское Прикамье в истории Урала и России (материалы Всероссийской научной конференции). Березники: ПГУ, 2000. С. 39–42.
- Косиков В.А., Павлик А.А.* Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея // Донецкий археологический сборник. 1992. Вып. 2. Донецк: Аверс. С. 113–118.
- Кравец Д.П., Швецов М.Л.* Скифский кинжал из Донбасса // СА. 1987. № 2. С. 253–254.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. 282 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 255 с.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б.* Кургани скіфського часу Західної округи Більського городища. Київ: Гротеск, 2010. 200 с.
- Куприй С.А.* Скифский курганный могильник у с. Нововедоровка на юге Херсонщины. // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян. Киев: Наукова думка, 1991. С. 108–117.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Тыве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20-24 сентября 2010 г.) / Ред. А.В. Цыбиктаров. Улан-Удэ, 2010. С. 148–156.

Лапушняк В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1979. 142 с.

Левецкий О.Г. Бронзовые изделия раннегалльстатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (к вопросу о связях) // РА. 1993. № 1. С. 54–82.

Ленц Э.Э. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки, Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 54–68.

Лесков и др. 2006: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука. 2006. 192 с.

Лукьяшко С.И. Скифский меч из коллекции Ростовского областного музея краеведения // Вестник ВГУ. 2011. № 1 (19). Волгоград: ВГУ. С. 155–156.

Любин В.П. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // ТКЧНИИ. 1964. Вып. 6. С. 253–261.

Макаров Н.П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского Краевого краеведческого музея // АЮС. 2012. Вып. 26. С. 68–76.

Максимов Е.К. Меч и копье из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1. С. 261–265.

Максимов Е.К., Полесских М.Р. Заметка об акинаках // СА. 1971. № 2. С. 238–242.

Малеев Ю.Н. Галльстатские элементы вооружения в междуречье Днестра и Прута. // *Ziemia polskie we wczesniej epoce zelaza i ich powiazania z innymi terenami* / Red. S. Czopek Rzesów: Muzeum Okręgowego w Rzeszowie, 1992. С. 191–198.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского времени на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время. Уюкская культура. М.: Наука, 1970. 122 с.

Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха. // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / МИА. 1969. № 150 / Ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1969. С. 96–118.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Марсадолов Л.С. Археологическая дата большого Берельского кургана (к 150-летию начала исследования). // Материалы международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения». Алматы: Казак университеті, 2015. С. 55–60.

Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 101 с.

Махортых С.В. Про кинджали скифского типу з простим антенним навершиям // Археологія. 1995. Вип. 4. С. 111–116.

Махортых С.В., Петренко В.А. Новый могильник скифского часу в Чечено-Ингушетии // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 52–60.

Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах. // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Накова думка, 1987. С. 53–62.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 136 с.

Махортых С.В. Мечи и кинжалы из погребений Перещепинского курганного могильника // История оружия. 2011. № 2–3. Запорожье. С. 10–15.

Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // *Stratum plus*. 2012. № 3. С. 145–160.

Махортых С.В. Конское снаряжение всадников Предкавказья и Украинской лесостепи в VII–VI вв. до н.э. // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. / Отв. ред. Б.М. Хасенова / Т. IV. Астана: ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. С. 174–187.

Махортых С.В., Иевлев С.М. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины // Древности Северского Донца. 2001. Вып. 5. Луганск: Шлях. С. 100–107.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов / САИ. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1964. 113 с.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 92–100.

Мелюкова А.И. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // РА. 2001. № 4. С. 20–32.

Мерперт Н.Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИА. 1948. Вып. 22. С. 74–79.

Мец Ф. О недавней находке в Баден-Вюртемберге // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 43–45.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–130.

Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 220–247.

- Миллер А.А.* Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. 1925. № 4. С. 96–114.
- Милчев А., Ковачев Н.* Необнародованы паметници от Севлиево // Археология (София). 1967. № 2. С. 39–46.
- Мирчев М.* Раннотракийският могилен некропол при с. Равна // Известия на Археологическия институт. 1962. Кн. XXV. С. 97–164.
- Могильников В.А.* Ранний железный век лесостепи Западной Сибири. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 283–291.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. // Скифские древности / Отв. ред. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., Саратов: Киммериды, 2003. 352 с.
- Моржерин К.Ю.* Новые данные о находках вооружения савроматского времени в саратовском Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. 1-ая Международная Нижневолжская археологическая конференция. ТД. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 182–186.
- Мошинский А.П.* Древности горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. / ТГИМ. Вып. 154. М.: ГИМ, 2006. 208 с.
- Мулкиджанян Я.П.* Новые находки мечей скифо-сарматского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж: ВГУ, 1983. С. 137–142.
- Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.* Два акинаки з Черкаської області // История оружия. № 2–3. Запорожье, 2011. С. 30–33.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и Средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–63.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки / Ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. № 15. Самара, 2010. С. 87–100.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. 1899. Вып. 3. С. 1–41.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // МАВГР. 1899а. Вып. 3. С. 42–74.
- Николов Б.* Тракийски паметници във Врачанско // ИАИ. 1965. № 28. С. 163–202.
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. / История Якутской АССР. Т. 1 / Отв. ред. А.П. Окладников. М., Л.: АН СССР. 1955. 440 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: Метео, 1994. 188 с.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приазовье и Побужье в VII–V вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1966. 128 с.
- Отрощенко В.В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 121–126.
- Охотников С.Б.* Скифский меч из г. Котовска Одесской области // Северное Причерноморье (материалы по археологии) / Ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев, 1984. С. 112–113.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1967. 147 с.
- Петренко В.Г.* О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний. // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 158–157.
- Полесских М.Р.* Находка скифского меча в Пензенской области // СА. 1961. № 1. С. 257–259.
- Полидович Ю.Б.* Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. Самашев. Астана: ПЦК РК, 2008. С. 39–59.
- Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.
- Полін С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине / Курганы Украины. Т 3. Киев: Олег Филюк, 2014. 774 с.
- Попов Р.* Новооткрыти паметници от желязната епоха // Известия на Българския археологически институт. 1929. № 5. С. 273–290.
- Попова Е.А.* Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–121.
- Приймак В.В.* Уламок меча // ПАЗ. 1994. № 2. С. 126–127.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СКФУ, 2014. 446 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования. // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 18 октября 2001 г. – 20 января 2002 г. / Ред. М.Б. Пиотровский, Кузеев Р.Г. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2 / МАР. № 5. СПб.: Типография ИАН, 1891. 102 с.
- Розенфельд Р.Л.* Бронзовая рукоять из Пьяного Бора // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Круппнов. М.: Наука, 1965. С. 236–237.

- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. Вып. 37. Пг., 1918. 124 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 621 с.
- Самашев З.* Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев З.* Казахское искусство. / Т. 1. Древнее искусство. Алматы: Елнур, 2013. 240 с.
- Сиволап М., Шелехань О.* Клинок зброї скіфського часу в зібранні Черкаського краєзнавчого музею // Наукові записки. 2014. Вип. 21. Серія Історичні науки. Кіровоград, 2014. С. 209–217.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 5–107.
- Синика В.С.* Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье нижнего Днестра // РА. 2007. № 4. С. 170–179.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 62–73.
- Скаков А.Ю.* Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В.* Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Олег Філюк, 2014. 180 с.
- Скрипкин А.С.* Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск, 2007. С. 38–50.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 168 с.
- Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. II / МИА. № 33 / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: АН СССР, 1954. С. 123–196.
- Сорокин С.С.* Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 г.) // ТГЭ. 1969. Вып. X. Л.: Советский художник. С. 208–236.
- Стоянов В.Е., Фролов В.Н.* Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 53–87.
- Супруненко О.Б.* Кинджал скіфського часу з-під Полтави. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002. С. 247–249.
- Таиров А.Д.* Курган у села Котлик в Южном Зауралье. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1995. С. 115–119.
- Таиров А.Д.* Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 294 с.
- Таиров А.Д.* Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск. 2007. С. 24–29.
- Таиров А.Д., Ульянов И.В.* Случайные находки ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Аркаим, 1996. С. 139–147.
- Тальгрэн А.М.* Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 20–24.
- Техов Б.В.* Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3. С. 18–37.
- Топал Д.А.* Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 380–406.
- Топал Д.А.* Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia*. Vol. VIII (XXIII), 2014a. С. 7–43.
- Топал Д.А.* Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // *Stratum plus*. 2014b. № 3. С. 129–156.
- Топал Д.А.* Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. 2015. № 13. С. 54–79.
- Топал Д.А.* Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи // *Culturi, procese și contexte în arheologie* / Ed. L. Sîrbu et al. Chișinău: AȘM, 2016. С. 278–285.
- Топал Д.А., Бруяко И.В.* Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района // *Stratum plus*. 2012. № 3. С. 133–144.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* (ред.) Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М.: Таус. 2012. 1140 с.
- Трейстер М.Ю.* Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубезь (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI–IV вв. до н.э.). // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України / Ред. С.А. Скорий. Вип. 2 (23). Київ: ІА НАНУ, 2017. С. 200–207.

- Трифонов Ю.И.* Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // АО - 1967 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 174–176.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.* Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: АлтГГУ, 2005. 204 с.
- Фодор И.* Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем // СА. 1969. № 3. С. 251–254.
- Фролов Я.В.* Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, К.Л. Кунгуров. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 135–143.
- Фролов Я.В.* Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (3). С. 56–62.
- Хабдулина М.К., Плеваков А.А.* Случайные находки кинжалов с Приишимья // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи / Отв. ред. К.А. Акишев. Астана: Култегін, 2003. С. 215–218.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.
- Цэвээндорж Д.* Чандманийн соёл (Чандаманьская культура) // Археологийн судлал. 1980. № IX. Улаанбаатар, 1980. С. 34–105. (на монгольск. яз.)
- Черненко Е.В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. 64–81.
- Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 190 с.
- Чжун Сук-Бэ.* Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы археологического семинара. Ч. 1 / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: КГАК, 1998. С. 23–29.
- Чжун Сук-Бэ.* Проблема взаимоотношений племен Северного Китая с племенами Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (на основе сравнительного изучения кинжалов и ножей). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1998а. 24 с.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н.Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в концеэпохи бронзы и в начале раннего железного века. // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.
- Чотбаев А.* Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. 200 с.
- Шамба Г.К., Шамба С.М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 90 с.
- Шелехань А.В.* Скифские мечи и кинжалы в Причерноморской лесостепи (вариант классификации). // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ФИА им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 355–368.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // ИРОМК. 1959. № 1 (3). С. 13–28.
- Шилов В.П.* Ушаковский курган // СА. 1966. № 1. С. 174–191.
- Шрамко Б.А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.
- Шрамко Б.А.* Из истории скифского вооружения. // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 22–38.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
- Шрамко Б.А.* Розкопки курганів VII–IV ст. до н. е. поблизу Більска // Археологія. 1994. № 4. С. 117–133.
- Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д.* Техника обработки железа в лесостепной из степной Скифии // СА. 1963. № 4. С. 36–57.
- Шрамко Б.А., Фомін Л.Д., Солнцев Л.О.* Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі // Археологія. 1970. № 23. С. 40–59.
- Шульга П. И.* Синцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГГУ, 2010. 238 с.
- Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо и кочевнические культуры Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. С. 382–386.
- Шульга П.И.* снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: НГУ, 2015. 320 с.
- Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2015а. 304 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГГУ, 2009. 329 с.
- Шульц П.Н.* Скифские изваяния. // Художественная культура и археология античного мира / Отв. ред. И.Б. Брашинский. М.: Наука, 1976. С. 218–231.
- Яблонский Л.Т.* Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. ММНК«Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 170–177.

Яблонский Л.Т. Прохоровка и Филипповка I – опорные памятники раннесарматской эпохи Южного Приуралья. // Кадырбаевские чтения. Материалы III Международной научной конференции. Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 236–241.

Antiquités 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854); réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus par S. Reinach. Paris: Librairie de Firman-Didot. 1892. 432 p.

Aspelin J.P. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Vol. II. Helsinki: G.W. Edlund, 1877. 72 p.

Boroffka G. Kunstgewerbe der Skythen // Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker. Bd. 1. Berlin: Ernst Wasmuth A. G., 1928. S. 101–157.

Borovka G.E. Scythian art. Translated by V. G. Childe / Hrsg. H.T. Bossert London: Ernest Benn, 1928. 111 p.

Buzdugan C. Pumnale hallstattiene tírzii pe teritoriul României // Cercetări arheologice. 1976. № 2. P. 239–273.

Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe // PAS. 1998. № 12. S. 473–491.

Curtis J., Kruszyński M. Ancient Caucasian and Related Material in The British Museum / The British Museum Occasional Paper. № 121. London: The British Museum, 2002. 128 p.

Donici A. Contribution à l'étude anthropologique des Scythes // Archives suisses d'Anthropologie générale. 1928. № 1 (5). Pp. 321–327.

Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland) // PZ. 1913. № 5. S. 1–80.

Fettich N. Das Tiermotiv der Parierstange des Schwertes aus Aldoboly, Siebenbürgen // PZ. 1928. 19. S. 144–152.

Furtwaengler A. Der Goldfund von Vetttersfelde. Winckelmannsfeste der archäologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer, 1883. 64 s.

Gawlik A. Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 1998. № 19. S. 53–77.

Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin: W. de Gruyter, 1928. 94 s.

Gyucha A., Gulyás G., Török B., Barkóczy P., Kovács A. Connected regions, shared traditions: A unique Middle Iron Age burial from the Danube-Tisza Interfluvium // An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit / Hrsg. I. Szathmári. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2015. Pp. 179–198.

Jin J. Chronological and Cultural Framework of Bronzes in Northern China during the 4th to the 3rd Millennia B. P. PhD Thesis. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2009. 584 p.

Kemenczei T. Pfeilspitzen von Früh-Skythentyp aus Ostungarn // FA. 1994. № 43. S. 79–96.

Kieseritzky G.E. Funde in Südrussland // Archäologische Anzeiger. 1902. № 2. S. 44–46.

Kossack G. Dolche und Gürtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundverbänden // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 97–106.

Liu Dezhen 刘得祯, Xu Shuzhen 许淑珍. Gansu Qingyang chunqiu zhanguo muzang de qingli 甘肃庆阳地区春秋战国墓葬的清理 (The Excavation of the Spring and Autumn and Warring States period burials in the Qingyang region, Gansu) // Kaugu 考古. 1988. № 5. Pp. 413–424.

Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. First part: daggers // Artibus Asiae. 1949. № 12 (1–2), Pp. 23–83.

L'Uomo d'oro 1998: Arbore-Popescu G., Silvi Antonini C., Baïpakov K. M. (ed.). L'Uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. Milano: Electa, 1998. 253 p.

Maoqinggou 1992: Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. 126 s.

Mihăilescu-Bîrliba V. Akinakai from Moldavia. A new discovery // Thraco-Dacica. 1976. № I. Pp. 109–116.

Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 806 p.

Müller-Karpe H. Die Vollgriffschwerter der Urnenfelderzeit aus Bayern / Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte VI. München: Beck, 1961. 134 s.

Nestor I. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1933. № 22. S. 11–181.

Novgorodova E. A., Volkov V. V. Ulangom – ein Gräberfeld der skythischen Zeit aus der Mongolei. // Ulangom. Ein skythenzeitliches Gräberfeld in der Mongolei / Asiatische Forschungen, 76. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. S. 1–118.

NXY et al. 1993: Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo 宁夏文物考古研究所 et al. Ningxia Guyuan Yanglang qingtong wenhua mudi 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 (Bronze culture cemetery at Yanglang, Guyuan, Ningxia) // Kauguxuebao 考古学报. 1993. № 1. Pp. 13–56.

Orbán B. A Székelyföld leírása. III. Pest, 1869. 162 o.

Otchir-Goriaeva M.A. A Comparative Study of the Early Iron Age Cultures in the Southern Volga and the Southern Urals Regions // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / BAR 890. Oxford: Archeopress, 2000. Pp. 194–206.

Parducz M. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III // AAASH. 1955. № 6. Pp. 1–22.

Pârvan V. Getica: o protoistorie a Daciei. București: Cultura națională, 1926. 964 p.

- Patay P.* Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken // FA. 1955. № 7. O. 61–74.
- Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București: EARPR, 1977. 390 p.
- Popescu E., Vulpe A.* Nouvelles découvertes du type Ferigile // Dacia. 1982. № 26. Pp. 77–114.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythische Pfeilspitze. Pokrowsk: Volkskommissariat für Bildungswesen der Wolgadeutschen Republik, 1929. 112 s.
- Rhi C. S.* Maoqinggou-Kultur und ihre Zeitstellung // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 28–45.
- Salmony A.* Sino-siberian art in the collection of C. T. Loo. Paris: C. T. Loo Publisher, 1933. 120 p.
- Schimmelpfennig M., Kossack G.* Datierung durch die Ausgräber // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 15–28.
- Sievers S.* Die mitteleuropäischen Hallstattdolche / PBF. Ab. VI. Bd. 6. München: Beck, 1982. 160 s.
- Simion G.* Geții și sciții dinspre gurile Dunării // Carpica. 1992. № 23 (1). Pp. 92–105.
- Sparkes B.A., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora, V. XII. Princeton, New Jersey: The American school of Classical studies at Athens, 1970. 500 p.
- Sprockhoff E.* Die germanischen Vollgriffschwerter der jüngeren Bronzezeit / Römisch-Germanische Forschungen 9. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1934. 142 s.
- Stockhammer P.* Zur Chronologie, Verbreitung und Interpretation urnenfelderzeitlicher Vollgriffschwerter / Tübinger Texte. Materialien zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2004. 300 s.
- Stöllner, Samašev 2013:* Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog zur Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. II. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. 532 s.
- Tackenberg K., Sidorov A., Tallgren A.M.* Miscellanea archaeologica // ESA. 1929. № VI. S. 175–180.
- Tallgren A.M.* Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors 1. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Édité par la Commission des collections Antell, 1916. 45 p.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors: K. F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.
- Tallgren A.M.* Trouvailles isolées sibériennes préhistoriques au Musée National de Finlande. Helsinki, 1919. 276 p.
- Topal D., Golec M.* Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia // Tyragetia 2017. Vol. XI (XXVI), P. 7–22.
- Topal D., Țerna S., Popovici S.* Akinakai de tip Soloha în contextual unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos // Peuce. 2014. № XII. Pp. 9–67.
- Vasiliev V.* Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca: Dacia, 1980. 186 p.
- Vulpe A.* Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică / Biblioteca de arheologie 9. București: Editura ARSR, 1967. 208 p.
- Vulpe A.* Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7. bis 5 Jh. Im Donau-Karpatenraum // MA. 1970. Vol. II. S. 115–214.
- Vulpe A.* Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia. 1977. № Vol. XXI. S. 81–111.
- Vulpe A.* Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului // Thraco-Dacica. 1984. № 5. Pp. 26–63.
- Vulpe A.* Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien / PBF. Ab. 4. Bd. 9. München: Beck, 1990. 145 s.
- Vulpe A.* Spada de fier de la Dobolii de Jos (Aldoboly) // Angustia. 2000. № 5. Pp. 227–233.
- Xu Yongjie 许永杰, Guo Chenhui 郭晨辉.* Qinanxian linian chutu de beifangxi qingtongqi 秦安县历年出土的北方系青铜器 (The northern bronzes discovered from Qinan county over the years) // Wenwu 文物. 1986. № 2. P. 40–42.
- Yang Ningguo 杨宁国, Qi Yuezhong 祁悦章.* Ningxia Pengyangxian jinnian chutu de beifangxi qingtongqi 宁夏彭阳县近年出土的北方系青铜器 (The Northern bronzes recently found in Pengyang county, Ningxia) // Kaugu 考古. 1999. № 12. Pp. 28–37.
- Zhong Kan 钟侃, Han Kongle 韩孔乐.* Ningxia nanbu chunqiu zhanguo shiqi de qingtong wenhua 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化 (Bronze cultures during Spring and Autumn and Warring States period in South Ningxia) // Zhongguo kaogu xuehui di ba ci nianhui lunwenji 中国考古学会第一次年八次年会论文集. Beijing, 1983. Pp. 203–213.
- Zhong Kan 钟侃.* Ningxia Zhongningxian qingtong duanjian mu qingli jianbao 宁夏中宁县青铜短剑墓清理简报 (Excavational report of the burials with short bronze swords in Zhongning county, Ningxia) // Kaugu 考古. 1987. № 9. Pp. 773–777.

Информация об авторе:

Топал Денис Афанасьевич, заместитель редактора журнала *Stratum plus* (Железный век – античность), Университет Высшая антропологическая школа (г. Кишинев, Республика Молдова); denis.topal@gmail.com

ANTENNAE POMMELS OF SCYTHIAN AKINAKAI. ORIGINS AND EVOLUTION

D. A. Topal

The unusual 'antenna' design of the pommels of the akinakai (in the form of antennae or volutes) drew the attention of researchers of the Scythian blade weaponry quite early. In addition, the shape of the pommel lies on the basis of all known classification schemes of Scythian swords and daggers. Researchers have long paid attention to the amazing similarity of this type of decoration with those that were made in the Late Bronze and Hallstattian time in Central Europe. However, for the Central European daggers, the antenna pommel is a rather late phenomenon and is fixed not earlier than in HaB period. Moreover, Early Nomadic (e.g. Chernogorovka-Novocherkassk) swords and daggers with the antennae pommels are still unknown. Due to chronological observations, the time of the appearance of the antenna pommel is the 2nd half of the 7th century BC. During this period, the simple antennae pommels are independently connected with the three main regions: the North Caucasus, the Dnieper Forest-steppe and the Carpathian-Danube. In the Early Scythian period, the antenna pommel is more of an experimental exception than a formal tradition. Ambivalence in the design of the pommel is demonstrated by the history of the Scythian blade weapon during all periods, beginning with the Early Scythian. So, there are known the Kelermes and Gudermes akinakai with antennae or volutes. In the Middle Scythian period, the antennae are known for such types of akinakai like Shumeyko, Vetersfelde and single-edged swords of the Nógrád type. The time of the wide distribution of antennae pommels is the end of the Middle Scythian period (550-425 BC). From the mid 6th century akinakai with ornithomorphic pommels appear on the territory of European Scythia, but these items are not associated with the Early Scythian production centers. Apparently, the appearance of ornithomorphic and zoomorphic pommels fit within the framework of the common Eurasian tradition, e.g. griffin daggers spread in the Volga-Ural, Semirechye, Sayano-Altai and Northern China at this time. A realistic ornithomorphic pommel of the Găiceana type appears on a wide series of swords and daggers with a hilt in a form of the Thracian shield. Since the 5th century BC, the simplification of the ornithomorphic pommels begins, taking the evolution away from the realism. Already at the end of the 5th century BC ornithomorphic design is finally schematized, turning into an ornamental approach. Over time, a typological series of antenna pommels in the form of heads of birds of prey, starting with the big realistic forms, gradually evolves towards minimization and schematism, possibly connected with the loss of the original image.

Keywords: akinakes, antennae pommel, volutes, griffin dagger, sword, Eurasia, Pontic region, Siberia, Scythian period

About the Author:

Topal Denis A. Deputy Editor of the *Stratum plus* journal (Iron Age – Antiquity), High Anthropological School University (Kishinev, Republic of Moldova); denis.topal@gmail.com

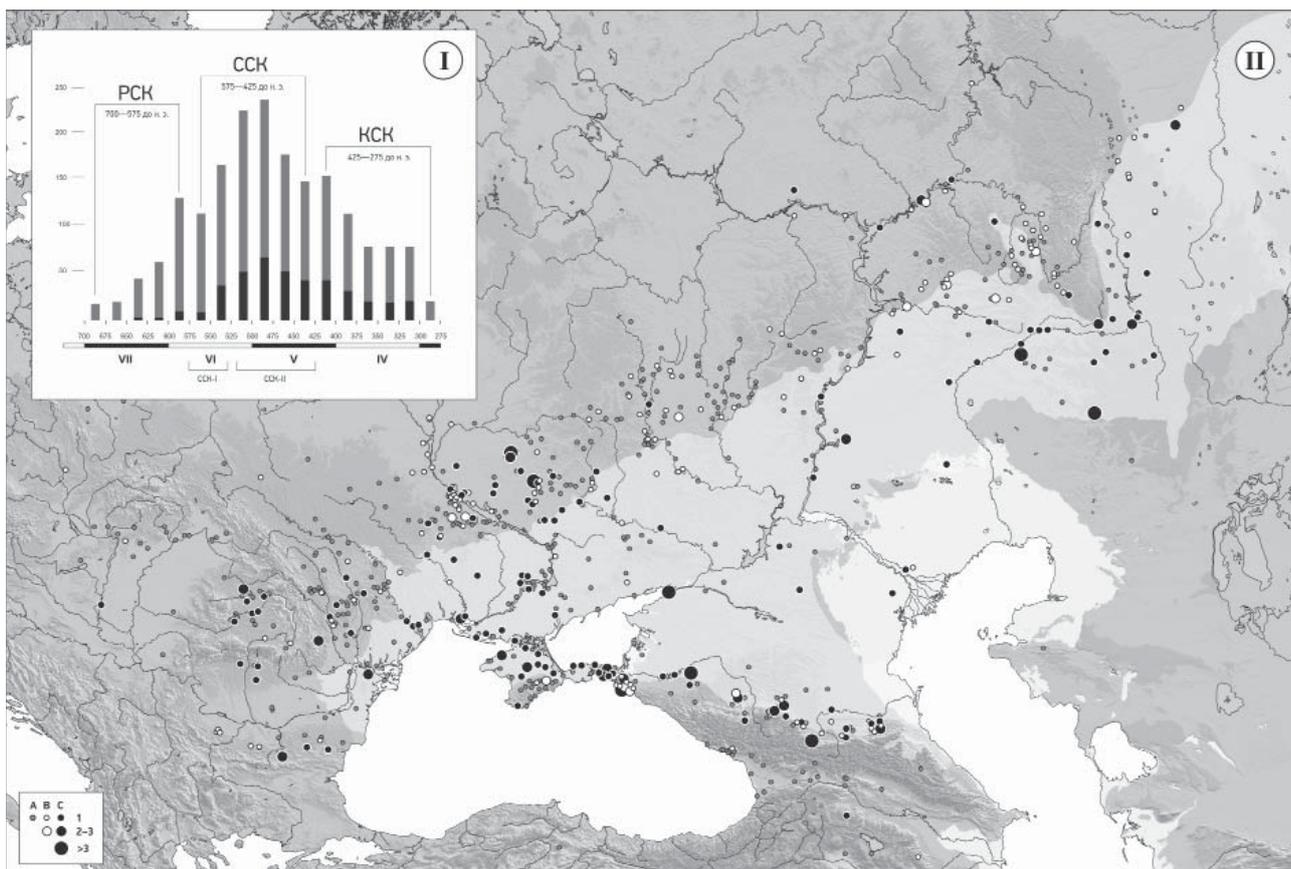

Рис. 1. Распространение мечей и кинжалов (А) на западе Евразии. Акинаки с антенными навершиями в комплексах (С) и случайные находки (В).

Рис. 2. Распространение мечей и кинжалов с антенным навершием (А) на западе Евразии в раннескифское (В) и начале среднескифского периода (С). Сплошным контуром показаны ареалы ранне- и среднескифских антенн, пунктирным – ареалы орнитоморфных антенн финала среднескифского периода.

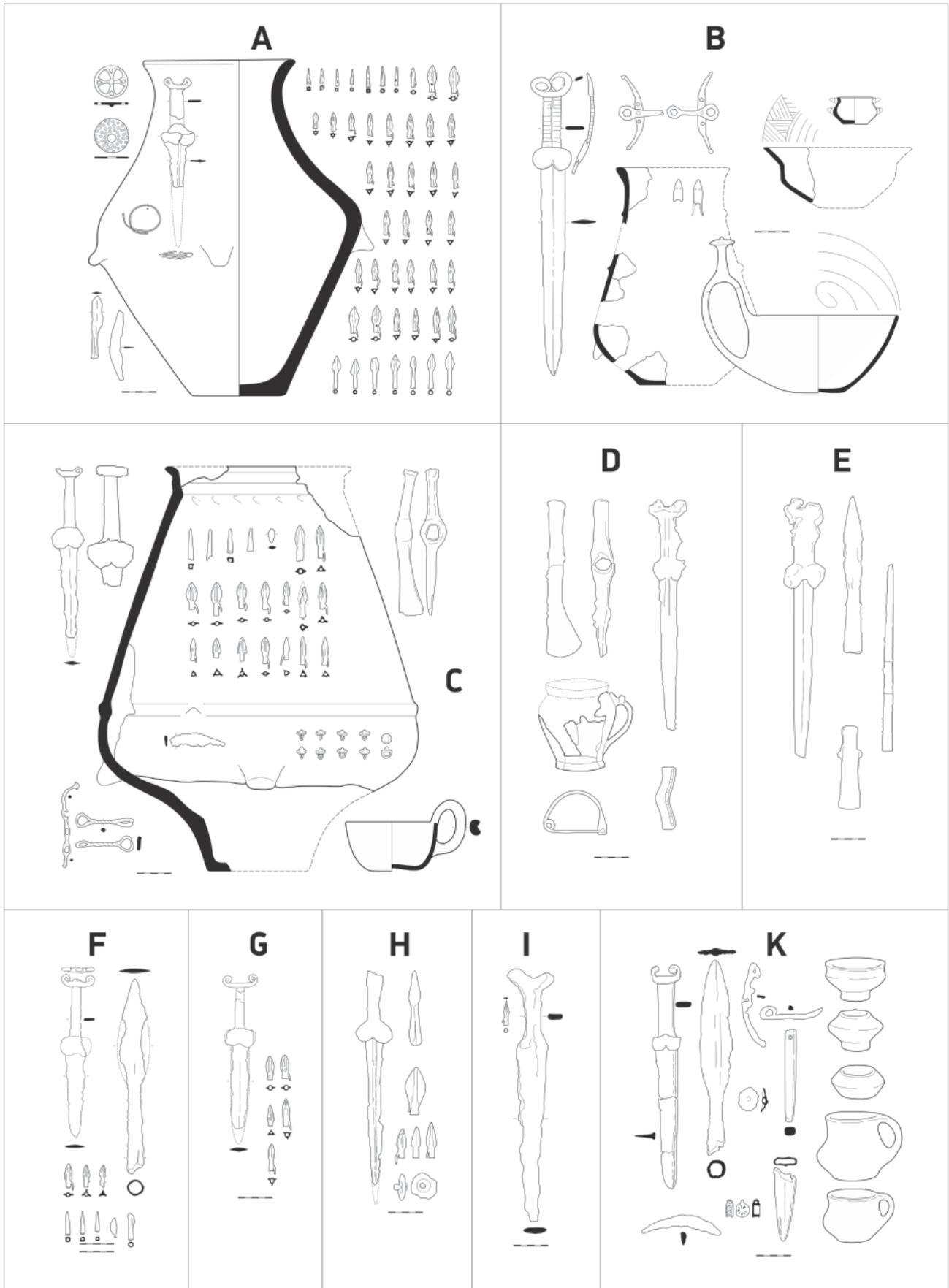

Рис. 3. Акинаки с антенным навершием в раннескифских комплексах: А – Теюш, п. 2; В – Фериджиле, к. 44; С – Кристешть, п. 9; D – Тли, п. 139; Е – Поповка, к. 3; F – Фрага; G – Багош; H – Аркита; I – Челик-дере, п. 2; K – Карабашево.

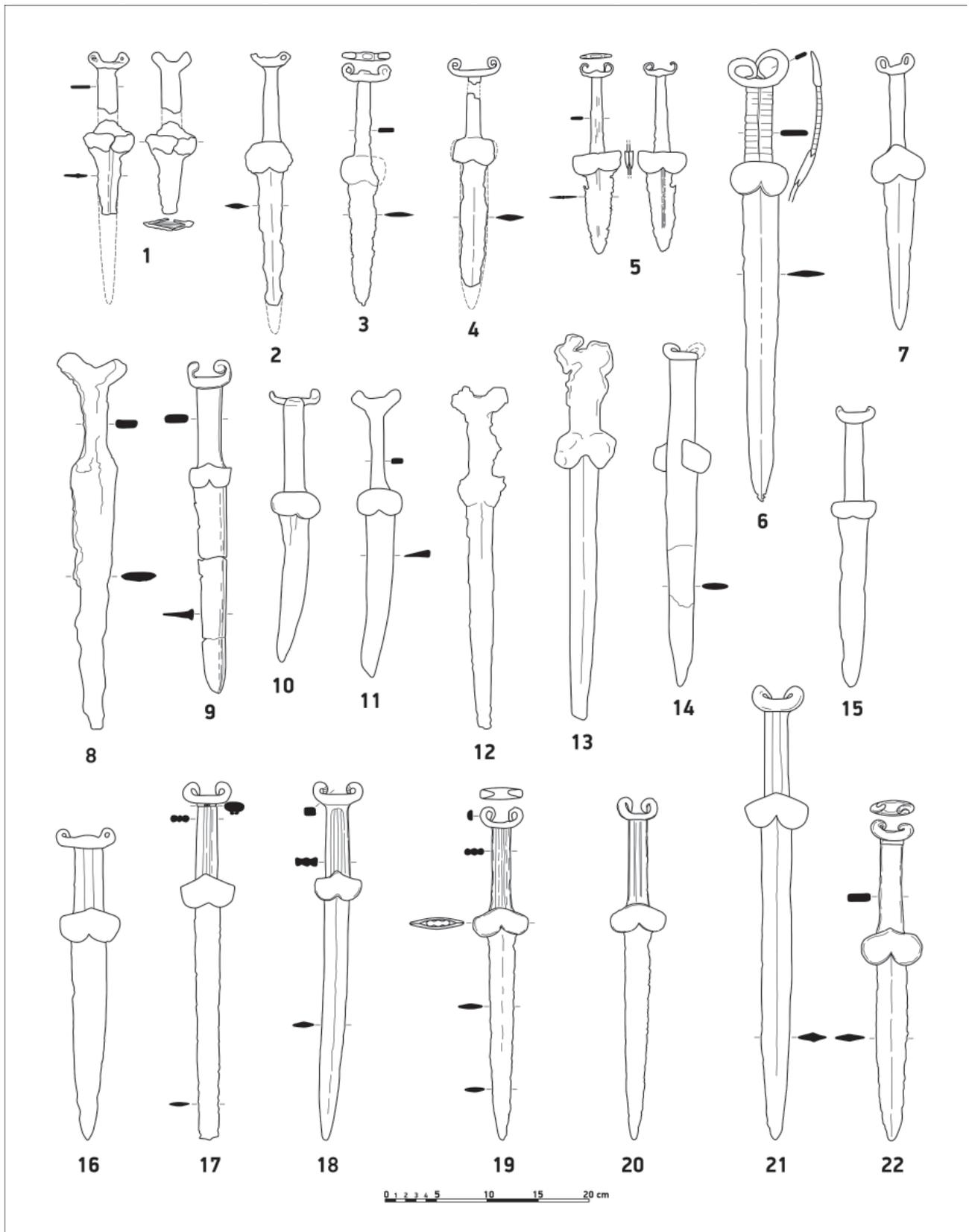

Рис. 4. Раннескифские акинаки с антенным навершием: 1 – Теюш, п. 2 (1969 г.); 2 – Кристешть, п. 9; 3 – Фрата; 4 – Багош, п. 3; 5 – Чипэу, погр.; 6 – Фериджиле, к. 44; 7, 15 – Кубалач; 8 – Челик-дере, п. 2; 9 – Карабашево; 10 – Нестеровский могильник; 11 – Сержень-юрт; 12 – Тли, п. 139; 13 – Поповка, к. 3; 14 – Скоробор, к. 5; 16 – Иванча; 17, 19 – Борисоглебск; 18 – Берлячево; 20 – Губари; 21 – коллекция Бобринского; 22 – Журавлиха.

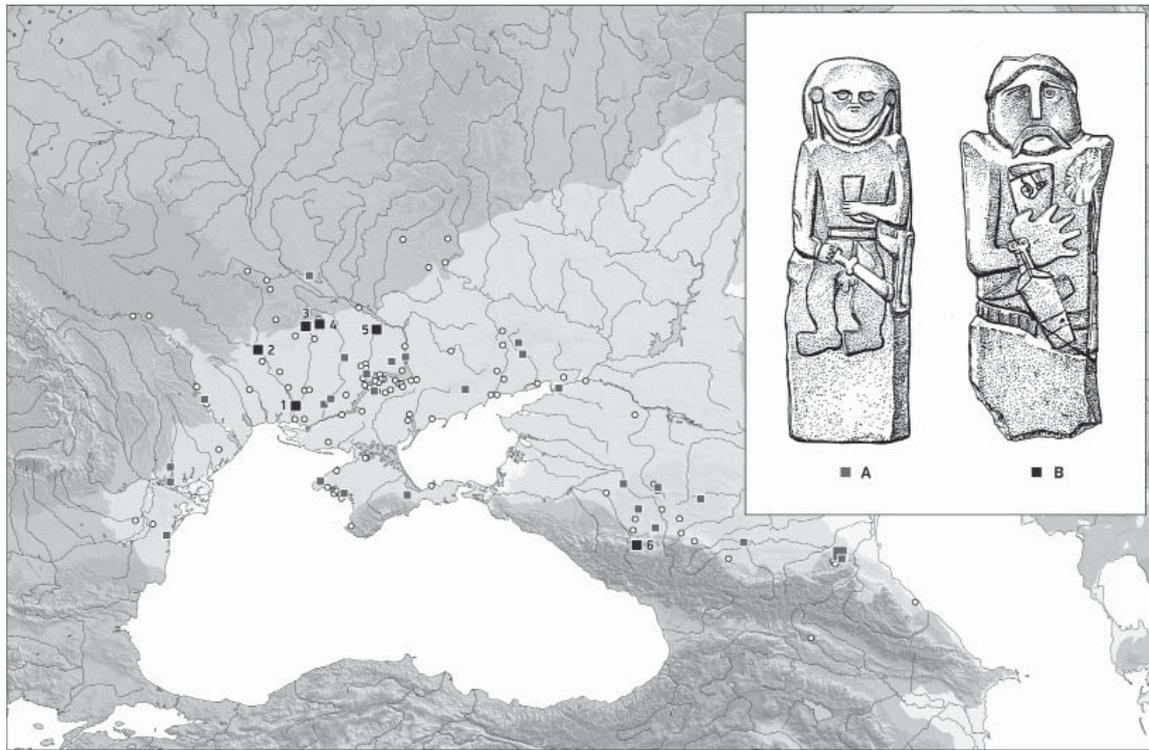

Рис. 5. Распространение скифских изваяний в Причерноморье с изображениями клинкового оружия (А) и акинаков с антеннами (В): 1 – Терновка, 2 – Первомайск, 3 – Кировоград, 4 – Медерово, 5 – Любомировка, 6 – Преградная.

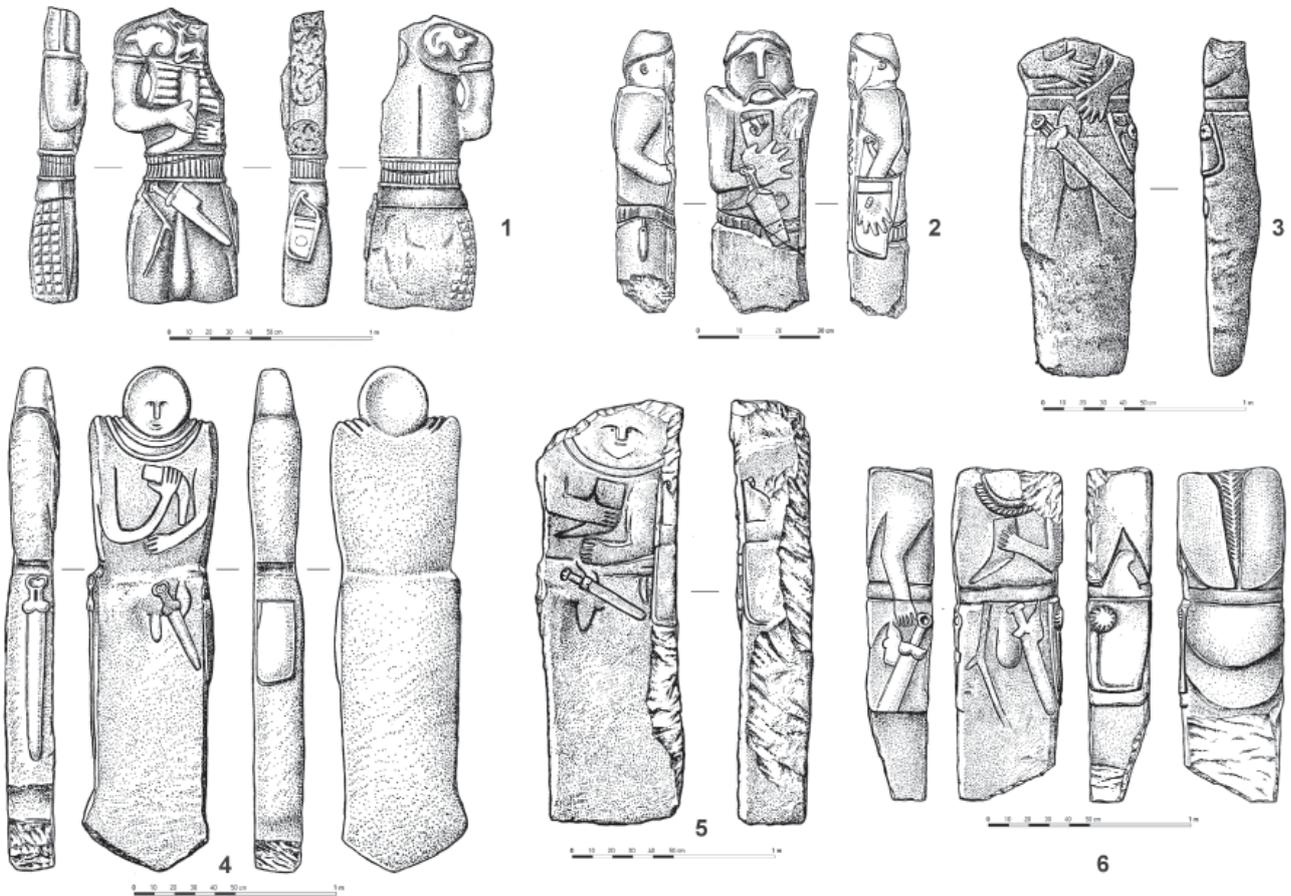

Рис. 6. Скифская антропоморфная скульптура с изображениями акинаков с антенными навершиями (и близким к ним): 1 – Краснодарский музей (Преградная?); 2 – Терновка; 3 – Первомайск; 4 – Медерово; 5 – Любомировка; 6 – Кировоград.

Рис. 7. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Гэйчана (В), мечи и кинжалы с сегментовидным перекрестьем (А) и «грифовые» акинаки (С). (Пунктиром показаны основные ареалы акинаков с орнитоморфными навершиями, черной заливкой – комплексы, белой – случайные находки):
 1 – Девене, 2 – Галатин, 3 – Равна, 4 – Чепарь, 5 – Гэйчана, 6 – Капакля, 7 – Журовка, 8 – Яблоновка, 9 – Гамарня, 10 – Староселье, 11 – Кирово, 12 – Низы, 13 – Лихачевка, 14 – Воскресенский, 15 – Анапская, 16 – Рассвет, 17 – Саук-дере, 18 – Краснодар, 19 – Уляп, 20 – Мурзиха, 21 – Ананьино, 22 – Большой Толкай.

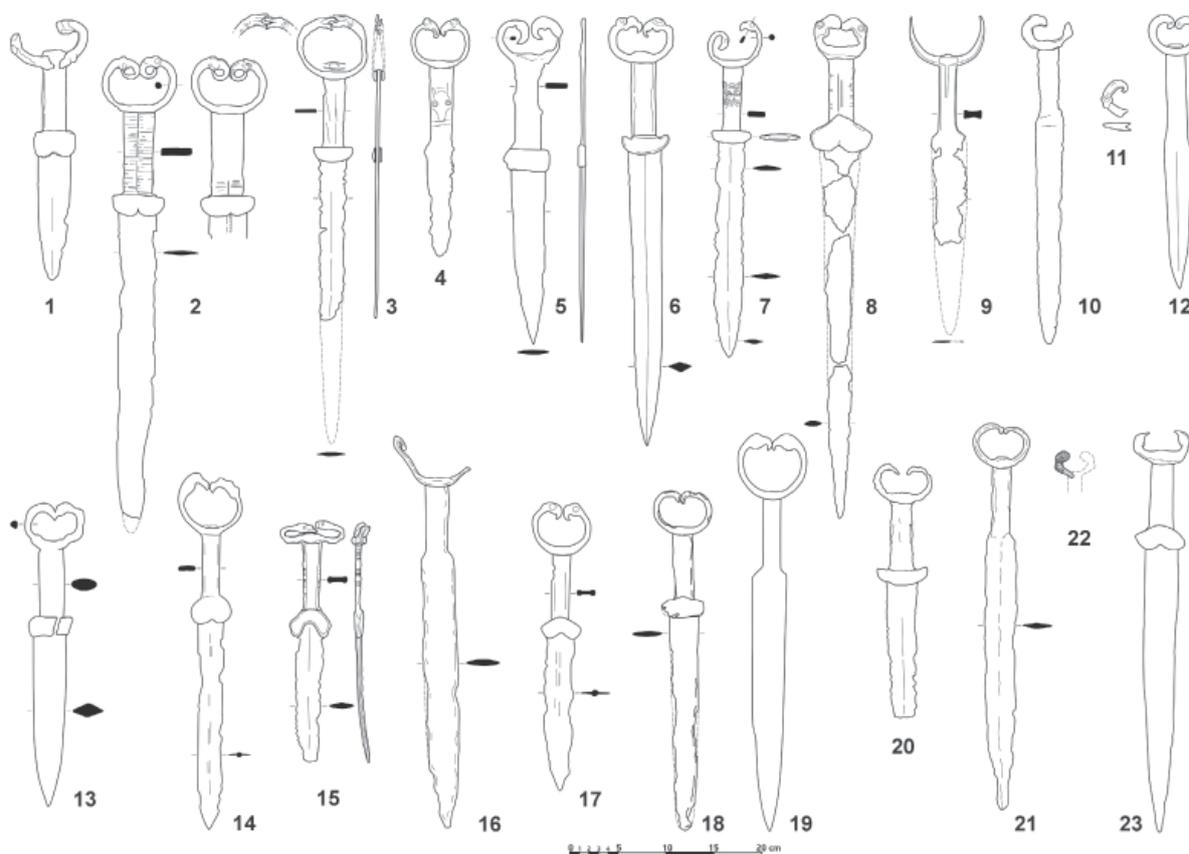

Рис. 8. Акинаки типа Гэйчана: 1 – Капакля; 2 – Чепарь, к. 5; 3 – Гэйчана; 4 – Девене; 5 – Низы; 6 – Гамарня; 7 – Кирово; 8 – Журовка, к. 401; 9 – Галатин; 10 – Равна, п. 37; 11 – Лихачевка; 12 – Яблоновка; 13 – Воскресенский, к. 1, п. 4; 14 – Рассвет, п. 29; 15 – Рассвет; 16 – Уляп, к. 12, п. 26; 17 – Анапская; 18 – Уляп, к. 15, п. 43; 19 – Саук-дере; 20 – Староселье; 21 – Уляп, к. 12, п. 27; 22 – Ананьино; 23 – Краснодар.

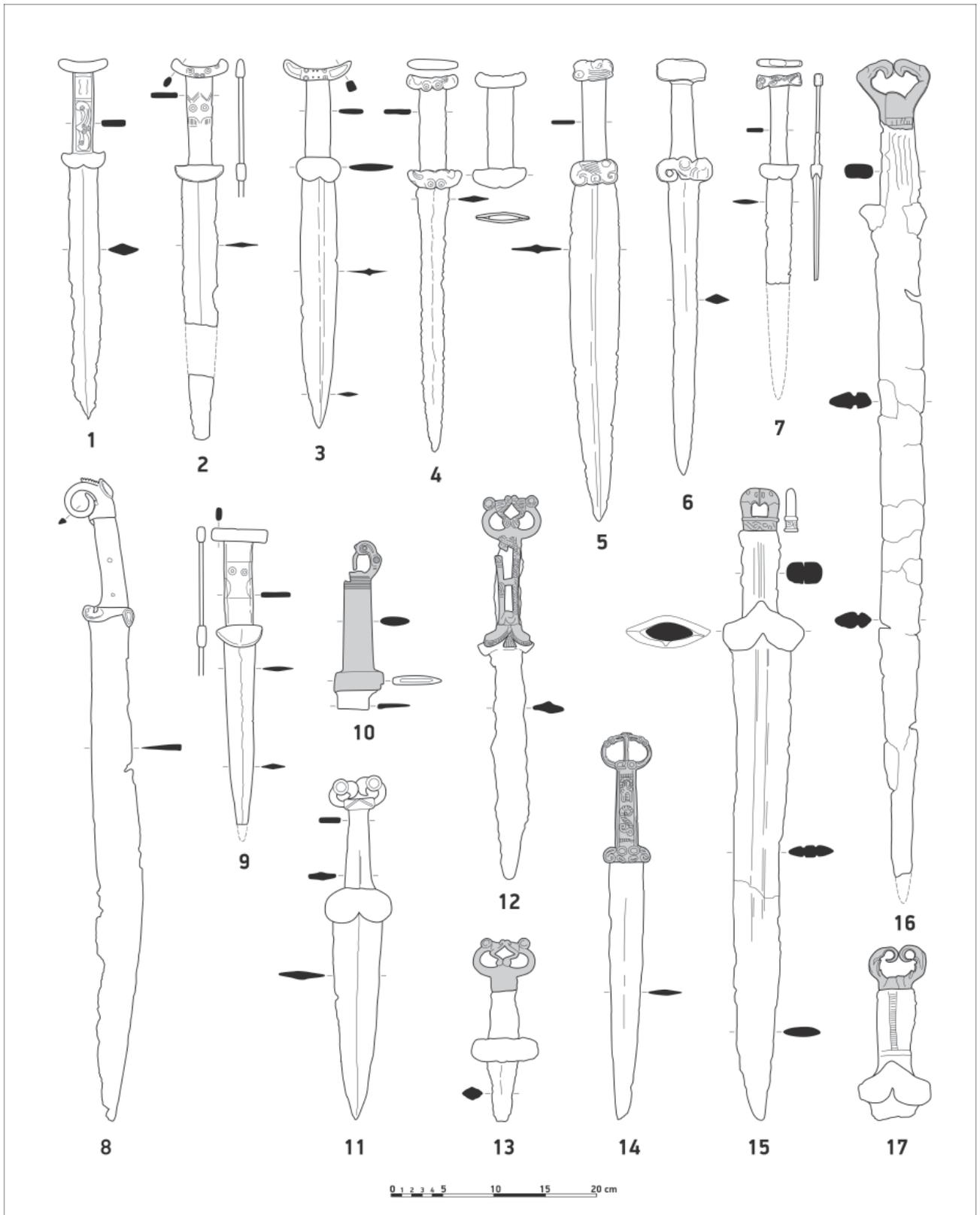

Рис. 9. Мечи и кинжалы в скифском зверином стиле VI–V вв. до н.э.: 1 – Челик-дере; 2 – Волковцы; 3 – Тудорово-Паланка; 4 – Липецкая область; 5 – Веспрем; 6 – Каневский уезд; 7 – Петрикань; 8 – Пенц; 9 – Таганча; 10 – Ананьино; 11 – Большой Толкай; 12, 13 – Гастон-Уота, п. 19; 14 – Мурзиха; 15 – Аргющенко-2, п. 32; 16 – Славное, к. 4, п. 2; 17 – Елизаветовская.

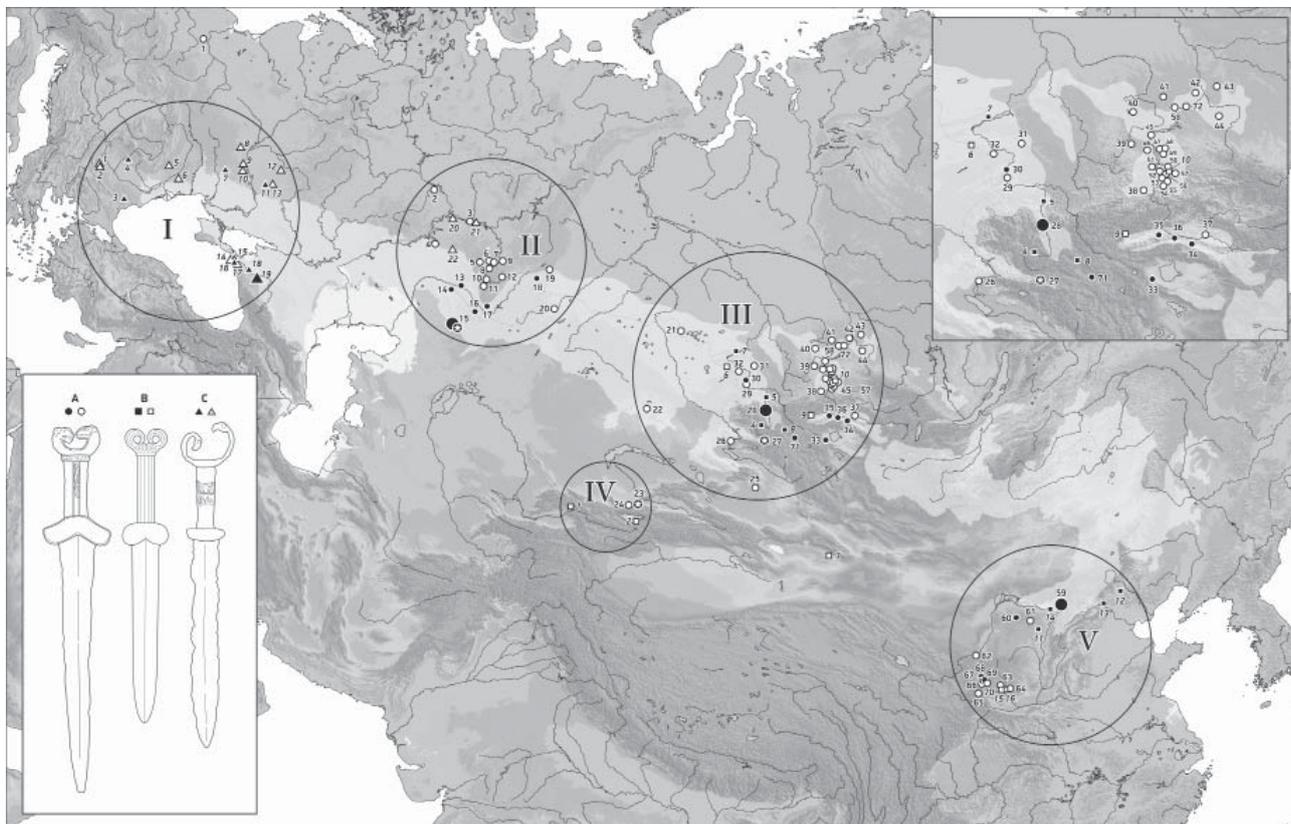

Рис. 10. Распространение орнитоморфных акинаков в Евразии (черная заливка – комплексы, белая – случайные находки). *I – Северное Причерноморье, II – Волго-Уралье, III – Южная Сибирь, IV – Семиречье, V – Северный Китай.* *A – грифовые кинжалы и мечи (1–72):* 1 – Бодзаново, 2 – Ядрино, 3 – Грохань, 4 – Самара, 5 – Новоданиловка, 6 – Уршак, 7 – Малое Ибраево, 8 – Стерлитамак, 9 – Абзаново, 10 – Нарбутово, 11 – Мукачево, 12 – Верхний Авзян, 13 – Павловская, 14 – Филипповка, 15 – Бесоба, 16 – Сынтас, 17 – Сара, 18 – Котлик, 19 – Долгодеревенское, 20 – Костанай, 21 – Ишимское озеро, 22 – Темирши, 23 – Иссык, 24 – Алматы, 25 – «Джунгария», 26 – Славянка, 27 – Берель, 28 – Тыткескен, Кайнду, 29 – Клепиково, 30 – Староалейка, 31 – Белоярское, 32 – Рогозиха, 33 – Улаангом, 34 – Аргалыкты, 35 – Аймырлыг, 36 – Темир-Суг, 37 – Догээ-Баары, 38 – Табат, Аскиз, 39 – Цветногорск, 40 – Андроново, 41 – Кордачина, 42 – Седельниково, 43 – Батой, 44 – Бородино, 45 – Анаш, 46 – Батени, 47 – Абаканское, 48 – Белоярск, 49 – Биря, 50 – Тесь, 51 – Абакан, 52 – Минусинск, 53 – Лугавское, 54 – Каптырево, 55 – Казанцево, 56 – Знаменка, 57 – Таскино, 58 – Новокопенское, 59 – Маоцингоу, 60 – Гунсухао, 61 – «Ордос», 62 – Нидин, 63 – Лигоу, 64 – Хоучжуан, 65 – Ванцзя, 66 – Гуюань, 67 – Самэнь, 68 – Мачжуан, 69 – Янва, 70 – Сяньма, 71 – Уландрык, 72 – Красноярск; *B – стилизованные грифовые кинжалы и мечи (1–16):* 1 – Кетмень-Тюбе, 2 – Дархан, 3 – Сяотунгоу, 4 – Чендек, 5 – Майма, 6 – Ключи, 7 – Новый Шарап, 8 – Боротал, 9 – Кызылган, 10 – Малая Иня, 11 – Лаолунчи, 12 – Лишоугоумэнь, 13 – Бэйсинбао, 14 – Фаньцзяоцзы, 15 – Юаньцзя, 16 – Сигуопань; *C – акинаки типа Гэйчана (1–22):* 1 – Девене, 2 – Галатин, 3 – Равна, 4 – Чепарь, 5 – Гэйчана, 6 – Капаклия, 7 – Журовка, 8 – Яблоновка, 9 – Гамарня, 10 – Староселье, 11 – Кирово, 12 – Низы, 13 – Лихачевка, 14 – Воскресенский, 15 – Анапская, 16 – Рассвет, 17 – Саук-дере, 18 – Краснодар, 19 – Уляп, 20 – Мурзиха, 21 – Ананьино, 22 – Большой Толкай.

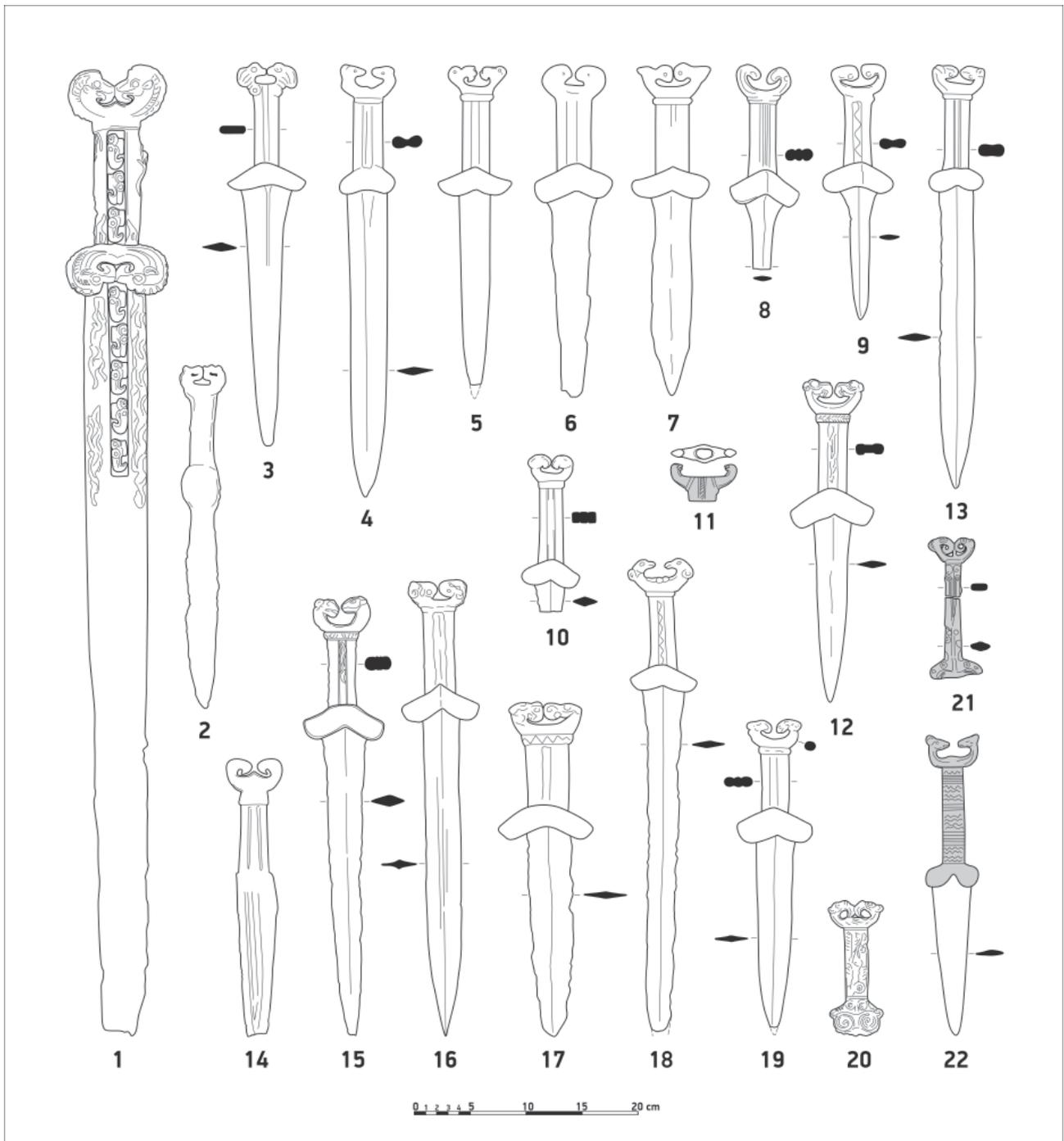

Рис. 11. «Грифовые» кинжалы Евразии. Волго-Уралье (1–10, 12–21) и Центральная Европа (11):
 1 – Филипповка; 2 – Павловская, к. 2; 3 – Уршак; 4 – Верхний Авзян; 5, 7 – Бесоба, к. 5; 6 – Бесоба, к. 9;
 8 – Нарбутово; 9 – Мукачево; 10 – Большой Толкай; 11 – Бодзаново; 12 – Самара; 13 – Алиант-гау;
 14 – Костанай; 15 – Долгодеревенской; 16 – Котлик; 17 – Малое Ибраево; 18 – Новоданиловка;
 19 – Стерлитамак; 20 – Ядрино; 21 – Акозино.

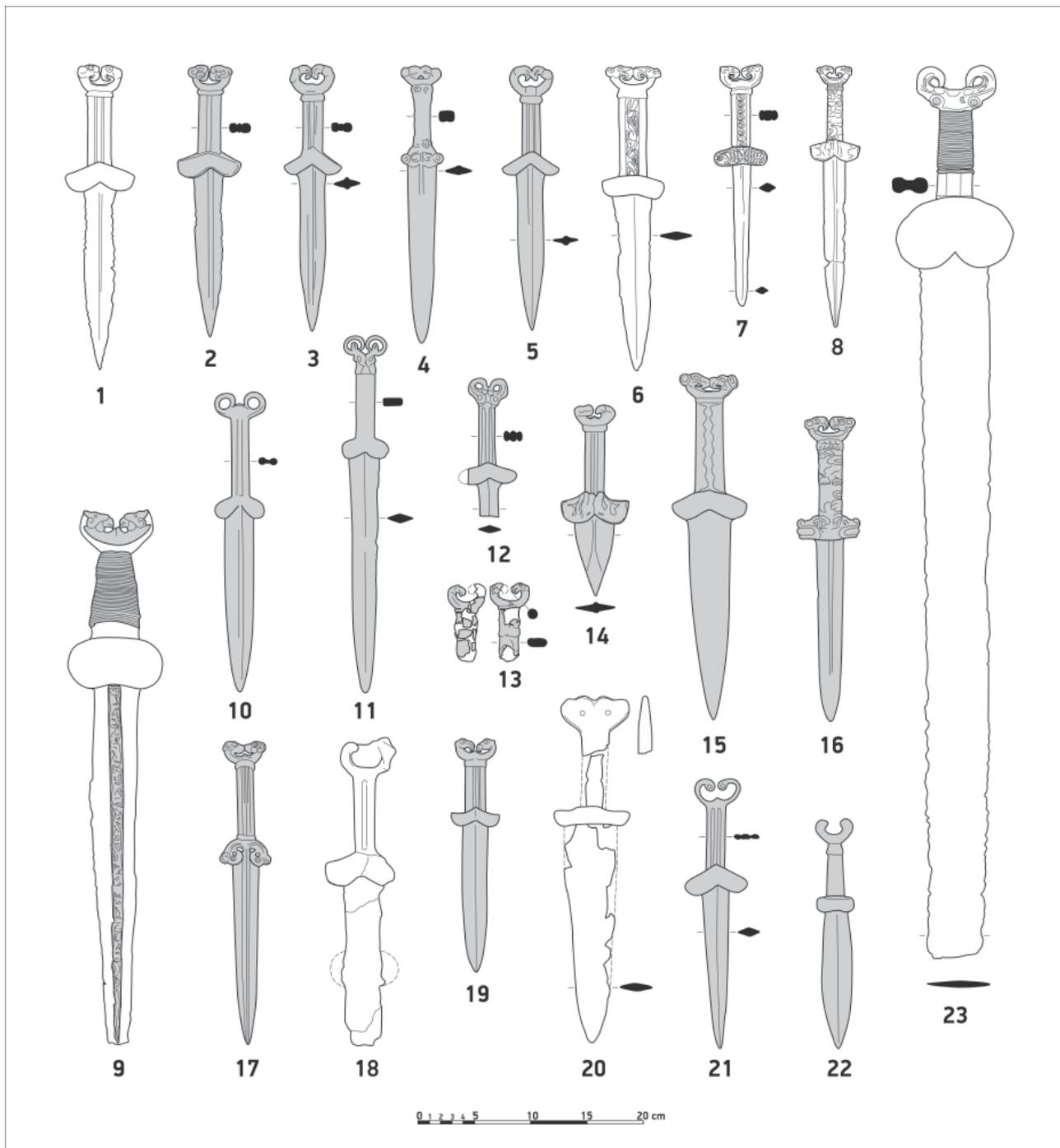

Рис. 12. «Грифовые» кинжалы Евразии. *Семиречье* (1, 2, 9–12) и *Алтай* (3–8, 13–22): 1, 10 – Семиречье; 2 – Алматы; 3 – Тыткескень IV, к. 4; 4 – Кайнду; 5 – Кайнду, к. 2; 6 – Рогозиха; 7 – Темирши; 8 – Славянка; 9 – Иссык; 11 – Кетмень-Тюбе; 12 – Дархан; 13 – Берель, к. 2; 14 – Староалейка; 15 – Белоярское; 16 – Восточный Казахстан; 17 – Уландрык III, к. 1; 18 – Боротал; 19 – Клепиково; 20 – Новый Шарап I, к. 19; 21 – Майма; 22 – Чендек-ба; 23 – Ключи.

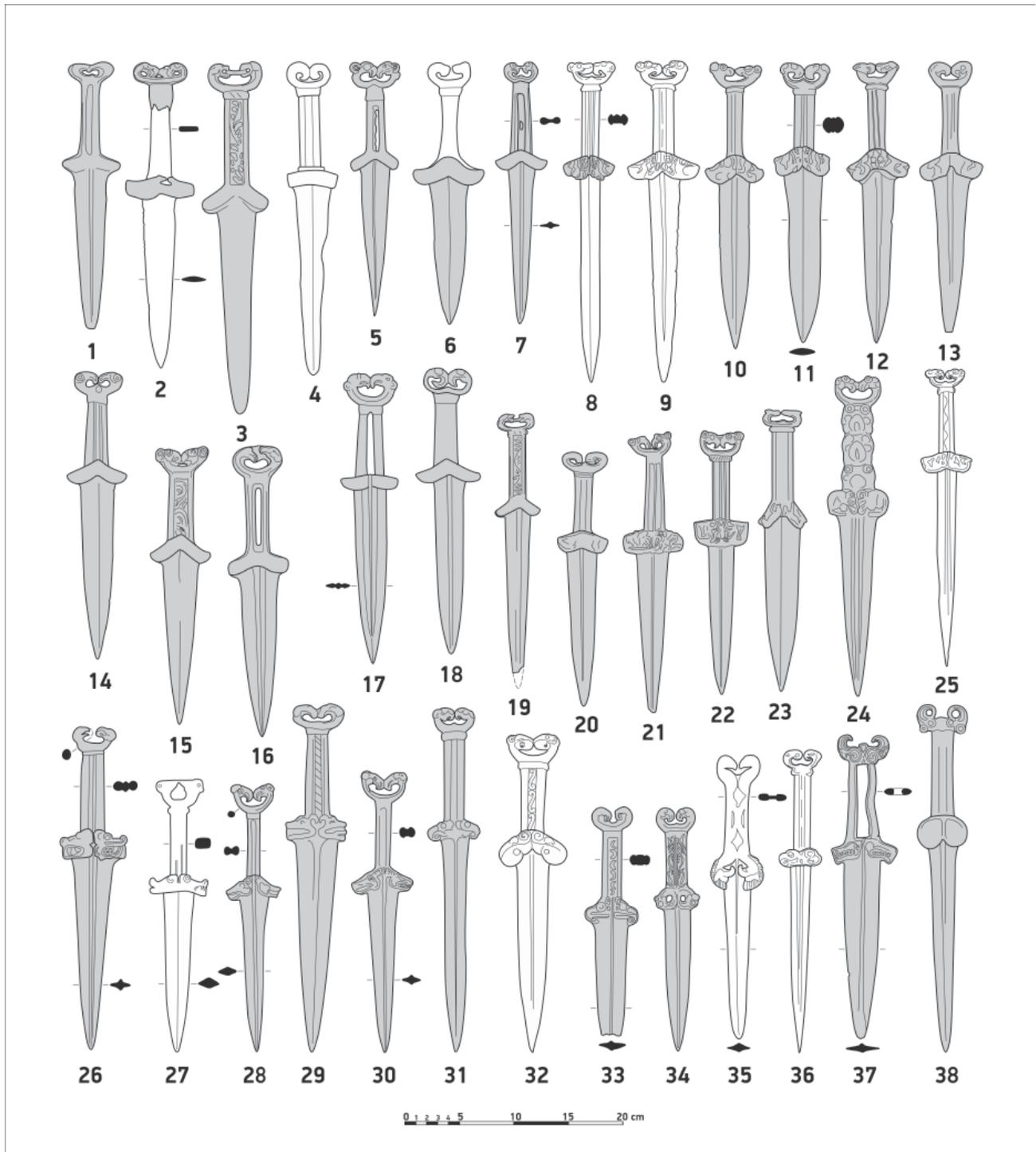

Рис. 13. «Грифовые» кинжалы Евразии. Южная Сибирь: 1 – Ишимское оз.; 2 – Цветногорск; 3 – Белоаярск; 4 – Тесинская волость; 5 – Табат; 6 – Биря; 7, 8, 11, 15, 16, 20, 23, 24, 31, 35 – Минусинск; 9 – Батой; 10 – Знаменка; 12, 26 – Батени; 13 – Седельниково; 14 – Таскино; 17 – Анаш; 18 – Каптырево; 19 – Лугавское; 21 – Бородино; 22 – Абакан; 25 – Новокопепское; 27 – Абаканское; 28 – Андропова; 29, 30, 33, 37 – Красноярск; 32 – Кордачина; 34 – Казанцево; 36 – Аскызское; 38 – Малая Иня.

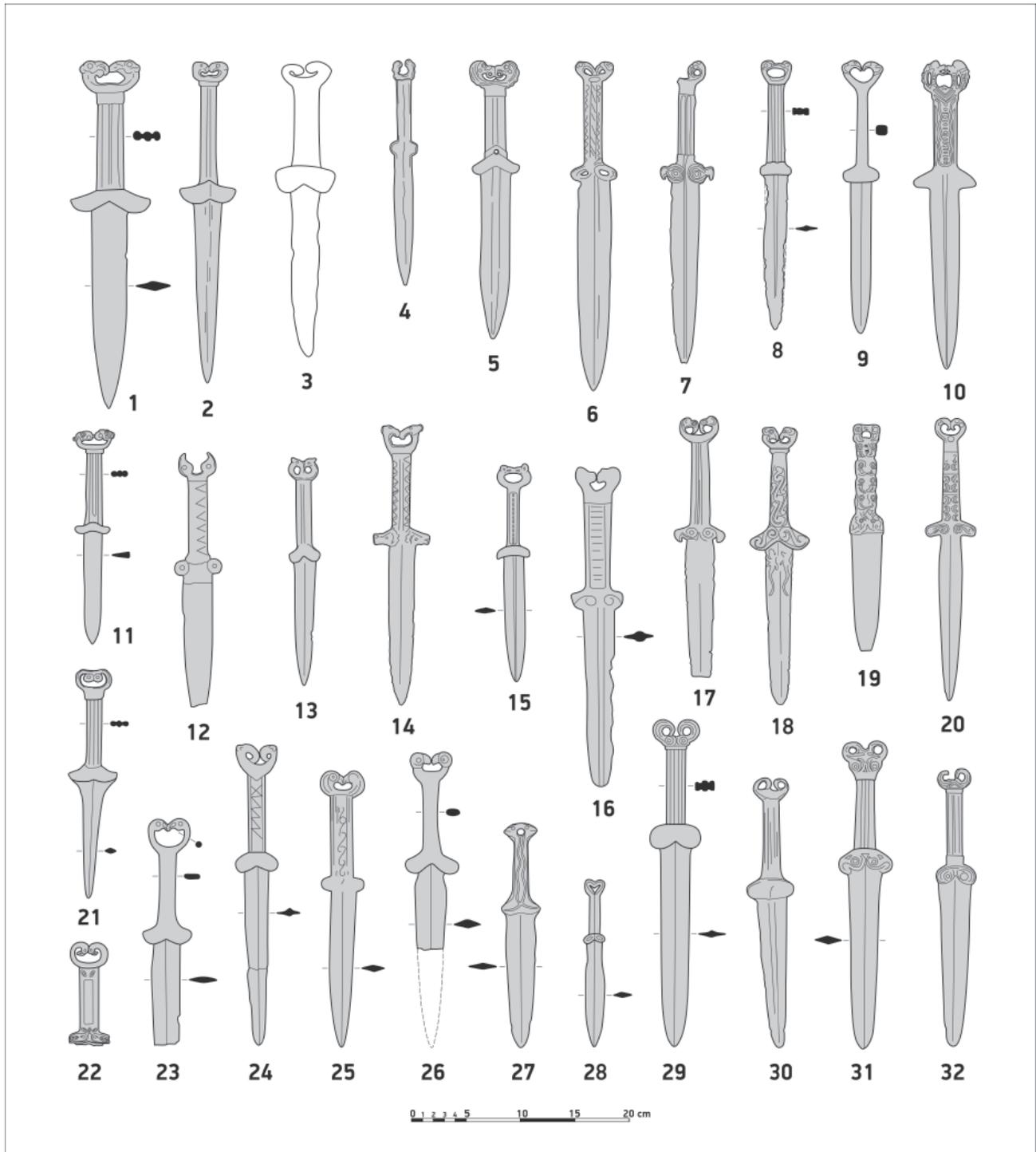

Рис. 14. «Грифовые» кинжалы Евразии. Южная Сибирь (1, 2, 4, 11, 13, 21) и Северный Китай (3, 5–10, 12, 14–20, 22–32): 1 – Темир-Суг I, к. 18; 2 – Догээ-Баары-2; 3 – Сяогунгоу; 4 – Аргалькты I, к. 6; 5–8 – Маоцингоу (5 – п. 59, 6 – 70, 7 – п. 58, 8 – п. 45); 9 – Гунсухао; 10 – Самэнь, п. 3; 11 – Улангом, п. 26; 12 – Джунгария; 13 – Аймырлыг; 14 – Янва; 15 – Мачжуан; 16 – Гуюань; 17–20 – Ордос; 21 – Казылган, к. В-3; 22 – Хоучжуан; 23 – Ванцзя; 24 – Лигоу; 25 – Сяньма; 26 – Нидин; 27 – Сигоупань; 28 – Юаньцзя; 29 – Бейсинбао, п. 1; 30 – Фанцзяоцзы; 31 – Лаолунчи; 32 – Северный Китай.

Рис. 15. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Грищенцы (А – случайные находки, В – находки в комплексах).

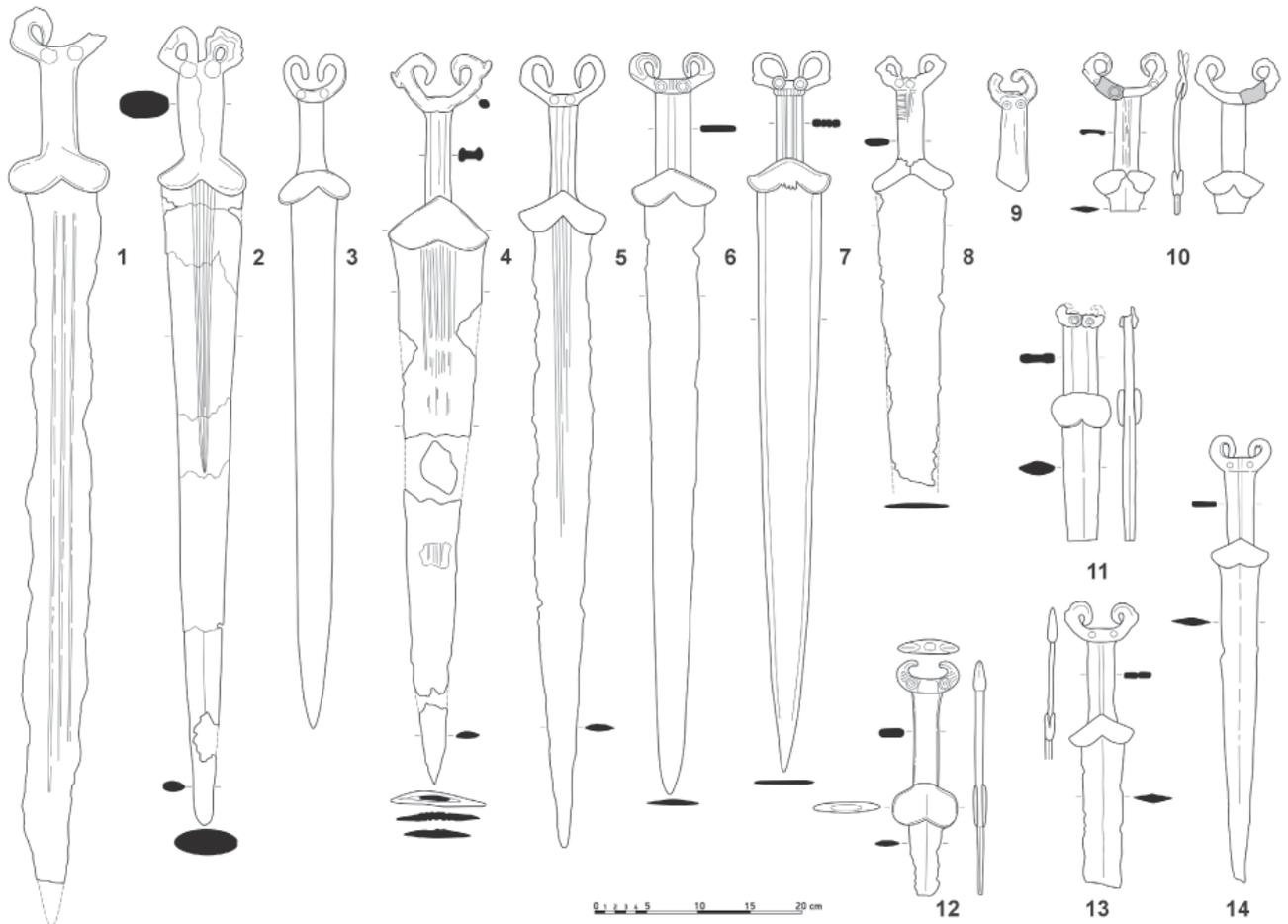

Рис. 16. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Берестяги; 2 – Акташ, к. 48, п. 3; 3 – Нальчик; 4 – Перещепино, к. 3 2002 г., п. 1; 5 – Екатеринославская губерния; 6 – Грищенцы; 7 – Красные Дубки; 8 – Вознесенск; 9 – Мескер-юрт; 10, 13 – ГКИМ; 11 – Алебастрова Гора, к. 3; 12 – Аозинский могильник, случ.; 14 – Котовск.

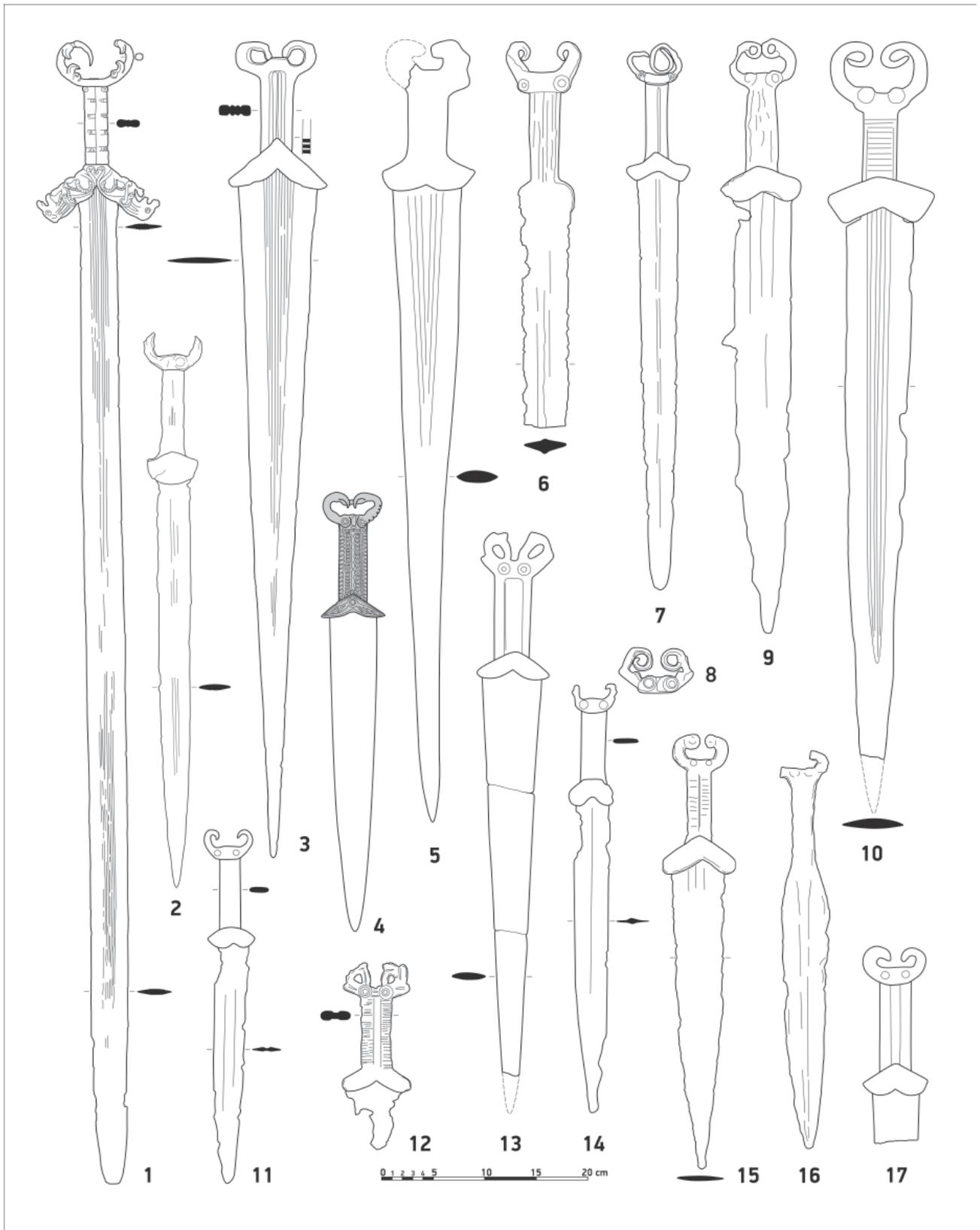

Рис. 17. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Доболий-де-Жос; 2 – Пыржолтены; 3 – Ораное; 4 – Пенза; 5 – Новофедоровка, к. 2, п. 1; 6 – Гозница; 7 – Озерки (Актарск); 8 – Бельское городище; 9 – Луговой могильник; 10 – Ялхой-Мохк; 11 – Раевская; 12 – Пилипчичи, к. 323; 13 – Мгарь; 14 – Су-псех; 15 – Аллерой; 16 – Пятигорск; 17 – Николаевская.

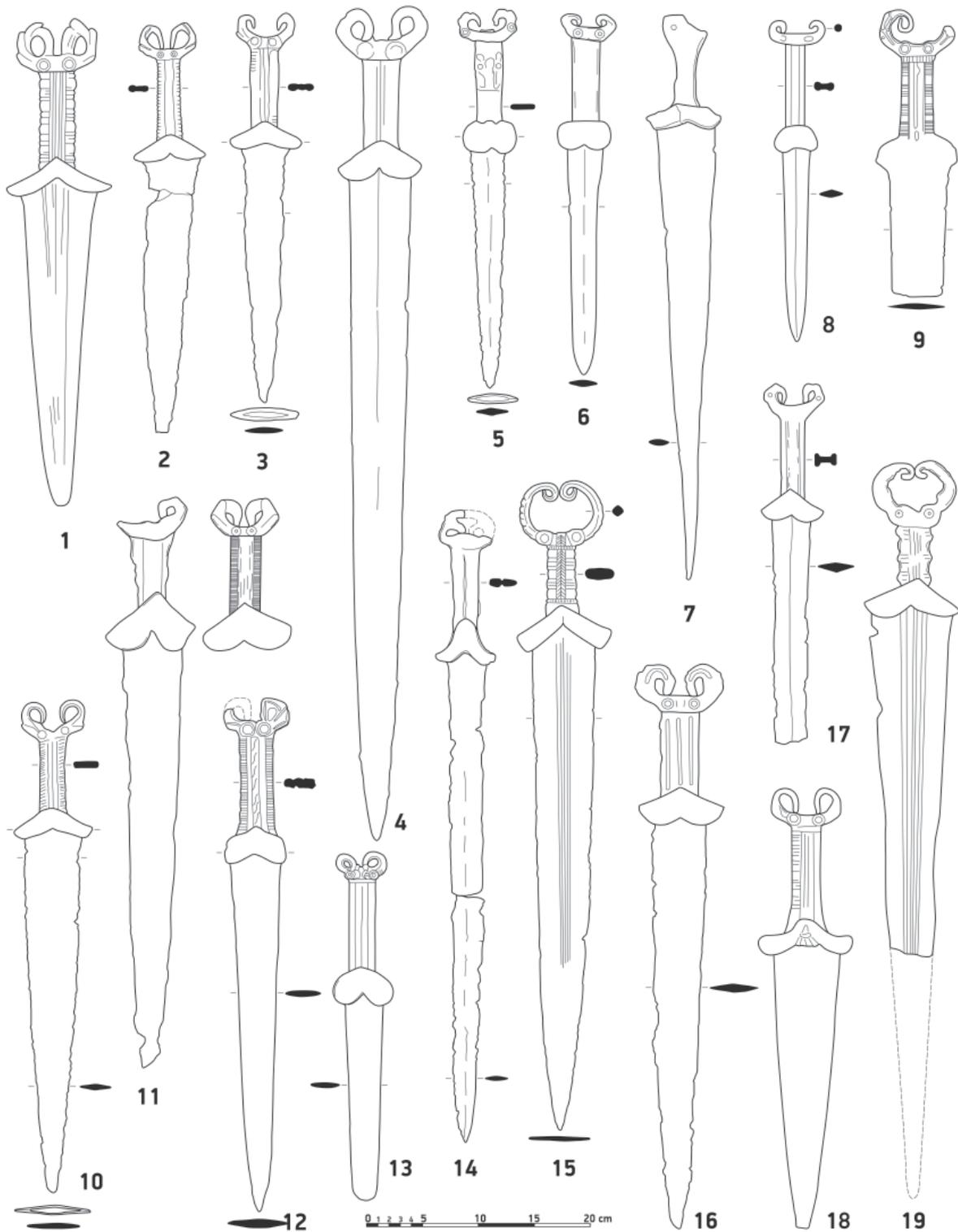

Рис. 18. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Пиликовка; 2 – Анна; 3 – Малый Хомулец; 4 – Рышканский район; 5 – Канишево; 6 – Шали; 7 – Ковали, к. 393; 8 – Стерлитамак; 9 – Свяжск; 10 – Афанасьевка; 11 – ГМИИ; 12 – Аргаяшский район; 13 – Соловка; 14 – Терско-кумский канал; 15 – Энергетик; 16 – Умань; 17 – ГКИМ; 18 – Ивановка; 19 – Лечинкай.

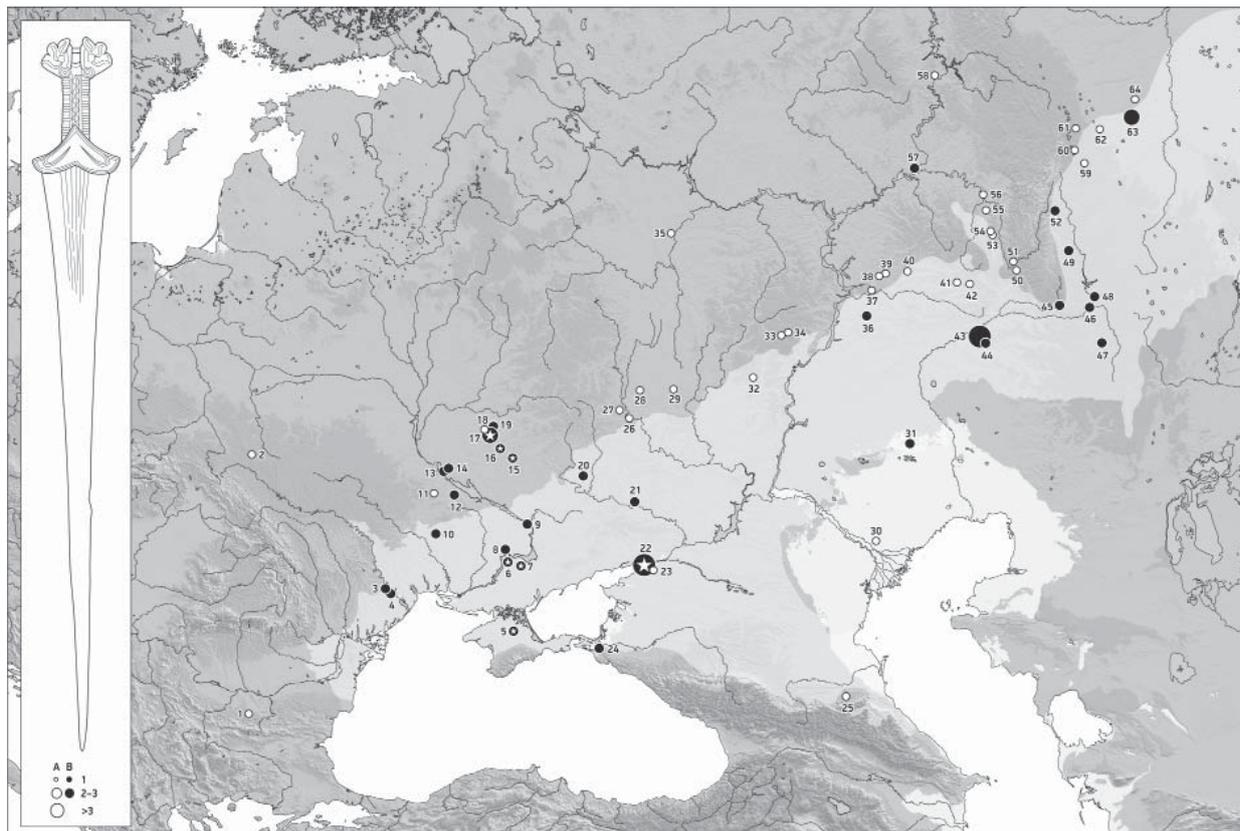

Рис. 19. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Солоха (А – случайные находки, В – находки в комплексах; звездочками обозначены «парадные» формы).

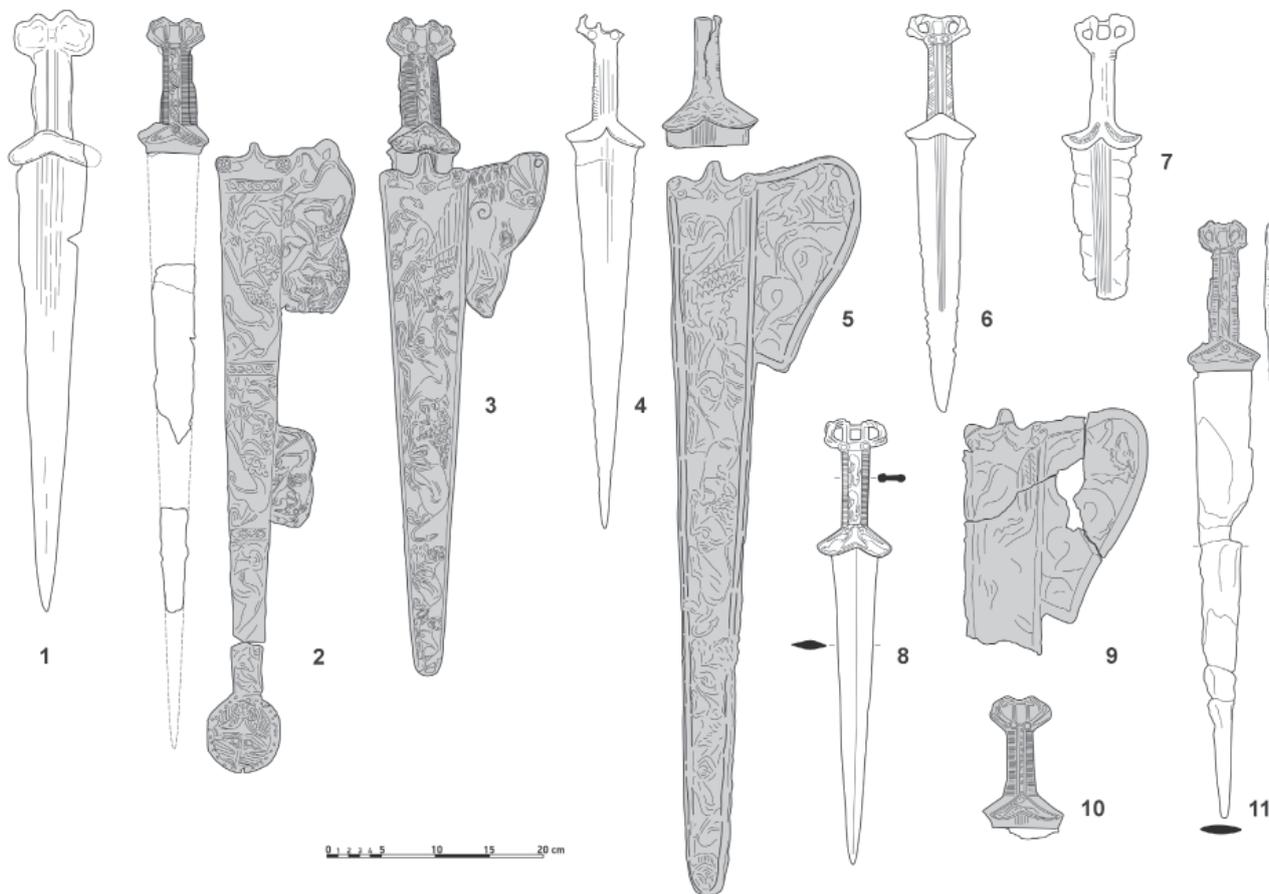

Рис. 20. Акинаки типа Солоха: 1 – Тимофеевка, к.6, п. 1; 2 – Солоха; 3 – Большая Белозерка; 4 – Безречь; 5 – Куль-Оба; 6 – Садовка; 7 – Вязники; 8 – Новая Богдановка; 9 – Грюнвинкель; 10 – Аксютинцы, к. 2; 11 – Перещепино, к. 3, п. 2.

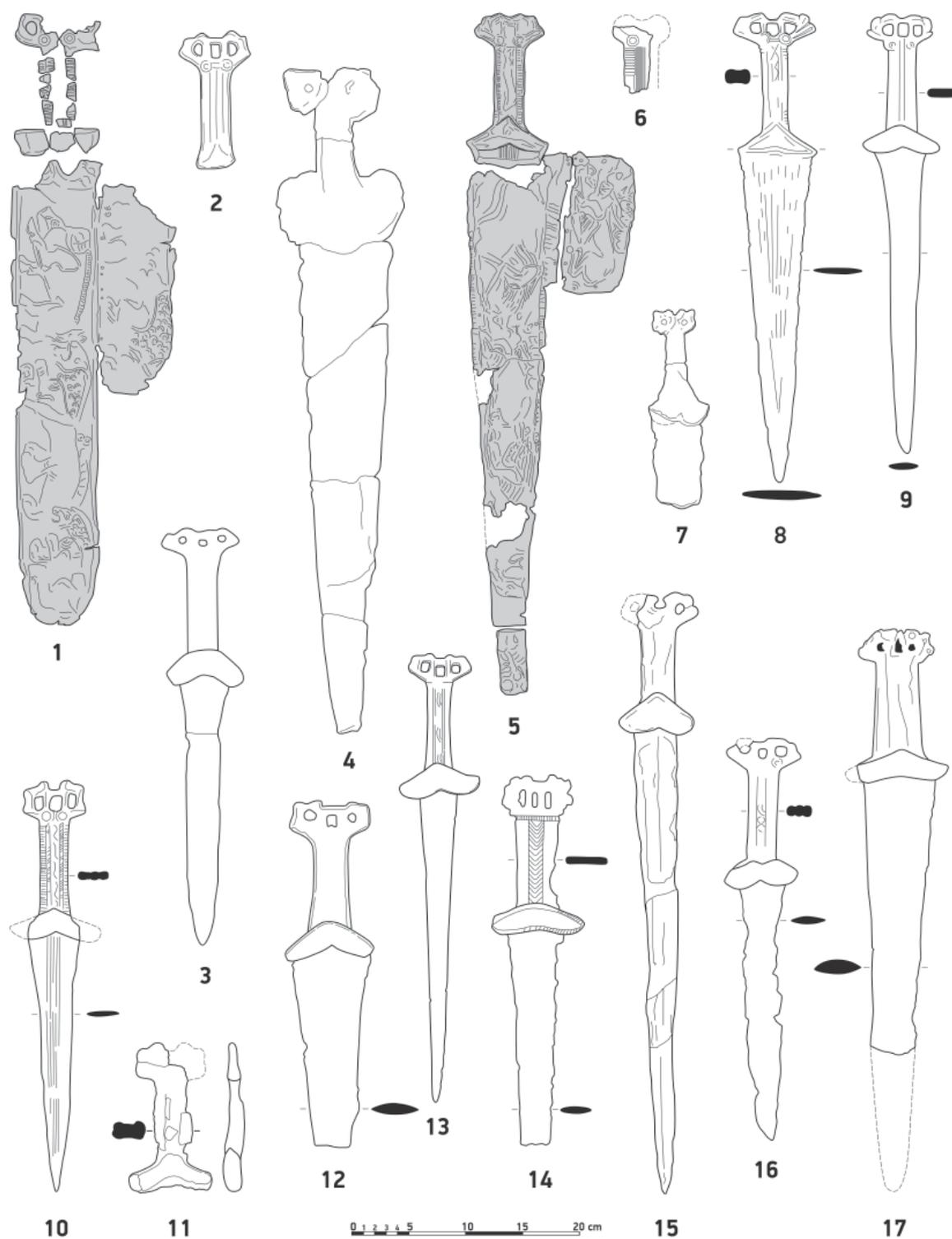

Рис. 21. Акинаки типа Солоха: 1, 4–5, 7 Елизаветовская (1 – Ушаковский курган, 4 – к. 6 1911 г., 5 – к. 10 1909 г., 7 – к. 34 1910 г.); 2 – Стайкин Верх, к. 3; 3 – Муракаево, к. 5, п. 3; 6 – Нагорное, к. 5, п. 1; 8 – Мисящ; 9 – Вязовка; 10 – Акназарово; 11 – Талмаза, к. 9, п. 1; 12 – Жаботин; 13 – Тюмень; 14 – Воскресенское; 15 – Филипповка, к. 7; 16 – МАЭ; 17 – Кара-Оба, к. 11, п. 1.

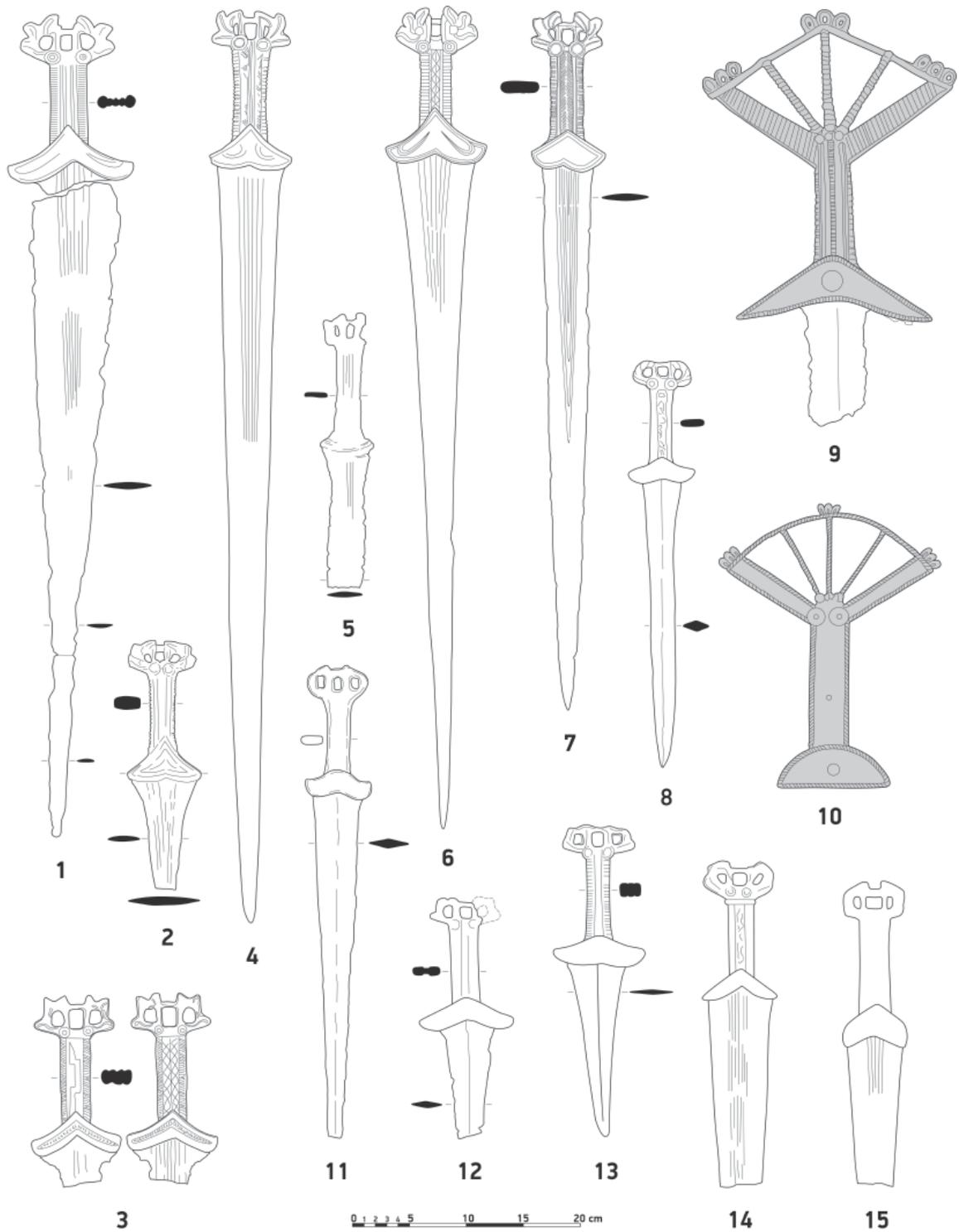

Рис. 22. Акинати типа Солоха: 1, 3 – Вязивки; 2 – Шабунино; 4 – Чегандинский могильник; 5 – Хлебное; 6 – Агагово; 7 – Шняево; 8 – Ивановка; 9 – Муром; 10 – Пьяный Бор; 11 – Пилюгино; 12 – Дадановка; 13 – Самара; 14 – Волосская Балаклея; 15 – Ялхой-Мохк.

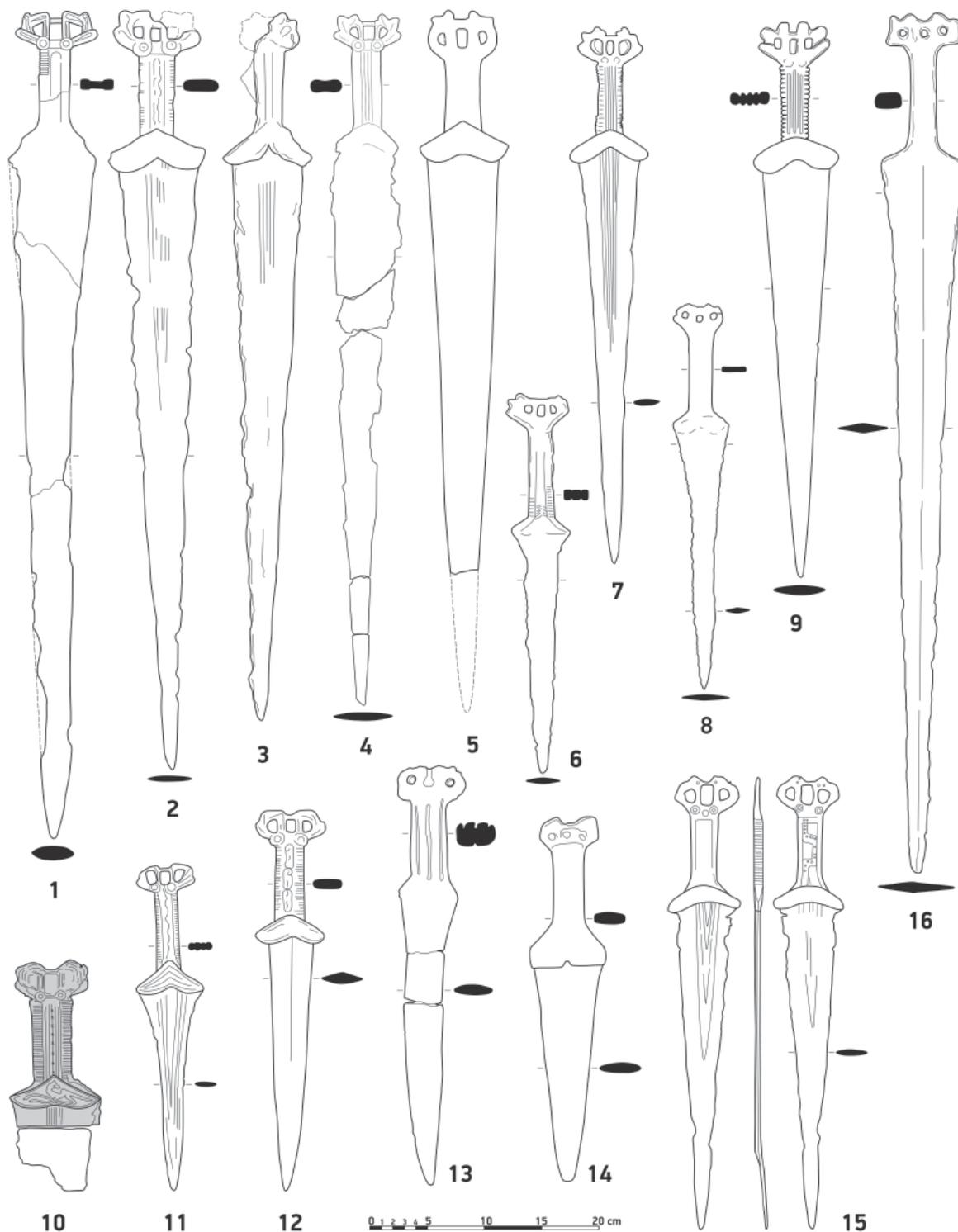

Рис. 23. Акинаки типа Солоха: 1 – Петровка, к. 2; 2 – Самовица; 3 – Софиевка; 4 – Пуркары, к. 7, п. 3; 5 – Елизаветовская, к. 4 1910 г.; 6 – Ахрат; 7 – ГКИМ; 8 – Мастогино; 9 – Гладковщина, к. 2; 10 – Осняги, к. 4; 11 – Уфа; 12 – Талачево; 13 – Исикай; 14 – Кировский могильник, к. 9, п. 20; 15 – Львовский музей; 16 – Яблочный.

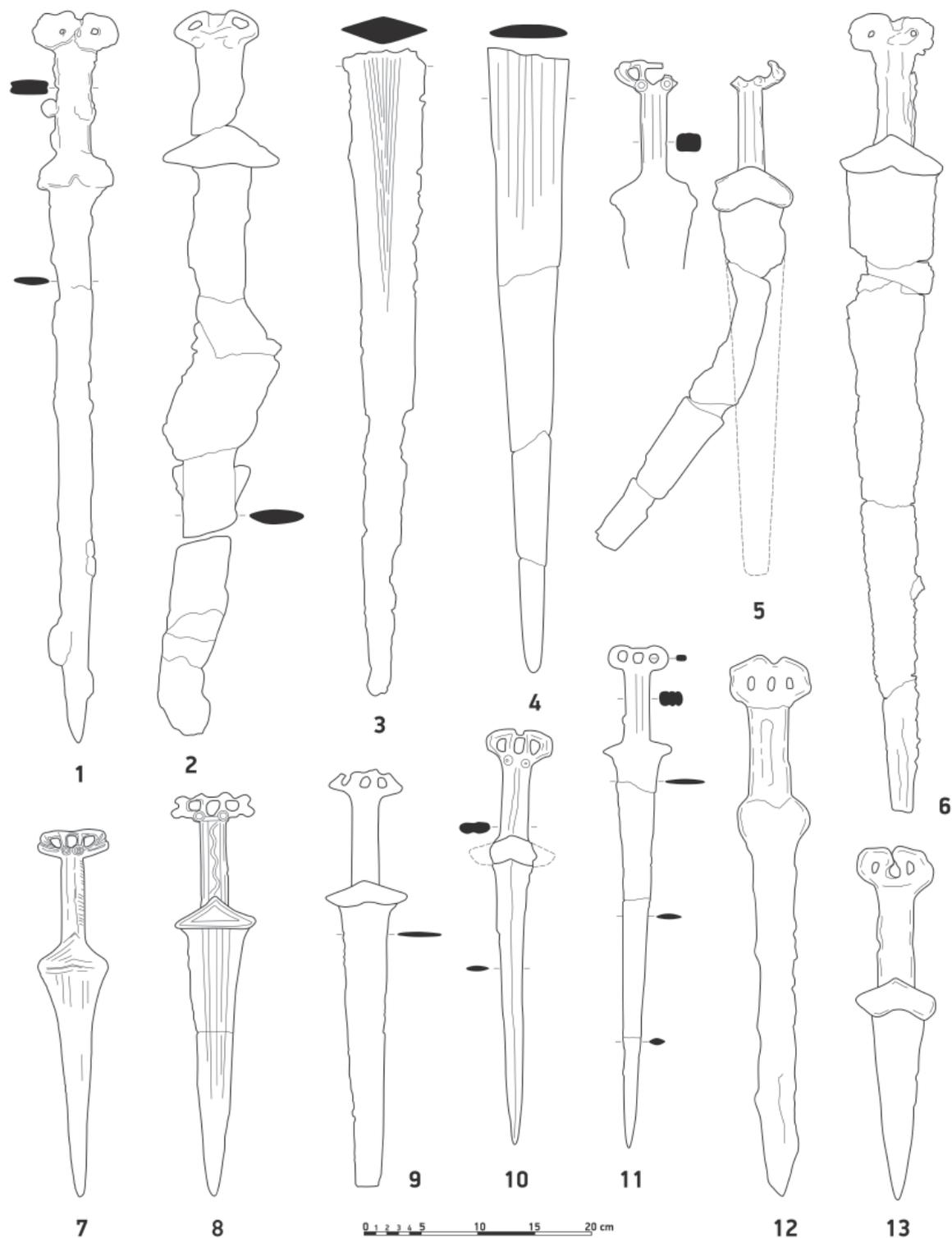

Рис. 24. Акинаки типа Солоха: 1 – Новый Кумак, к. 18, п. 1; 2 – Сары-тау, к. 7; 3 – Семь братьев, к. 2; 4 – Близнец-2; 5, 11 – Филипповка (5 – к. 13, 11 – к. 15, п.3); 6 – Волковцы, к. 2; 7 – Похвистнево; 8 – НМРБ; 9 – Усть-Качка; 10 – Тляумбетово; 12, 13 – Воробьево.